

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

У.А. Кашапов, С.В. Мотин, Э.Д. Хафизов

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В РОССИИ**

(Вторая половина XVIII – первая треть XX в.)

Учебное пособие

Уфа
ОН и РИО УЮИ МВД РФ
2005

УДК 34
ББК 87.3 (2)
К 31

Рецензенты: доктор юридических наук, профессор А.П. Герасимов
(Уфимский юридический институт МВД России);
доктор социологических наук, профессор С.В. Егорышев
(Восточный институт экономики, гуманитарных наук,
управления и права)

Кашапов У.А., Мотин С.В., Хафизов Э.Д.

К 31 Из истории становления и развития социально-правовой мысли в России (Вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Учебное пособие. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005. – 261 с.

ISBN 5-7247 – 0416 – 3

В учебном пособии представлены биографические сведения и взгляды известных российских правоведов, заложивших основы и творчески развивших теорию, философию и социологию российского права.

Пособие предназначено для курсантов и студентов, изучающих историю политических и правовых учений, философию и социологию права, теорию государства и права, а также всем, кто интересуется историей отечественной социально-правовой мысли.

УДК 34
ББК 87.3 (2)

ISBN 5-7247 – 0416 – 3

© Кашапов У.А., 2005
© Мотин С.В., 2005
© Хафизов Э.Д. 2005
© УЮИ МВД РФ, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы это должны знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество¹.

Н.М. Коркунов

Юридическая наука в России формировалась под заметным влиянием западноевропейской юриспруденции. Известный русский юрист конца XIX – начала XX вв. Н.М. Коркунов в этой связи писал: "Наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам, прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее в каких-нибудь полтора-два десятилетия мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий"². В целом XVIII в. был для российской юридической науки периодом ученичества. Начало ему было положено переводом на русский язык книги С. Пуфендорфа "Об обязанностях гражданина и человека", осуществленного по указанию Петра I.

Первым русским профессором права стал С.Е. Десницкий (1740-1789). Привлекают внимание речи Десницкого: "Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции", "Слово о причинах смертных казней по делам криминальным", "Юридическое рассуждение о пользе отечественного законодательства". В центре его научных интересов стояли проблемы методологии юридического знания, проблемы собственности, брака, правовые и нравственные аспекты применения смертной казни. Десницкий одним из первых в России стремился рассматривать в единстве экономическую, этическую и собственно юридическую проблематику. Согласно взглядам Десницкого этика, или "нравоучительная философия", есть "первый способ к совершению наших чувствований, справедливости и несправедливости". Поэтому в соединении с "натуральной" юриспруденцией она является "первым руководством" для всех рассуждений в сфере права; это знание, которое составляет "первоначальное учение законоискусства". Десницкий значительно вышел за рамки официальной идеологии, пропагандируя в России развернутую академическую правовую концепцию.

Философско-правовые идеи классиков немецкой философии, прежде всего И. Канта, нашли свое отражение в работе А.П. Куницына (1793-1840) "Право естественное" (1818-1820). Куницын различал право "первоначальное" и "производное"; первое определяется природой человека, второе – общественными законами. Признавая частную собственность священной и

¹ Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1908. С. 232.

² Там же. С. 233.

неприкосновенной, он выступал против распространения этого принципа на право владения другими людьми, обосновывал необходимость и правомерность свободы и неправомерность угнетения человека человеком. Право Куницын рассматривал как часть "нравственной философии". С помощью последней разум призван руководить чувственной природой человека и формулировать законы по охране его свободы.

Крупнейшим отечественным юристом первой половины XIX в. можно с полным правом назвать К.А. Неволлина (1806-1855). Его двухтомная «Энциклопедия законоведения» (1839-1840) в течение долгого времени была наиболее фундаментальным трудом в области права не только в России, но и в Европе. В своем творчестве Неволлин продолжал традиции "исторической школы" Савиньи. Вместе с тем он испытал значительное влияние теории естественного права и философии права Гегеля, лекции которого он слушал в Берлинском университете. Задачу энциклопедии права Неволлин видел в том, чтобы с ее помощью представить всю систему правовых явлений как единое целое. При этом энциклопедия права является кратким систематическим обзором законоведения, "небольшой моделью величественного здания". Вместе с тем энциклопедия права – это система основных положений права, сведенных к одному "высшему понятию", служащих введением в специальное изучение юридических наук.

Проникающие в Россию во второй половине XIX в. идеи юридического позитивизма, обосновывающие формально-догматическую юриспруденцию, привели к поляризации позиций ученых в отношении содержания энциклопедии права и по поводу ее значения для юридической науки. Представители одного направления относили энциклопедию к самостоятельной науке в системе юриспруденции (К.А. Неволлин, М.Н. Капустин, Н.К. Ренненкамф). Странники другого направления рассматривали энциклопедию права как введение в науку о праве и не признавали ее самостоятельное значение (П. Деларов).

Вслед за энциклопедией права выделяются такие направления, как философия права и теория права, претендующие на роль обобщающей юридической науки. К.А. Неволлин, М.Н. Капустин, П.Г. Редкин, Н.М. Коркунов склонялись к мысли, что разницы между теорией, философией и энциклопедией права нет. С начала 80-х гг. и до конца столетия усилиями таких ученых, как Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман, Д.Д. Гримм, А.А. Рождественский и др., юридический позитивизм в России стал доминирующим направлением в общей теории права. Тем не менее, со времени К.А. Неволлина идеалистическая традиция в русском законоведении не прерывалась. Так, в 1900 г. появились два произведения – «Философия права» Б.Н. Чичерина и "Энциклопедия права" Е.Н. Трубецкого. В 1914 г. вышла в свет двухтомная работа И.В. Михайловского "Очерки философии права". Названные авторы, развивая взгляды К.А. Неволлина, строили свою философию на началах нравственного и религиозного идеализма.

Вопросы смысла права и его природы, правовой методологии являлись особенно острыми для российского общества второй половины XIX – начала XX веков. Центральной темой либеральной правовой мысли XIX века стало воспитание уважения к праву, а одним из основных факторов при формировании воззрений была гегелевская философия. Восприятие гегелевской философии права нашло свое специфическое отражение в русском правовом сознании. В отличие от западноевропейского типа философствования (где философия права предстает как содержание взаимосвязи права и закона, правосудия и государства) в отечественном правосознании сохранился союз правовых идей и христианского учения о бытии, свободе и человеке, тем самым отношение нравственности и права не приобрело форму их противопоставления.

Вопрос о месте и значении права в русской духовной традиции занимал умы многих русских ученых рубежа XX века. Достижения русской философии права того периода обычно связывают с именем Н.И. Новгородцева и его учеников, среди которых наиболее известны И.А. Ильин и Б.П. Вышеславцев. Однако сформировавшаяся в рамках данной школы идея о регулятивной функции правовых норм, законов, нравственных заповедей и об определении ими во многом содержания бытия народов осмысливалась более широким кругом мыслителей русского религиозного ренессанса. Не менее значительны в этом плане такие мыслители, как А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Н.А. Зверев, В.М. Гессен, Н.И. Палиенко, Е.В. Спекторский, чьи взгляды ждут своих исследователей.

В основе исследований, посвященных анализу правопонимания, лежит вполне прагматическая цель – создать необходимые теоретические предпосылки для успешного становления правовой системы России. Проблема правопонимания предполагает обращение к его анализу специалистов самых разных областей гуманитарного знания (социологов, психологов, философов, юристов и др.). В последние годы исследователи данной проблемы вышли на уровень концептуализации. В юридической и социальной литературе наблюдается чрезвычайно широкий спектр мнений по вопросу о сущности правопонимания и его системообразующей роли в праве. Отмечается как неопределенность его границ в отношении правосознания и правового мышления, так и в выделении его содержательных компонентов. Прежде всего, обращает на себя внимание различия теоретико-методологических основ анализа природы, сущности и назначения права философами, социологами и юристами.

При всех возможных вариантах интерпретации права незыблемым и постоянным остается раскрытие его содержания через понятия «свобода», «равенство», «справедливость». Очевидно, что в разных социокультурных контекстах каждое из данных понятий может занимать свое место в системе аксиологической иерархии. Русская национальная идея увязывала право с моралью и нравственностью. Во всем многообразии подходов к праву в

дореволюционной России¹ сквозной линией присутствовала славянофильская парадигма правового нигилизма (либо в форме критики, либо в форме апологии). Во всяком случае, всегда было очевидно преобладание нравственной проблематики над правовой. Это и сегодня объясняет преобладание содержательно-культурного элемента в мотивационной и оценочной деятельности россиян.

С учетом этого важного для российского менталитета момента большое внимание в пособии уделяется проблеме соотношения права и нравственности, вернее, тому, каким представлялось это соотношение в трудах российских правоведов, философов и социологов. Глубокую связь права и нравственности отметил наш современный исследователь: «Понимание нравственных корней российского права в значительной степени сказывается на понимании всей совокупности социально-духовных факторов воспроизводства права. И речь должна идти, скорее, не о моральных основаниях права, а правовом обеспечении нравственной жизни общества, как самоценного ориентира человека. В отличие от других традиционных обществ, нравственность в России всегда носила не обыденно – ритуальный, внешне поведенческий, а глубоко религиозный характер, т.е. являлась способом не реального, а идеального бытия человека»².

В пособии вниманию читателя представлены взгляды видных правоведов, философов и социологов, внесших значительный вклад не только в российскую, но и мировую сокровищницу правовой мысли. Композиционные основы построения изложения воззрений каждой персоны представляют собой следующую схему: после обзора жизни и деятельности мыслителя представлена проблема интерпретации им правовых проблем, раскрытие их сущностных компонентов.

Пособие подготовлено: введение, заключение, части 1–5, 15, 16, 21 – кандидатом юридических наук С.В. Мотиным; введение, заключение, части 6–8, 10–14, 17–20 – кандидатом исторических наук У.А. Кашаповым, части 9, 22–25 – кандидатом исторических наук, доцентом Э.Д. Хафизовым.

---

¹ Корнев А.В. К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. №5. С. 93-97.

² Малахов В.П. К проблеме нравственных корней современного российского права // Русская философия права: основные проблемы и традиции. Сборник материалов все-российской конференции. Ростов-на-Дону, 2000. С. 242-243.

I. СТАНОВЛЕНИЕ

1. Вводный очерк

В зародышевой форме основы философско-правовых взглядов в России были заложены еще на этапе возникновения раннего феодализма в устном народном творчестве, эпосе, летописях, памятниках права и литературы. Исторической культуре русского народа всегда было чуждо чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, которое весьма свойственно народам протестантской и католической ветвей христианства. Например, еще в XI веке митрополит Киевский Иларион в работе "Слово о Законе и Благодати"¹ показал огромную пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью (истиной), данной отзывчивой и просветленной душе человека².

С падением монголо-татарского ига и преодолением феодальной раздробленности в русском обществе происходят значительные социально-экономические сдвиги. Конец XV в. ознаменовался резким повышением роли написанных источников права, значительным увеличением объема законодательного материала, что явилось отражением тенденции к упрочению государственной власти, усилению централизации русской общественной жизни. В 1497 г. был подготовлен единый для всего русского государства Судебник. Позднее появились и другие правовые сборники – Судебник 1550 г., Стоглав 1551 г., Судебник 1589 г., Уложение 1649 г., отразившие создание общерусской правовой системы. Следствием отмеченных процессов в развитии русского права было дальнейшее совершенствование навыков, приемов и способов формирования юридических норм, обработки законодательного материала – всего того, что входит в содержание явления, именуемого законоведением, законоискусством, или юриспруденцией.

Характеризуя эволюцию русского права в XV-XVI вв., А. Станиславский писал, что "при таком состоянии источников права задача законоведцев стала гораздо труднее: частью потому, что материал, подлежащий их изучению, был теперь гораздо обильнее прежнего; частью и в особенности потому, что в практике приходилось часто сличать разнородные постановления законодательной власти как между собою, так и с льготными грамотами и обычаями местными; частью, наконец, потому, что обнародование законов, состоявшее преимущественно в прокликании их на торгах, было весьма недостаточно для доставления знакомства с их содержанием"³. В

---

¹ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

² См.: Русская философия права: философия веры и нравственности (антология). СПб., 1997. С. 6.

³ Станиславский А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 22.

этих условиях появилась необходимость специального преподавания и изучения законов.

В одном из указов царь Иван IV (Грозный) предписал "завести священникам в своих домах училища закона божия и гражданского". Ф. Морошкин заметил по поводу этого указа, что здесь открывается "первый признак школьной юриспруденции в России"¹. "Факты показывают, однако, – отмечает современный исследователь российской юриспруденции, – что специальное изучение и преподавание права вплоть до XVIII в. сколько-нибудь заметного развития в русском обществе не получило"².

В целом на протяжении XV-XVII вв. юриспруденция носила сугубо прикладной характер. Знание законов и умение с ними обращаться приобреталось почти исключительно в процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг. "Русская первоначальная юриспруденция есть собственно юриспруденция *дьяческая*, – писал Ф. Морошкин. – Дьяк или клерк – сие таинственное, дивное существо в истории законодательства, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном"³.

Судебники 1497 и 1550 гг. специально предусмотрели участие дьяков в процессе осуществления правосудия. И.И. Смирнов, исследовавший законодательный процесс в Русском государстве второй половины XVI в., сделал вывод об огромном значении служащих государственного аппарата в законодательстве. По его словам, "именно приказы, в частности казначей, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии – разрабатывая проекты законов (представляемые в виде "докладов" на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев находилось формирование и редактирование текста законов на основе норм царского приговора"⁴. Таким образом, с укреплением единого Русского государства на протяжении XV-XVI вв. роль дьяков в законодательном процессе и деятельности судебных органов все более возрастала.

Важнейшим фактором ускоренного формирования в юриспруденции западноевропейских стран специализированного категориального аппарата была рецепция римского права. Сходное воздействие оказывал на развитие русской юриспруденции византийский вариант римского права. Однако это влияние не могло иметь того эффекта, которое имело влияние римско-

---

¹ Морошкин Ф. Предисловие // Рейнц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 111.

² Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции // Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. М., 1986. С. 45-46.

³ Морошкин Ф. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки императорского Московского университета. 1834. Ч. III. № 8. С. 214.

⁴ Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С.352.

го права на западноевропейскую юриспруденцию, так как византийское право уступало классическому римскому праву именно с точки зрения формально-юридической: его понятия были сравнительно неопределенны, расплывчаты, носили более конкурентный характер. Данное различие усилилось в средние века, когда римское право в Западной Европе было подвергнуто научной разработке в университетах, тогда как византийское право в России подобной разработке не подвергалось. Узкоспециальный характер правового языка в Западной Европе, то значительное расхождение, которое существовало между ним и обыденным языком, предполагали в качестве необходимого условия совершенствования юриспруденции развитие юридического образования. В России же в силу того, что язык права не расходился в большей степени с народным языком, процесс зарождения и эволюции юриспруденции не был связан с развитием юридического образования¹.

Учебных учреждений как таковых в России до XVII в., по словам М.Ф. Владимирского-Буданова, не было, так как "самое образование не признавалось за государственную потребность до конца XVII в."². Церковь занималась подготовкой церковнослужителей, приходского духовенства, дьяков и подьячих. Подобное образование можно было получить в приходской общине, где обучались чтению, письму, счету и "закону Божию" (по богослужебным книгам); к этому присоединялось сообщение всех сведений, которыми располагали тогдашние грамотеи: в азбуковниках того времени содержатся основные пункты вероучения, жития святых, извлечения из творений святых отцов, краткие словари, основные начала грамматики, иногда география³.

В XVII в. в Российском государстве учреждается ряд учебных заведений, в которых должен был изучаться целый комплекс дисциплин, выходящих за рамки области богословских наук (например, философия, иностранные языки, риторика и др.)⁴. В Москве открываются: Андреевское братство (1649 г.), патриаршее Чудовское училище, Иоанно-Богословское училище (1666 г.). Побывавший в середине XVII в. в России немецкий ученый Адам Олеарий с неподдельным изумлением замечает: "В настоящее время они (русские – С.М.), – что довольно удивительно, – по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки"⁵.

---

¹ Подробнее см.: Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции // Развитие русского права в XV - первой половине XVII вв. М., 1986. С. 47-48.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1995. С. 222.

³ Там же. С. 222-223.

⁴ См.: Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX вв. Л., 1983.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV-VII вв. глазами иностранцев. С. 404.

Однако подлинными центрами просвещения и культуры православно-го населения российского государства были Киево-Могилянская и Славяно-греко-латинская академии. Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. – академия) была основана в 1632 г. митрополитом Петром Могилой и являлась оплотом православной культуры на границе с католическим миром. Академия готовила не только богословов и церковных деятелей. Академический курс также включал ряд светских дисциплин, позволявших осуществлять подготовку необходимых для государства специалистов в области правоведения – дипломатов, политических деятелей, государственных чиновников, правоведов и т.п.¹

Примечательно, что прогрессивные преподаватели академии были знакомы с трудами Гуго Гроция и Самуила Пуфендорфа, придерживались естественно-правовых взглядов и на первый план выдвигали антропологические аспекты: монастику – учение о нравственности; экономику – знания о ведении хозяйства; политику – учение о государстве и праве. Преподавали в академии в разное время известные государственные и церковные деятели, ученые и философы – И. Гизель, Г. Конисский, Ф. Лопатинский, С. Яворский, Ф. Прокопович, Г. Бужинский и другие.

Вторая академия – Московская славяно-греко-латинская – была основана в 1687 г. Симеоном Полоцким. Приглашенные из Константинополя католики братья Лихуды – Иоанникий и Софроний – были первыми педагогами (отстранены по настоянию патриарха в 1694 г.). Курсы читали многие преподаватели Киево-Могилянской академии, постепенно перебивавшиеся в Москву: Ф. Прокопович, С. Яворский, Г. Бужинский и другие².

Вплоть до начала XVIII в. в русской юриспруденции господствовало религиозное мировоззрение. Схоласты монополизировали область познания и превратили все науки, находящиеся за пределами богословской догматики, во вспомогательные дисциплины, в служанок одной царицы – теологии. Служебную роль выполняла и юриспруденция, развитие которой проходило в основном за счет ассимиляции русского обычного права с христианскими концепциями. "До времени Петра I, – как отмечал А. Благовещенский, – познание законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства"³.

Перелом наступил в эпоху Петра I, когда его преобразования положили начало светской науке и образованию, что подорвало идеологическое влияние церкви на юридическую мысль. Кроме того, обучение русских людей за границей, путешествия дворянской молодежи с целью повыше-

---

¹ См.: Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988.

² См.: Абрамов А.И. Философия в духовных академиях // Вопросы философии. 1997. № 9.

³ Благовещенский А. История метод науки законовещения в XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835, апрель. С. 438.

ния образования значительно расширили культурные горизонты русского общества, способствовали быстрому проникновению в его ученые круги гуманистических и рационалистических взглядов раннебуржуазных мыслителей Западной Европы: Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и других. У истоков светской юриспруденции России стояли сам Петр I и его ближайший сподвижник Феофан Прокопович. Светскую весьма оригинальную альтернативу дальнейшей преобразовательной деятельности императора предлагал Иван Посошков.

Петр I не оставил потомкам специальных политико-юридических трактатов, его идеи о государстве и праве рассыпаны в эпистолярном наследии, обширном российском законодательстве первой четверти XVIII в., многогранной преобразовательной деятельности. Как и многие другие сферы науки, Петр I юриспруденцию осваивал самообразованием, путем проб и ошибок, практическим участием в формировании нового Российского государства. В октябре 1724 г. Петр писал в Синод: "Посылаю при сем книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый – о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской, но требую, чтоб первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужда быть"¹.

Трактат С. Пуфендорфа "О должности человека и гражданина по закону естественному" был переведен на русский язык архимандритом Троице-Сергиева монастыря Гавриилом и опубликован в 1726 г., уже после смерти Петра. Произведения Самуила Пуфендорфа (1632-1694) содержали основные естественно-правовые положения и элементы теории общественного договора. Русские мыслители конца XVII – начала XVIII вв. Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков попытались в условиях оформления абсолютной монархии путем сочетания доктрины естественного права и положений священного писания идейно обосновать теорию "просвещенного абсолютизма".

Русское право было по преимуществу статутным, и все вопросы, на которые органы правосудия не находили ответов, решались в верхнем эшелоне государственного аппарата. Поэтому не случайно один из крупнейших государственных деятелей России того времени В.Н. Татищев, разделяя все науки на нужные (риторика, экономика, медицина), полезные (правописание, иностранные языки, арифметика, геометрия, механика, география, история, анатомия, ботаника, физика, химия), щегольские (поэзия, музыка, танцы и вольтижировка), любопытные (астрономия, алхимия) и вредные (волхование), среди них не нашел для правоведения места.

При Петре I происходит существенное изменение в содержании и формах организации процесса обучения. В 1724 г. была основана Академия наук, а при ней – первый в истории русского государства университет (философским, медицинским и юридическим факультетами), первыми

---

¹ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17-18. М., 1993. С. 484.

профессорами которого являлись в основном иностранцы, читавшие курс права в соответствии с постулатами немецкой юриспруденции. В "Проекте учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов", утвержденного именованным указом Петра от 28 января 1724 г. (первом масштабном нормативном акте в деле создания университетов), юриспруденция называлась "искусством права"¹.

Все науки в Академии согласно документу были разделены на три класса: 1) математический, 2) физический, 3) гуманитарный – история и право. Проведение занятий на юридическом факультете поручалось академикам третьего класса. Из "юридических" дисциплин предусматривалось преподавание "права природы" (естественного права), права публичного, политики и этики (нравоучения).

Поскольку прибывшие по приглашению официальной власти для работы в Академии наук иностранные ученые представляли своими трудами в основном цикл естественнонаучного знания, а организованных форм университетского образования в первые годы функционирования Академии не было, возникла необходимость "оживить", исправить положение, в том числе и в отношении преподавания "искусства права". С этой целью был создан Регламент Академии наук и художеств 1747 г.² Данным законодательным актом университет несколько обособлялся в системе Академии наук, проводилось различие между академиками, освобожденными от преподавания, и профессорами, читавшими лекции. Из двенадцати наименований наук, предписанных Регламентом для университета, к "юридическим" относились права натуральные и философия практическая и нравоучительная (ст. 45).

Среди первых 16 зарубежных ученых – членов Санкт-Петербургской Академии наук, прибывших в 1725 г. в Петербург, были правовед Иоган Бекенштейн и специалист по моральной философии Христофор Гросс. Бекенштейн до приезда в Россию являлся доктором права в Кенигсбергском университете, а с 1726 г. стал академиком кафедры правоведения Петербургской академии наук. Он вернулся в Кенигсберг в 1735 г., оставшись почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук. Академики-иностранцы должны были не только вести научные исследования, но и готовить научно-педагогические кадры из числа российских и иностранных студентов. Эту деятельность академиков нельзя считать плодотворной. Так, в открытом при Академии университете обучалось всего восемь студентов-иностранцев, но и они к 1731 г. покинули Россию. В созданной при университете гимназии к 1737 г. было только 19 учеников.

Большинство отечественных исследователей отводили академическому университету весьма незавидную роль в деле становления университетского (и юридического в том числе) образования, хотя наличие в ту эпоху

---

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4443.

² ПСЗ. Т. 12. № 39425.

определенного уровня научного знания о праве не отрицалось. Более или менее регулярный и научный характер юридическое образование приобрело только в Московском университете.

В теоретическом плане вторая половина XVIII в. ознаменовалась значительными успехами в развитии русской политико-правовой мысли. Проявились и глубокие последствия петровских преобразований, и сближение с Европой, и влияние идейных течений, которые шли с Запада. Но в основе этих успехов лежали, бесспорно, те социально-экономические сдвиги, которые происходили в русской жизни. Юридическая мысль в это время развивается бурно и плодотворно, происходит дифференциация правосознания. Наряду с консервативной идеологией выделяется в особое направление антикрепостническая просветительская мысль, открыто заявившая о себе на конкурсе Вольного экономического общества (1766 г.) и в ходе работы Уложенной комиссии (1767-1768 гг.).

Указом императрицы Екатерины II от 24 января 1755 г. "Об учреждении Московского университета и двух гимназий" был утвержден "Проект об учреждении Московского университета"¹, который в литературе иногда называют первым университетским уставом. В состав университета предполагалось включить три факультета: подготовительный (философский) и специальные (медицинский и юридический). Необходимость создания юридического факультета объяснялась тем, что "...наука о правах по природе есть как бы основание всех прав и законов". Перечень предметов, изучавшихся на факультете, был определен М.В. Ломоносовым².

Начало пятого параграфа Устава Московского университета было изложено в следующей редакции: "Профессоров в университете будет в трех факультетах десять. В юридическом: 1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеописанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время"³.

На юридическом факультете читались следующие курсы лекций: естественное право, народное право, всеобщее положительное право, римское право, история римского права, политика, общая энциклопедия, история русского права, практическое законодательство российское, философия. Эпизодически читалось морское и военное право.

---

¹ ПСЗ. Т.14. № 10346.

² См.: Письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову (1754 г., июнь-июль) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989. С. 27.

³ 1755, января 24. Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989. С. 32.

Государству, имевшему обширное еще не систематизированное законодательство, требовались грамотные специалисты, знатоки национального права. Манифестом 15 декабря 1764 г. предписывалось создать на юридическом факультете Московского университета и в Кадетском корпусе "классы российской юриспруденции"; тем самым отменялась система подготовки гражданских чиновников при Сенате и коллегиях¹. Однако правовое образование шло с трудом. Так, в 1765 г. на правовом отделении обучался только один студент. В 1779 г. при Московском университете по инициативе ректора созданы дворянские классы. Изучение права стало обязательным элементом дворянского образования. В 1783 г. дворянские классы были преобразованы в Благородный пансион.

Первым профессором юридического факультета Московского университета стал австриец Филипп Генрих Дильтей, "заключавший в себе одном долгое время весь факультет правоведения и читавший лекции почти на всех европейских языках, кроме русского. Ему обязана Россия первыми образованными юристами"². Ф.Г. Дильтей (1727-1781) – доктор прав Венского университета, с 1756 г. в Московском университете читал курс естественного права, вел курс истории русского права, а также права военного, морского и уголовного. Профессор Ф.Г. Дильтей пользовался заслуженным авторитетом и популярностью в Москве. Его лекции посещали не только студенты, но и многие жители Москвы. По свидетельству современников, на москвичей большое впечатление произвела прочитанная профессором публичная лекция о роли права в жизни общества.

Будучи не готовым к преподаванию внутреннего русского права, Дильтей принялся за изучение законодательства. В 1764 г. по поручению профессорской конференции он составил план преподавания на юридическом факультете. По его мнению, юридическая наука могла преподаваться лишь после законченного гуманитарного (философского) образования, в противном случае изучение права могло бы растянуться на 10-12 лет. Дильтей учитывал, что на факультете только один профессор (он сам), а потому предлагал следующий порядок преподавания дисциплин: 1) всеобщее или естественное право и право народное (как основа и фундамент всех прав); 2) установления римского права (здесь автор предлагал рассматривать российские законы с целью демонстрации их согласованности и, наоборот, противоречия с римским правом, т.е. отследить рецепцию); 3) право уголовное, право вексельное (как теория, так и российское законодательство); 4) право российское, обращенное в законоведение; 5) государственное право. Дильтей настаивал «на обязательной регулярной присылке» всех русских законов и просил передать ему двух студентов, уже зани-

---

¹ ПСЗ. Т. 16. № 11989.

² Морошкин Ф.Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки императорского Московского университета. 1834. Ч. III. № 8. С. 225.

мавшихся изучением права, для оказания помощи в ознакомлении с российским законодательством и проведения его частной инкорпорации¹.

Основные сочинения Дильтея: «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологию в пользу обучающегося российского дворянства» В 3-х ч. (М., 1762); «Начальные основания вексельного права, а особливо российского со шведским» (М., 1768); «Диссертация о наследованиях юридических или о дедукциях судебных дел» (М., 1781); «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии Российской Империи» (М., 1781). В 1777 г. Дильтей издал учебник по истории русского права, а в 1779 г. – учебник по русскому праву и процессу для судей, который в соответствии с традициями того времени имел подробное название: "Исследование юридическое о принадлежности для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном". Дильтей одним из первых поставил вопрос о необходимости публикации законов и указов и об ознакомлении с действующим законодательством широких масс населения. "Скрывать законы..., – писал он, – есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как я уже и сам довольно опытом узнал"².

В 1767 г. юридический факультет Московского университета, состоявший из двух профессоров (Дильтея и Лангера), пополнился русскими учеными – С.Е. Десницким и И.А. Третьяковым, направленными в свое время для получения образования и подготовки к профессорскому званию в Англию в университет Глазго. По прибытии они были проэкзаменованы по всеобщей юриспруденции при участии Обер-секретаря III Департамента Сената и прочитали пробные лекции, заслужив одобрительные оценки профессорской коллегии³. Решением конференции профессоров Десницкому было поручено преподавание римского права "с применением к русскому праву отдельных законов", а Третьякову – истории права, сначала естественного, а затем – римского с древностями⁴.

Иван Андреевич Третьяков (1736-1776), защитив докторскую диссертацию в 1767 г. в Глазго (Шотландия), вернулся в Россию и с 1768 г. до конца жизни работал профессором права в Московском университете, преподавая юридическую науку русским студентам. Третьяков в своих произведениях пытался решать государственно-правовые проблемы своего времени в духе идеалов Просвещения и гуманизма. Научное творчество Третьякова оказало большое влияние на духовную жизнь мыслящих людей России второй половины XVIII в. Перу ученого принадлежат: "Слово о

---

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756-1764). М., 1960. Т. 1. № 292.

² Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского со шведским. М., 1768. С. 2.

³ См.: Документы и материалы... Т. 3. (1767-1786). М., 1963. № 33, 37-40, 43, 46, 47.

⁴ См.: Документы и материалы... Т. 3. (1767-1786). М., 1963. № 42.

происшествия и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях" (1768 г.), "Слово о римском правлении и о разных оногo временах" (1769 г.), "Рассуждения о причинах изобилия и подлинного обогащения государств как у древних, так и нынешних народов" (1772 г.).

Большую роль в становлении университетской правовой науки сыграли также русские правоведы: В.Т. Золотницкий, З.А. Горюшкин, А.П. Куницын. По существу, они выполняли миссию просветителей и сыграли большую роль в становлении и развитии правоведения в России. Излагая достижения западной юриспруденции, русские юристы не могли не чувствовать внутреннюю потребность излагать собственные идеи, отражавшие особенности теории и практики отечественного правоведения. "Удивительно, – писал Десницкий, – что в России до сих времен никакого почти особенного старания к отечественной юриспруденции прилагается не было"¹.

С конца 60-х гг. XVIII столетия, когда юридический факультет обогатился преподавательскими кадрами из россиян, удалось обратить особое внимание на изучение российского законодательства. В частности, в предписании куратора университета² Адодурова директору университета от 29 ноября 1767 г. прямо указывалось на необходимость следить за тем, чтобы на лекциях юридического факультета показывалось и "употребление российского права"³.

Приверженцем естественно-правовых взглядов был В.Т. Золотницкий. Его работа "Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества" (СПб., 1764) была поистине первенцем русской юридической литературы и имела огромное значение для формирования системы теоретических юридических категорий. Одним из способных учеников С.Е. Десницкого был В. Новиков. Он стал первым русским автором, издавшим в 1790 г. учебное пособие по праву: "Театр судоправления, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников⁴ и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и ста-

---

¹ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближнем способе к научению юриспруденции. М., 1768. С. 24.

² Куратор университета назначался императором из знатных вельмож; по характеру своих полномочий он был своеобразным "посредником" между университетом и Высочайшей властью; в XIX в. эта должность трансформировалась в должность Попечителя учебного округа.

³ Документы и материалы... Т. 3. № 72.

⁴ Правоискусниками (законоискусниками) в России называли специалистов по применению и толкованию норм права. Они помогали населению ориентироваться в сложных вопросах составления и понимания юридических документов, объясняли значение конкретных указов и законов. Правоискусники сыграли определенную роль в развитии русского правоведения, создав своеобразную прикладную юридическую науку, практическое правоведение – «законоискусство».

вить полезное и приятное времяпрепровождение". В яркой публицистической манере В. Новиков утверждал, что право должно играть в жизни людей и общества такую же социально-инструментальную и дидактическую роль, как и литература.

Преподавание русского права в Московском университете в тот период ограничивалось военными и морскими артикулами, а первые примитивные учебники по праву компилятивного характера были изданы только в последнем десятилетии XVIII в., что позволило сделать вывод об отсутствии в России того времени самостоятельной национальной юридической науки западного уровня¹. Это было вполне естественным, ибо по объективным причинам к описываемому моменту не могло сложиться национальное правоведение "западного уровня", университетское образование находилось в стадии становления, российская правовая наука носила "рецептивный" характер, заимствуя у Западной Европы основные правовые идеи с доминантой доктрины естественного права.

В начале XIX столетия идеи Десницкого о праве были восприняты видным представителем русского правоведения – Захаром Аникеевичем Горюшкиным. Долгое время (с конца 80-х гг. XVIII в. до своей смерти в 1821 г.) он пользовался большой популярностью в Москве, сначала как чиновник, готовый помочь правильно составить и направить куда следует прошение или челобитную, а потом как один из самых любимых профессоров Московского университета, где с 1786 г. по 1811 г. преподавал курс практического законоведения и истории русского законодательства. Горюшкин не получил никакого систематизированного образования, был "самоучкой". Право он изучал, служа в канцелярии Московского губернатора, а затем чиновником юстиц-коллегии.

Как и Десницкий, Горюшкин доказывал, что недостаточно одного практического знания, и для России вредно преувеличивать значение иностранного законодательства. "Убеждение его состояло в том, что теоретическое познание о законах отечественных необходимо оплодотворять изучением истории и древностей"². Итогом практической, научной, преподавательской деятельности Горюшкина стало издание им четырехтомного труда "Руководство к познанию Российского законоискусства" (СПб., 1811-1816), длительное время бывшего главным пособием для всех изучавших российское право.

Впервые в России Горюшкиным были составлены образцы юридических документов. Он уделял большое внимание не только форме, но и содержанию юридического документа, языку, стилю его написания, что способствовало развитию юридической техники, общей и правовой культуры.

---

¹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 259.

² Станиславский А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 37.

Главной целью преподавания правовых дисциплин Горюшкин считал необходимость формирования у обучаемых профессиональной этики, понимания роли и места юриста в обществе как неподкупного слуги закона. Эти традиции сыграли большую роль в становлении русских правоведов, которые подготовили и провели в России реформы 60-х годов XIX в.

Начало царствования Александра I вошло в историю России как время "просвещенного абсолютизма", одним из проявлений которого было декларирование укрепления и развития правовых начал в деятельности государственных учреждений самодержавия, повышения роли права в жизни общества. Был поднят вопрос об упорядочении законодательства, создании нового Уложения законов Российской Империи. Большую роль в политической, культурной жизни страны стала играть Комиссия о составлении законов (далее – Комиссия), которая должна была подготовить решение вышеуказанных проблем. Параллельно с работой Комиссии решался вопрос об улучшении подготовки отечественных юристов для работы в государственном аппарате.

В 1803 г. "Предварительными правилами народного просвещения" вводится термин "правоведение" как отрасль высшего образования, цикл учебных дисциплин в области права. В том же году на средства известного промышленника П. Демидова было создано Ярославское училище высших наук. В 1868 г. оно было преобразовано в Демидовский юридический лицей, готовивший высококвалифицированных правоведов. Впоследствии он стал одним из центров научной юридической мысли России. Со дня своего основания училище являлось гуманитарным учебным заведением, где углубленно изучались юридические дисциплины – право естественное и право народное. Следует отметить, что такие учебные дисциплины, как политическая экономия, политическая история в XIX в. преподавались на юридических факультетах университетов.

Одним из проявлений либерализации внутренней политики в первые годы царствования Александра I было открытие новых университетов. Естественнo-правовая ориентация юридического образования переходит и в XIX столетие. В ходе масштабных учебных реформ начала века восстанавливаются университеты в Дерпте и Вильно, создаются новые в Казани и Харькове, и в их структуре учреждаются не юридические факультеты, а нравственно-политические отделения. Задача юридического образования была сформулирована законодателем следующим образом: оно "должно показывать учащемуся политическое его отношение к правительству, разным сословиям и частным людям, его обязанности к оным и права, каких от них ожидать и требовать может. Оно образует защитников правоты сограждан своих и угнетенной невинности"¹.

---

¹ Правила для учащихся в Императорском Дерптском университете от 23 августа 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 1. Стб. 106.

В 1804 г. был издан Устав университетов Российской Империи, дававший университетам определенную автономию, коллективные формы управления, право издавать газеты, журналы, научно-учебную литературу. Главной задачей университетов являлась подготовка юношества "для вступления в различные государственные службы". Согласно этому Уставу юридический факультет Московского университета был преобразован в нравственно-политическое отделение. Такое же отделение было создано и в Казанском университете. Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804 г.) предусматривали в качестве "стандарта" преподавания на нравственно-политических отделениях следующий круг дисциплин: 1) богословие догматическое и нравоучительное; 2) толкование Священного писания и церковной истории; 3) умозрительная и практическая философия; 4) право естественное, политическое и народное; 5) право гражданского и уголовного судопроизводства в Российской Империи; 6) право знатнейших древних и нынешних народов; 7) дипломатика и политэкономия¹.

Закрепленный в законодательстве философско-правовой (нравственно-политический) характер юридического образования соответствовал и общему характеру правового регулирования университетской жизни. Так, университетское законодательство начала XIX в. (уставы, правила для учащихся и т.п.) содержало зачастую не конкретные нормы, а философско-правовые рассуждения о необходимости повиновения законам и начальству, об истинной свободе и т.д. Значительный блок философских наук имел в реальном преподавании права определяющее значение, в связи с этим философской основой университетской правовой науки стало естественное право.

В 1806 г. школа при сенате была преобразована в Высшее училище правоведения при Комиссии о составлении законов с трехлетним сроком обучения. Ученики училища должны были привлекаться к деятельности Комиссии в качестве секретарей, переписчиков, составителей указателей и т.п. Члены Комиссии обязывались преподавать в училище и "изъяснять план новой книги российского законодательства, сравнивая его с системами законов других государств и с теми, которые предлагали известные правоведы". Для этого в училище был введен специальный, получивший название "эклектический" (современное сравнительное правоведение), курс, который преподавал один из образованнейших людей России того времени – Александр Иванович Тургенев (1784-1845). В училище преподавались естественное право, римское право, энциклопедия права и практическое законоведение. Обязательным было изучение трудов "славнейших правоведов". Все это создавало возможность формирования сословия русских образованных юристов.

---

¹ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 1. Стб. 268.

В 1809 г. состоялся первый и единственный выпуск Высшего училища правоведения. В том же году по предложению заместителя министра юстиции М.М. Сперанского оно приостановило свою деятельность. Объяснялось это в основном двумя причинами: во-первых, бесполезностью деятельности Комиссии, определенным разочарованием в уровне компетентности ее членов, подвергавшихся справедливой критике за незнание "ни законов, ни нравов, ни обычаев России"; во-вторых, намечавшимися на 1810-1811 гг. реформами, которые должны были изменить государственно-правовую систему России. Отказ от дальнейшего проведения реформ, ссылка М.М. Сперанского, война 1812 г., длительное бездействие училища и, как объяснялось в официальном сообщении, "открытие других учебных заведений" обусловили окончательное его упразднение в 1816 г.

В 1811 г. был открыт Царскосельский лицей, ставший впоследствии знаменитым тем, что в нем учился А.С. Пушкин. Сначала лицей предназначался для обучения младших братьев императора Александра I вместе с детьми знатных дворян. Устав и программу готовил М.М. Сперанский. Обучение рассчитывалось на шесть лет при практически постоянном пребывании воспитанников в лицее. Среди изучаемых дисциплин числились "науки нравственные", к которым относилась и юриспруденция. Программа ее изучения должна была строиться таким образом, чтобы "начиная от самых простых понятий права довести воспитанников до коренного и твердого познания различных прав и изъяснению им системы права публичного, права частного и особенно права Российского"¹. В последний год обучения в лицее особое внимание уделялось изучению публичного (государственного) права России и зарубежных стран.

Юридические дисциплины (право естественное, частное, публичное), а также философию, политическую экономию, этику, логику в лицее преподавал один из замечательных отечественных ученых первой половины XIX в. А.П. Куницын (1793-1840). В период преподавания в лицее Куницын работал над книгами "Право естественное" и "Историческое изображение древнего судопроизводства в России", с материалами которых знакомил своих воспитанников. Десять лет спустя после окончания лицея Пушкин (по свидетельству И.И. Пущина), охотнее всего посещавший лекции Куницына, в записке "О народном воспитании" писал о необходимости преподавания во всех высших и средних учебных заведениях права.

Важным событием в культурной жизни страны явилось планируемое с 1804 г., но осуществленное только в 1819 г. открытие столичного Санкт-Петербургского университета. Создан он был на основе Главного педагогического института и имел три факультета: философско-юридический, физико-математический и историко-филологический. Первым ректором университета стал ученый-правовед М.А. Балугьянский (1769-1847), ро-

---

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 31. № 24325.

дившийся в Венгрии, окончивший Венский университет и приглашенный в 1803 г. на службу в Россию. В 1837 г. он получил потомственное российское дворянство. В гербе его была изображена римская цифра XV, что символизировало заслуги Балугьянского в подготовке Полного собрания законов и пятнадцатитомного Свода законов Российской империи.

Срок обучения на философско-юридическом факультете устанавливался в три года. На первом курсе студенты изучали философию, на втором – естественное, публичное право и политическую экономию, а на последнем курсе – «положительное право», т.е. различные отрасли права. В столичном университете впервые была создана самостоятельная кафедра уголовного права. В 1819 г. на философско-юридический факультет было принято 19 студентов. Небольшая их численность объяснялась тем, что дворяне по-прежнему предпочитали учебу в военных школах и кадетских корпусах, Благородном пансионе при Московском и Санкт-Петербургском университетах. Для разночинцев же большим препятствием для поступления в университет являлось слабое знание иностранных языков и в особенности международного языка права – латыни.

Первые годы деятельности Санкт-Петербургского университета проходили в условиях серьезных изменений во внутривнутриполитической жизни страны, не способствующих развитию просвещения. Происходило свертывание политики продолжения и углубления реформ, начатых в начале царствования Александра I, конечная цель которых могла рассматриваться как введение конституционной монархии. Теперь сама мысль об ограничении самодержавия в России считалась крамольной. В официальной идеологии стала господствовать идея сохранения незыблемости самодержавия, божественного происхождения и предназначения царской власти.

В 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, в компетенцию которого входили "духовные дела всех вероисповеданий и дела учебного образования и усовершенствования познаний"¹. Первый руководитель объединенного министерства князь А.Н. Голицын прямо предписывал, чтобы не только закон Божий преподавался "во всей чистоте", но и все науки своим основанием имели бы религию². В Инструкции директору Казанского университета это предписание было конкретизировано: при описании наук, которые должны были преподаваться на нравственно-философском факультете (нравственно-политическом отделении), отмечалось, что "только те теории основательны и справедливы, кои могут быть соглашаемы с учением евангельским"³.

---

¹ Манифест об учреждении Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения. 24 октября 1817 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 1. Стб. 972.

² Записка князя Голицына // РГИА. Фонд 735. Оп.10. Ед. хр. 293-а. Л. 73 об.

³ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т.1. Стб. 971-972.

Таким образом, унаследованный из XVIII в. и закреплённый первыми университетскими уставами 1803-1804 гг. нравственно-философский характер юридического образования уже в 20-30-е гг. XIX столетия был подвергнут опале. В этом смысле особого внимания заслуживает деятельность попечителей Казанского и Санкт-Петербургского университетов Магницкого и Рунича – «жандармов в науке и образовании». «Эпоха Магницкого» длилась с момента его назначения на должность в 1819 г. до 1826 г., когда Александр I поручил генерал-майору Желтухину провести полную проверку Казанского университета и училищ его округа, которая выявила массу злоупотреблений.

Преобразование Магницким Казанского университета в 1819 г. санкционировалось постановлением Александра I, которым было предписано оставить в университете только благонадежных профессоров, а при приеме на работу новых преподавательских кадров отдавать предпочтение русским. Этим же документом в Казанском университете вводилась особая должность директора, для которого была составлена особая инструкция¹. Неблагонадежными, по мнению Магницкого, оказались 11 профессоров, которых тут же уволили². На нравственно-политическом отделении университета особому гонению подверглось естественное право. Эта наука Магницким была признана самой опасной, "изобретением неверия новейших времен скверной Германии", "без которой обходился древний Рим... оставивший нам образцы совершеннейших юрисконсульств". Опасность ее Магницкий видел в том, что она «не предполагала Откровения, власти царской от Бога, брак считала договором и т.д.»³. Вместо римского права Магницким было установлено преподавание права византийского, причем без уведомления министерства.

Самоуправство Магницкого распространилось и на многие другие сферы университетской жизни: университетский совет лишился права выбора профессоров (что было важным элементом организации автономии университета по Уставу 1804 г.), для студентов (особенно казенно-коштных) были установлены строгие правила, ужесточены наказания и устроена особая "комната очищения" с железными решетками и изображением картины Страшного Суда для "грешников"; комиссия обнаружила массу злоупотреблений и в отношении денежных средств, поступавших из казны на содержание университета и училищ округа, а также в отношении правил чиновничества, закреплённых законодательно⁴.

В Санкт-Петербургском университете попечитель Рунич в ноябре 1821 г. устроил "суд" над профессорами Германом, Раупахом, Галичем и

---

¹ Там же. Стб. 1172-1174; 1199-1220.

² Загоскин Н.П. Из времен Магницкого: Страничка из истории Казанского университета 20-х годов. Казань, 1894. С. 9.

³ Два мнения попечителя Казанского округа Магницкого: Незаконченный список статьи. Б.м., б.г. Лл. 1-2об. // Рукопись в ОРРК научной библиотеки Казанского государственного университета.

⁴ РГИА. Фонд 735. Оп.10. Ед.хр.33. Лл.5-6об., 119-121; Феокистов Е. Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. Т. 52. С. 26.

адъюнктом Арсеньевым; статистика как наука была признана вредной¹. "Идеологическую" направленность лекций профессоров проверяли по студенческим конспектам. В результате был уволен со службы профессор А.П. Куницын, чья книга "Естественное право" объявлена "сбором пагубных лжеумствований" и запрещена. Уволили профессора М. Плисова, преподававшего естественное право. В постановлении об отставке записали, что "хотя в конспектах его лекций не было найдено ничего предосудительного, но это самое доказывает, что он вредный человек, ибо при устном преподавании мог прибавлять, что ему вздумается". Был вынужден покинуть университет ректор М.А. Балугьянский, пытавшийся доказать, что свободное преподавание естественного права, например в Австро-Венгерской империи, не считается вредным для государства². В том же 1821 г. на Санкт-Петербургский университет распространили свое действие инструкции ректору и директору Казанского университета³.

Представляется, что эпоха магницких и руничей, названная в литературе "периодом разгрома русских университетов", сыграла и определенную положительную роль, в частности, в деле развития именно юридического образования. Постепенное изгнание из учебных планов "нерусских" дисциплин – естественного права, статистики европейских государств, прав знатнейших народов – вело к заполнению образующейся ниши "в образовательном стандарте" другими предметами – собственно юридическими⁴.

При наступившей в конце 20-х годов для юристов "благоприятной перемене обстоятельств", вызванной активизацией работы по составлению Свода законов, которой руководили М.М. Сперанский и М.А. Балугьянский, выяснилось, что в университетах не хватает квалифицированных преподавателей, в том числе правоведов, хорошо знавших бы теорию и "практическое", т.е. текущее российской законодательство. Чтобы исправить создавшуюся ситуацию, образовали группу из молодых преподавателей, в которую вошли и правоведы, и направили ее на обучение в Дерптский университет. После стажировки за границей преподаватели возвратились в свои учебные заведения.

Особое внимание было уделено подготовке преподавателей для создаваемых в университетах кафедр российского законоведения. В этих целях по предложению Сперанского из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий отобрали наиболее способных выпускников, изъявивших желание стать правоведами. Очевидно, Сперанский, сам вышедший из

---

¹ Дело о Санкт-Петербургском университете в 1821 году. М., 1866. С. 9-10.

² Косачевская Е.М. Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971. С. 103.

³ О принятии в руководство по Санкт-Петербургскому университету инструкций, изданных для ректора и директора Казанского университета. 21 октября 1821 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 1. Стб. 1474-1475.

⁴ Зипунникова Н.Н. Государственная политика в сфере юридического образования в дореволюционной России: этап становления // Российский юридический журнал. 1998. № 1. С. 147.

семинарии и Духовной академии, считал, что семинаристы, избравшие светскую службу, будут более настойчивы в овладении новыми знаниями, чем студенты университета. В университете они изучали римское право и латынь, а все остальные знания в области юриспруденции получили в процессе службы во II Отделении императорской канцелярии, созданной в 1826 г. для проведения кодификации российского законодательства. Затем их направили на три года в Берлинский университет на учебу. По возвращении на Родину вновь некоторое время служили во II Отделении императорской канцелярии и только после этого их допускали к преподавательской деятельности в университетах.

Преподавание естественного права было приостановлено Высочайшим постановлением от 23 апреля 1833 г., в котором министру народного просвещения предписывалось создать особый комитет из профессоров под председательством Балугьянского для составления общего руководства по естественному праву; данное руководство впоследствии должен был рассмотреть Сперанский¹. Однако, Общий устав российских университетов 1835 г. уже не предусматривал преподавание этого предмета.

Кодификация законодательства и осуществляемая правительством в деле образования теория официальной народности тоже способствовали возрождению интереса к российскому национальному праву, к формированию собственно отраслевых юридических наук, переориентации нравственно-политического образования именно в юридическое, что официально закрепил Общий устав российских университетов 1835 г., предусмотревший в структуре университетов уже не нравственно-политические отделения, а юридические факультеты. В них устанавливалось преподавание следующих наук: энциклопедии, или общего обозрения системы законодательства; российских государственных законов (т.е. законов основных); законов о состояниях и государственных учреждениях; римского законодательства и его истории; гражданских законов, общих, особенных и местных; законов благоустройства и благочиния; законов о государственных повинностях и финансах; законов полицейских и уголовных; начал общенародного правоведения².

В это время утилитарная цель университетского образования ("приготовление юношества к различным родам государственной службы") и характер юридического образования начинают все более соответствовать друг другу. Таким образом, можно констатировать, что к середине 30-х годов XIX в. в России произошло становление юридического образования и тем самым были заложены предпосылки для завершения становления российской юридической науки.

---

¹ Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1 С. V-VI.

² Сб. постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 2: Царствование Императора Николая I (1825-1855). Отд.1. (1825-1839). СПб., 1864. Стб. 744.

2. Десницкий Семен Ефимович

Одной из заметных фигур русского просветительского движения второй половины XVIII века был Семен Ефимович Десницкий. Будучи профессором юридического факультета Московского университета, он способствовал окончательному оформлению русской теоретической юриспруденции в самостоятельную науку и учебную дисциплину.

Биографические сведения о Десницком остаются весьма скудными, что, прежде всего, связано с почти полной гибелью архива Московского университета в 1812 году. До сих пор неизвестен год рождения просветителя (примерно начало 40-х годов XVIII века), также неизвестно, где Десницкий получил первоначальное образование. В 1759 г. он из Троицкой семинарии был направлен в гимназию при Московском университете, а 26 апреля 1760 г. Десницкий был переведен в число студентов¹.

Однако студентом Московского университета Десницкий пробыл недолго. В том же 1760 г. вместе с несколькими другими воспитанниками университета он был вызван куратором Шуваловым в Петербург для подготовки к поездке за границу. В августе 1761 г. Десницкий и Третьяков выехали в Англию². Отправляя Десницкого и Третьякова за границу, Шувалов, по видимому, дал им лишь общие указания о предстоящих занятиях, предоставив окончательное решение вопроса об их устройстве на учебу русскому послу в Лондоне Д.А. Голицыну. Последний направил русских студентов в Глазговский университет, где они должны были обучаться "греческому языку, натуральной и нравоучительной философии, метафизике и математике". О программе занятий Д.А. Голицын известил Шувалова³.

Главными предметами занятий Десницкого и Третьякова в Глазговском университете были философия и юриспруденция. В письме Десницкого декану и членам правления Глазговского университета от 31 декабря 1765 г. указывается, что он и Третьяков прошли курс у доктора Смита, а также в течение трех лет посещали курс профессора Миллера по гражданскому праву. Кроме того, они прослушали годовой курс химии у профессора И. Блекка, изучали математику и "купеческую арифметику".

Наибольшее влияние на Десницкого оказал Адам Смит, который читал курс нравственной философии. Студенческие конспекты большей части этого курса за 1763 год, когда его мог слушать Десницкий, опубликованы в 1896 г. Кроме того, имеется краткое изложение курса А. Смита, со-

---

¹ См.: "Прибавление к Московским ведомостям". 28 апреля 1760 г., где опубликован список гимназистов, переведенных в число студентов.

² См.: Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. С. 705.

³ См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. III. М., 1963. С. 114.

ставленное Миллером. По свидетельству Миллера, курс Смита состоял из четырех частей. Первая часть была посвящена естественному богословию. Вторая часть была посвящена вопросам этики. В третьей части курса, сообщает Миллер, Смит "более подробно рассматривает ту область морали, что относится к правосудию... Эту тему он развивал по плану, предложенному, кажется, Монтескье; старался проследить постепенную эволюцию юриспруденции, как публичной, так и частной, от самых диких до самых цивилизованных времен, и подчеркнуть влияние ремесел, определяющих уровень жизни и развитие собственности, вызывая соответствующие улучшения или изменения в законе и правительстве". Характеризуя четвертую часть курса, Миллер пишет, что здесь "Смит рассматривал те политические установления, которые зиждутся не на справедливости, а на целесообразности и призваны увеличить богатство, мощь и процветание государства".

Находясь в Глазго, русские студенты постоянно испытывали материальные затруднения, поскольку деньги из России присылались нерегулярно и далеко не полностью. Несмотря на эти затруднения, они добились значительных успехов: Третьяков в 1764 г. был удостоен ученой степени магистра искусств, а в 1765 г. такую же ученую степень получил Десницкий. В 1767 г. Десницкий и Третьяков получили степени доктора права и 11 июня того же года прибыли в Петербург. 13 августа 1767 г. Десницкий и Третьяков при Московском университете успешно сдали контрольный экзамен по юриспруденции. Экзамен проводился на латинском языке, экзаменаторами были – С. Дэн и профессора Ф.Г. Дильтей и К.Г. Лангер. Затем ученые-юристы прочитали пробные лекции на темы, утвержденные университетской конференцией (так в то время назывался ученый совет Университета). Десницкий читал лекцию о приобретательной давности. 17 августа Десницкому было поручено читать студентам "Римское право по институтам, с применением к русскому праву отдельных законов"¹.

Сразу же по приезде в Россию Десницкий и Третьяков стали добиваться права читать лекции на русском языке. Куратор университета В.Е. Адодуров решительно возражал против этого. Однако русские ученые продолжали настаивать на своем требовании и, очевидно, апеллировали к Екатерине II. 19 ноября он сообщил в Московский университет, что императрица "указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию"². Кроме Десницкого и Третьякова, право читать лекции по-русски получили медики С.Г. Зыбелин и П.Д. Вениаминов, а также философ Д.С. Аничков. В "Московских ведомостях" появилось объявление: "С сего 1768 г. в императорском Московском университете для лучшего распространения в России наук начались лекции во всех трех факультетах природными россиянами на россий-

¹ Документы и материалы... Т. III. С. 75.

² Там же. С. 124.

ском языке, любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оным в лекционном каталоге назначены"¹.

В своих лекциях Десницкий должен был знакомить студентов не только с римским, но и с русским правом. Последнее представляло значительные трудности, поскольку в то время русское право почти не было разработано. Несмотря на это, Десницкий успешно справлялся со своими обязанностями. В 1770 г., как мы узнаем из каталога лекций, он читает о "пандектах римского права по Гейнекцию, изъясняя их совместно с правом русским"². Как известно, в отличие от институций, являющихся лишь введением в науку гражданского права, пандекты охватывают, по существу, всю проблематику гражданского и уголовного права.

5 мая 1768 г. Десницкому было присвоено звание экстраординарного профессора, и он получил право участвовать в заседаниях университетской конференции. После шести лет успешной педагогической деятельности Десницкий получил звание ординарного профессора. С 1773 г. он занимал кафедру российского законоведения. Педагогическая деятельность Десницкого не ограничивалась только чтением лекций. С 1771 по 1786 годы Десницкий преподавал английский язык; в процессе занятий им была составлена грамматика английского языка, оставшаяся в рукописи³.

Десницкий и Третьяков вернулись на родину в то время, когда в Москву съезжались депутаты созванной Екатериной II комиссии для составления нового уложения. Открытие заседаний уложенной комиссии состоялось 30 июля 1767 г. Екатерина написала для депутатов комиссии «Наказ», в котором широко использовала отдельные положения, содержащиеся в произведениях Вольтера, Монтескье, Беккариа и других выдающихся просветителей XVIII в. Однако в тексте «Наказа» идеи этих мыслителей получили новое, угодное Екатерине II истолкование. Главное содержание «Наказа» – едва прикрытое либеральной фразеологией оправдание неограниченной власти русских монархов. 18 декабря 1768 г. комиссия была временно распущена и более не собиралась.

Десницкий считал своим долгом оказать какое-то воздействие на работу комиссии. В марте 1768 г. он направил Екатерине II "Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи". Основные предложения Десницкого оказались совершенно неприемлемыми для императрицы. Однако Екатерина II использовала некоторые рекомендации Десницкого по вопросам финансов, составляя дополнения к "Наказу"⁴. Кроме "Представления..." Десницкий подготовил в 1768 г. две теоретические работы: "Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях" и "Сло-

---

¹ Московские ведомости. 1768. № 5.

² Шевырев С. История императорского Московского университета. М., 1855. С. 147.

³ Шевырев С. История императорского Московского университета. М., 1855. С. 226.

⁴ См.: Чечулин Н.Д. Предпоследнее слово об источниках "Наказа" // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913. С. 22-25.

во о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции", которое было произнесено в публичном собрании Московского университета 30 июня 1768 г. Это было первое выступление Десницкого на публичном собрании Московского университета. В дальнейшем он неоднократно выступал с такого рода речами. Работы Десницкого долгие годы оставались неизвестными западноевропейским юристам. Одной из причин этого было явное неуважение к русской науке и русским ученым, характерное для Екатерины II и ее ближайшего окружения.

В своих произведениях Десницкий не ограничивался чисто юридической проблематикой. Он активно включился в идейную борьбу своего времени по философским вопросам. В связи с этим необходимо особо отметить усилия Десницкого в области критики религии¹. Десницкий принимал активное участие в работе Вольного российского собрания, основанного при Московском университете в 1771 г. Важнейшее значение придавалось собранием "сочинению правильного Российского словаря по азбуке". Работа над словарем была объявлена "первым трудом присутствующих членов"². Этой работе Десницкий, очевидно, уделял много внимания. Когда в октябре 1783 г. была открыта в Петербурге Российская академия, поставившая своей основной задачей подготовку и издание словаря русского языка, в число ее действительных членов были избраны только два московских профессора – филолог А.А. Барсов и С.Е. Десницкий³. Избрание Десницкого можно объяснить как результат признания его заслуг в работе над словарем в Вольном российском собрании.

По поручению академии Десницкий взял на себя выборку и истолкование юридических терминов из "Русской правды", "Судебников" и "Уложения 1649 г."⁴. В 1789-1794 гг. "Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный" в 6 томах вышел из печати. Толкование юридических терминов из древнерусских памятников права, содержащееся в словаре, было позднее использовано русскими историками-юристами и оказало известное влияние на развитие науки истории русского права.

Десницкий неоднократно выступал в качестве редактора и переводчика. Под "смотрением" Десницкого на русском языке четыре раза (в 1768, 1772, 1781 и 1787 гг.) издавалась книга Дильтея⁵, который слабо владел русским языком и написал свою книгу на латинском языке. В 1780 г. Десницкий переводит с английского языка книгу Томаса Боудена "Наставник земледельческий". Книга выходит с предисловием переводчика, кроме то-

---

¹ См. подробнее: Грацианский П.С. Десницкий С.Е. М., 1978. С. 36-38.

² Сухомлинов М.И. История Российской академии. Выпуск пятый. СПб., 1880. С. 3.

³ См.: Известия об учреждении и упражнениях Российской академии // Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею. Ч.1. СПб., 1805. С. 8.

⁴ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 8.

⁵ Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно со шведским. М., 1768.

го, Десницкий делает в текст книги ряд вставок. В 1781 г. издается "под смотрением профессора Семена Десницкого" книга А.А. Самборского "Описание аглинского практического земледелия". Важное значение имела работа Десницкого над переводом книги Блэкстона "Комментарии к аглинским законам". В 1780-1782 гг. были опубликованы первые три тома этого фундаментального труда выдающегося английского юриста с многочисленными примечаниями Десницкого.

В 1787 г. Десницкий подает в отставку и покидает университет. Умер Десницкий 15 июня 1789 года.

* * *

Опубликованные Десницким произведения можно разделить на две группы. В работах, написанных до 1775 г., он во многом остается учеником А. Смита, Д. Юма, У. Робертсона, Ш. Монтескье и Д. Миллера, хотя и проявляет известную самостоятельность суждений. В работах, созданных начиная с 1775 г., его концепции отличаются оригинальностью, Десницкий опирается в них на самостоятельно созданную теорию общественного развития.

Объясняя особенности развития общественных явлений, Десницкий широко использовал в своих работах "способ исторический". Изучая историю, Десницкий видит в ней основу понимания основных общественных институтов. В центре его внимания оказывается быт отставших в своем развитии народов. Опираясь, прежде всего на данные этнографии¹, Десницкий пытается установить действительную картину происхождения и развития власти, государства, права, собственности, родительской власти над детьми и других институтов. Кроме того, в рамках "исторического способа" Десницкий считал необходимым изучение древних памятников русского права, использовал для обоснования своих выводов факты, заимствованные из "Истории Англии" Д. Юма и других исторических исследований.

На основании обобщения большого фактического материала Десницкий формулирует свое знаменитое учение о четырех состояниях "рода человеческого", из которых "первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское, третьим – хлебопашественное; четвертым и последним – коммерческое... По оным четверояким народов состоянием мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и художествах"².

Учение о трех ступенях развития общества - охотничьей, пастушеской и земледельческой – было создано еще античными авторами. Эта теория

---

¹ См.: Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978. С. 44.

² Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М., 1959. С. 244-245.

находила себе сторонников и в более поздние эпохи. А. Смит, Д. Миллер, У. Робертсон в Шотландии и А.Р. Тюрго во Франции также восприняли эту теорию, но дополнили ее учением о четвертой ступени¹. Характер этих дополнений существенно различен у каждого из этих авторов, еще более различно использование положений этой теории в ходе анализа конкретного исторического материала. Переход из одного состояния в другое Десницкий связывает с изменениями в хозяйственном быте. Так, переход к пастушескому состоянию вызван "заведением в собственность животных, или, иначе сказать, скотоводством и небольшим хозяйством". Главное в причинах перехода к коммерческому состоянию Десницкий видел в том, что "художества и рукоделия" начали производиться "особливыми и нарочитыми мастерами", и уж из этого выводит появление купечества².

Первым известным произведением, где Десницкий излагает свои взгляды на государство и право, является "Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции". Составной частью "Слова..." является "Рассуждение о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит их правление". Десницкий называет три причины возникновения власти отдельных индивидуумов над остальными членами общества: превосходство в физической силе, превосходство ума, превосходство в богатстве – и разбирает в отдельности каждую из этих причин³.

По мнению русского просветителя, правовые нормы существуют в человеческом обществе на всех ступенях его развития. На первых порах законы "бывают просты и немногие". Так продолжается до тех пор, пока некоторые из членов общества не сосредотачивают в своих руках значительного имущества. За этим следует появление законов, охраняющих собственность, и вообще усложнение системы права. Десницкий так пишет об этом: "Но как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народам столь чувствительна, что многие через потеряние оных в разорение проходить казались, то отсюда начали в обществах происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы, показующие в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственности и наследие состоит"⁴. Окончательно право собственности, по мнению Десницкого, складывается только в коммерческом состоянии, что связано с отделением ремесла от земледелия и вытекающим отсюда развитием торговли. Вместе с тем Десницкий указывает и еще одну причину – большее понятие общепольности, происходящей от утверждения собственности, установившейся среди народов в коммерческом состоянии⁵,

---

¹ Подробнее см.: Грацианский П.С. Указ. соч. С. 45-48.

² Юридические произведения... С. 257.

³ Подробнее см.: Юридические произведения... С. 164-170.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Там же. С. 256.

таким образом, возникновение этой причины Десницкий никак не связывает с изменениями в хозяйственном быте.

Только в "возвышенном народов состоянии" возникают "сами правления государственные". Возникновение государства Десницкий связывал с началом и происхождением собственности¹. Просветитель утверждал, что всем первоначинающимся государствам свойственно "феодалное правление". Его возникновение связано с введением "собственности в земле".

Весьма важным для определения взглядов Десницкого является написанное им "Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи". В предисловии к "Представлению..." Десницкий пишет: "Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение – сии три должности составляют три власти, то есть законодательную, судительную и наказательную, от которых властей зависят все почти чиновположения и все главное правление в государствах"².

Создавая свою теорию, Десницкий опирался на некоторые положения, выдвигавшиеся в западноевропейской политической литературе. В частности, Десницкий проектирует создание политической коллегии – сената; судебная и наказательная власти, по его проекту, организованы таким образом, что могут сдерживать произвол монарха. Десницкий не был сторонником широкого народного представительства. С целью ограничить участие широких народных масс в формировании сената Десницкий вводит для избирателей весьма высокий имущественный ценз, а право быть избранным в сенаторы получил, по проекту Десницкого, еще более узкий круг лиц. Десницкий предлагал наделить сенат весьма значительными законодательными и судебными полномочиями. Желательным он считает предоставление сенату права финансового контроля за деятельностью правительственных учреждений, в том числе высших административных органов. Сенат, по мысли Десницкого, должен быть однопалатным. Внутри сената все его члены должны пользоваться равными правами, независимо от сословной принадлежности. Десницкий решительно выступает против каких-либо преимуществ для дворянства и духовенства.

«Судительная власть», по мысли Десницкого, должна быть почти полностью независимой от воли монарха. Правда, судьей назначает монарх, однако вместе с тем Десницкий требует, "чтоб судья, однажды сделан, по самую смерть судьейю и при своей должности пребывал завсегда и чтоб притом ему полная власть дана была судить всякого без изъятия так, что и апелляции на него делать никому б не дозволялось, разве в случае, когда он явно против закона кого осудит"³. Но и в этом случае монарх не решает

---

¹ Там же. С. 257.

² Юридические произведения... С.101.

³ Там же. С. 111.

вопроса о судьбе нарушившего свой долг судьи: дело разбирается сенатом, а монарху предоставляется лишь право в случае установления факта виновности подвергнуть судью штрафу или наказанию. Кроме того, судьей может стать лишь тот, кто сдаст экзамены перед профессорами юридического факультета, а затем пред факультетом адвокатов. После сдачи экзаменов кандидат в судьи должен не менее пяти лет практиковать в качестве адвоката. Это была первая в русской политической литературе формулировка принципа независимости и несменяемости судей.

Третья часть "Представления..." посвящена организации наказательной власти. В задачи наказательной власти входит "спокойствие и тишину наблюдать в порученных себе местах, т.е. воров, разбойников и подобных сим в тюрьму брать...", "осужденных в тюрьме содержать и в приказанном судьями месте казнить...", "собирать подушное и пошлины из земельных владельцев". Наказательная власть по проекту Десницкого возлагается на воевод, назначаемых монархом. За воеводами устанавливается строгий судебный контроль¹. Жалобы на действия воевод должны рассматриваться в сенате, после чего воевода может быть подвергнут штрафу или наказанию. Наказательную власть нельзя отождествлять с исполнительной властью, о которой говорил Монтескье. Органы центрального управления в состав органов, осуществляющих наказательную власть, не входят, более того, они вообще не упоминаются в проекте.

Обстоятельно изложив свои соображения об организации трех властей, Десницкий далее говорит о "гражданской власти". "Очевидно, – замечает П.С. Грацианский, – небольшой параграф раздела III, озаглавленный "в дополнение судительной и наказательной власти", а также весь раздел IV "Гражданская власть" были добавлены к "Представлению..." уже после того, как работа над предыдущей частью текста была полностью закончена"².

Четвертая часть "Представления...", по существу, является критическим выступлением против XXI главы «Наказа Комиссии о сочинении нового уложения» Екатерины II ("О благочинии, называемом инако полицией"). Данная глава была написана под влиянием работ австрийских и прусских специалистов по вопросам так называемой "полицейской науки". Идеи, защищавшиеся сторонниками "полицейской науки", противоречили взглядам Десницкого, который протестовал против всепроникающей правовой регламентации поведения людей: "Принуждение людей к добродетельным взаимным должностям бывает произведением великих беспорядков и худших следствий"³. В противоположность XXI главе Екатеринин-

---

¹ Юридические произведения... С. 113-115.

² Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978. С. 79.

³ Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного. Ч. IV. М., 1823. С. 271.

ского «Наказа...» основной идеей четвертой части "Представления..." является идея необходимости широкого местного самоуправления.

В произведениях Десницкого мы встречаем ряд положений, которые затрагивают вопросы "юридической политики". Таковы положения о том, что не следует чрезмерно расширять сферу правового регулирования¹, его соображения о воспитательной роли суда², высказывание о "прекращении и истреблении злоупотреблений, неправд, обид и притеснений, происходящих от несогласия и криводушного толкования законов и от непорядка судов"³.

Десницкий ставит вопрос о необходимости составить "самократчайшие наставления всероссийских прав, в которых разделение и оглавление надлежит иметь весьма применительно к свойству российского правления и закона"⁴. Просветитель придавал этому труду очень большое значение. "Наставления" должны были ознакомить широкие круги населения с отечественным правом, что, по мнению Десницкого, должно способствовать укреплению законности в стране. Чтобы облегчить работу по составлению "Наставлений", Десницкий сформулировал определения ряда важнейших юридических понятий, высказал ряд соображений о системе русского права.

Систему права Десницкий строил по институционной системе, различая "троякий предмет законов, то есть персоны, вещи и обязательства с принадлежащими к сим последним челобитными". Значительное внимание в своих трудах Десницкий уделял праву собственности. Он относил право собственности к числу неотъемлемых прав человека⁵.

Значительное внимание уделял Десницкий вопросам семейного права, которые получили освещение в следующих работах: "Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми..." и "Юридические рассуждения о начале и происхождении супружества..."

В "Слове о причинах казней по делам криминальным" Десницкий, опираясь на некоторые положения этики А. Смита, предпринял попытку отграничить юридическую ответственность от прочих видов ответственности, определить сферу действия уголовно-правовой ответственности. Уголовная ответственность возможна только за нарушение законов, "которыми защищаются наше здравие и жизнь" и "которые берегут нашу собственность и владение". Что же касается нарушения контрактов, то это "дело не криминальное"⁶.

---

¹ См.: Юридические произведения... С. 188.

² Там же. С. 149.

³ Речи, произнесенные в торжественных собраниях... Ч. IV. М., 1823. С. 333.

⁴ Юридические произведения... С. 237.

⁵ См.: Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978. С. 91-94.

⁶ Юридические произведения... С. 185.

60-80-е годы XVIII в. – чрезвычайно важный период в истории русской общественно-политической мысли. Именно в эти годы формируется и завоевывает признание в передовых слоях русского общества идея справедливого общественного строя. Русские просветители этого периода в своих произведениях подвергают критике крепостное право и теорию просвещенного абсолютизма. В России складывается общественное мнение, свободное от идеологии, насаждавшейся самодержавием.

Просветительство как организованное течение сложилось уже в конце 60-х годов XVIII в., когда был создан Московский просветительский кружок, и соответственное идейное воздействие просветителей на русское общество уже в 60-х годах было весьма эффективным. Одним из признанных лидеров Московского просветительского кружка был С.Е. Десницкий, что определяет в первую очередь его место в истории русской политической мысли. Следует отметить интерес, проявленный декабристами к наследию Десницкого. В 1819-1823 гг. Вольное общество любителей российской словесности, активными членами которого были Рылеев, братья Бестужевы и Кюхельбекер, предпринимает четырехтомное издание: "Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного". Примерно четверть этого издания занимают речи Десницкого. А в краткой биографии просветителя, включенной в это издание, он характеризуется не только как ученый, но и как общественный деятель.

3. Куницын Александр Петрович

Александр Петрович Куницын родился в 1783 г. в селе Кой Кашинского уезда Тверского наместничества в семье священника. Куницын закончил уездное духовное училище, затем продолжал обучение в Твери в духовной семинарии. В 1803 г. переведен из духовной семинарии в Петербург в педагогический институт. По окончании курса он в 1808 г. был отправлен за границу для дальнейшего обучения. В Геттингенском и Парижском университетах А.П.Куницын слушал лекции преимущественно профессоров юридическо-политических наук и дипломатии. В Геттингене он сблизился с Н.И.Тургеневым, одним из будущих вождей декабристского движения. По возвращении в Россию с 1811 по 1817 годы Куницын – адъюнкт-профессор Царскосельского лицея, затем – профессор "общих прав" Главного педагогического института (в 1817-1819 гг.) и Петербургского университета (в 1819-1821 гг.).

Императорское высочайше утвержденное постановление о лицее от 12 августа 1811 г. уравнивало Лицей как учебное заведение в правах с университетами и определяло цели его организации: "Учреждение Лицея должно иметь образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной". В этом документе очерчивался

круг предметов, предназначенных для образования лицеистов: "В Лицее преподаются предметы, учения, важным частям государственной службы приличные..."¹.

В своей речи "Наставление воспитанникам Царскосельского лицея", произнесенной на открытии этого учебного заведения 19 октября 1811 г., ученый сумел, несмотря на казенные формы выступления и присутствие "высочайших особ", призвать юных слушателей не к верноподданности и раболепию, а к гражданскому служению Родине. Позднее директор лицея Энгельгардт в письме к В. Кюхельбекеру отмечал, что "...Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу..."².

Сохранившиеся документы, в первую очередь программы преподавания в Лицее, позволяют утверждать, что при всем разнообразии изучавшихся там наук основу программы составляли гуманитарно-юридические дисциплины. О доле политико-юридических дисциплин в системе обучения в лицее можно судить из содержания Программы преподавания в Лицее на весь срок обучения. В соответствии с ней собственно юридические науки преподавались на 4, 5 и 6 курсах лицея. При этом на 4 курсе лицеистам излагалась система наук нравственных, философские понятия о правах и обязанностях и разделение права на естественное, публичное, гражданское, уголовное и т.д. На 5 курсе продолжалось изучение тех же предметов, а также преподавалось право публичное и политическая экономия. На 6 курсе предусматривалось завершение изучения указанных предметов. В упоминавшемся императорском указе об учреждении Лицея содержание преподавания наук нравственных (закон божий, психология, логика, правоведение и политэкономия) определялось следующим образом: "Под именем наук нравственных здесь заключаются все познания, кои относятся к нравственному положению человека в обществе, и следовательно, понятия об устройстве Гражданских обществ, о правах и обязанностях, отсюда возникающих. В сем классе, начиная от самых простых понятий права, должно вести воспитанников до коренного и твердого познания различных прав, и разъяснить им систему права публичного, права частного и особенно права Российского, и проч."³.

В частности, курс Куницына (кроме логики, психологии, политической экономии) охватывал следующие юридические дисциплины: право естественное частное, право естественное публичное, государственное право, право гражданское русское, право публичное русское, право уголовное (включая и уголовное судопроизводство), право римское, финансовое право. Право естественное (как частное, так и публичное) состояло из

---

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXXI. 1810-1811. СПб., 1830. С. 311.

² Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1954. С. 75.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXXI. 1810-1811. СПб., 1830. С. 315.

"чистого" права и права "прикладного" и содержало исследование прав человека "первоначальных", "производных", а также способов их приобретения и защиты. Русское гражданское право преподавалось лицеистам в соответствии с его системой, принятой в Комиссии составления законов. Уголовное право включало разъяснения его понятия как такового, понятий преступления, уголовного закона, наказания. Римское право читалось в сопоставлении с русским. В финансовом праве лицеисты получали сведения о понятии и содержании государственных расходов и доходов¹. Для обеспечения преподавания юридических наук по инициативе Куницына в библиотеку Лицея были приобретены разнообразные источники изучения русского права: Русская Правда, Судебник 1497 года, законодательные акты Петра I и т.д.

Страстное изложение Куницыным идей "естественного права" не могло оставить равнодушным к ним слушателей-лицеистов. Сохранились данные о том, что лицеисты были увлечены этими идеями. Например, в одной из статей третьего номера "Лицейского мудреца" (рукописного журнала лицеистов) говорилось: "Теперь в классах говорят о правах естественных". Не составлял в этом отношении исключения и юный Пушкин. По утверждению одного из своих наиболее близких друзей-лицеистов, И.И. Пущина, "Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына", хотя, как обычно, и "мало что записывал"².

Юридическая "доля" образования, полученная с помощью Куницына Пушкиным в Лицее, документально зафиксирована в свидетельстве об окончании его поэтом. В нем указывается, что Пушкин "в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в логике и нравственной философии, в праве естественном, частном и публичном, в российском гражданском и уголовном праве – хорошие..."³.

Десять лет спустя после окончания Лицея А.С. Пушкин в записке "О народном воспитании" писал о необходимости преподавания во всех высших и средних учебных заведениях права, а исходя из того, что "Россия слишком мало известна русским: сверх ее истории... ее законодательство требует особенных кафедр" в учебных заведениях⁴. О том, что уроки учителя не пропали даром для поэта, свидетельствует и следующее обстоятельство. Характеризуя в "Онегине" предметы спора Онегина и Ленского,

---

¹ Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие. Составлен И.Селезевым. СПб. 1861. С. 122-125.

² Пущин И.И. Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. СПб., 1998. Т. 1. С. 76.

³ Памятная книжка Императорского Александровского Лицея на 1856-57 год. СПб., 1856. С. 25.

⁴ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. М., 1976. Т.7. С.311; см. также: Мотин С.В. Поэт и политика (политические аспекты жизни и творчества А.С. Пушкина) // Вестник УЮИ МВД РФ. 1999. № 2. С. 79.

Пушкин среди них назвал и темы, являвшиеся стержневыми в лекционном курсе Куницына о естественном праве:

Меж ними все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло...

Пушкин посвятил не одну строку своих стихов этому талантливому педагогу:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

Уже в зрелые годы Пушкин подарит своему учителю правоведения экземпляр "Истории Пугачевского бунта" с такой надписью: "Александр Петровичу Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности"¹.

Заслуги Куницына в воспитании у лицеистов республиканского "пламени", оппозиционных по отношению к самодержавию настроений несомненны. Яркий пример: бывшие лицеисты Пушин и Кюхельбекер были среди самых активных деятелей декабристского движения и непосредственными участниками декабрьского восстания. Куницын оказал большое влияние на формирование взглядов многих других активных участников будущего декабристского движения в России, которым, несомненно, импонировала мысль Куницына, высказанная в статье "О конституции". Кратко эту мысль можно сформулировать так: прошли те времена, "когда цари хотели царствовать только для себя самих", и настало время иметь "народных представителей"². Вместе с декабристом Н.И. Тургеневым Куницын пытался издавать журналы "Архив политических наук и российской словесности", "Россиянин XIX века". В связи с этим они разработали план "Общества 19-го года XIX века".

Член "Союза благоденствия" И.Г. Бурцов показывал впоследствии на допросе в следственной комиссии по делу декабристов, что он "подобно многим гвардейским офицерам... посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках" (об этом же дали показания декабристы А.В. Поджио, Е.П. Оболенский)³. Интерес декабристов к лекциям Куницына объяснялся в первую очередь тем, что он был страстным проповедником учения Руссо о "естественном праве" и его идей народного суверенитета. Эти идеи явно имели влияние и на содержание программных документов декабристов - конституции Н. Муравьева и "Русской правды" П. Пестеля.

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., 1935. С. 720.

² Сын Отечества. 1818. № XVIII.

³ Красный архив. Т. 1. М., 1937. С. 79.

В связи с выходом в свет книги "Право естественное" (1818-1820 гг.), в которой Куницын высказывался против самодержавия и крепостничества, в 1821 г. его уволили из университета с запрещением преподавать во всех учебных заведениях России. Над автором даже нависла угроза суда¹. В "докладе" Комитету о "Праве естественном" Куницына Рунич цитирует Инструкцию Стурдзы и разбирает книгу по принципам инструкции. По его определению, "вся книга есть не что иное, как пространный кодекс прав, присвояемых какому-то естественному человеку, и определений, совершенно противоположных учению Св. Откровения. Везде чистые начала какого-то непогрешающего разума признаются единственною законною поверкой побуждений и деяний человеческих". В заключение, предлагая "без потери времени" изъять книгу из употребления, Рунич мотивировал свое предложение, имея, очевидно, в виду общие принципы политики: "ибо публичное преподавание наук по безбожным системам не может иметь места в благословенное царствование благочестивейшего государя, давшего торжественный, пред лицом всего человечества, обет управлять врученным ему от Бога народом по духу Слова Божия"².

В 1821 г. по специальному распоряжению министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына было приказано изъять все экземпляры "Права естественного" Куницына. В своей работе Н.М. Коркунов приводит выдержку из резолюции на эту работу главного управления училищ: "По рассмотрению в главном управлении училищ, найдено нужным, по принятым в сей книге за основание ложным началом и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящемуся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней, и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам, столь разрушительным, каковы оказались в книге г. Куницына"³.

Следует отметить, что вначале книга Куницына предназначалась для подношения Александру I. На руководителей Лицея, по всей видимости, подействовало милостивое отношение императора к молодому адъюнкт-профессору в связи с его публичным выступлением при открытии лицея. Александр I наградил тогда Куницына орденом. Однако к 20-м годам либеральные настроения царя уже исчезли, и, соответственно этому, книга Куницына была признана недостойной для подношения государю. В "По-

---

¹ Подробнее см.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М., 1958. С. 184-186.

² См.: Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 444-445.

³ Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1908. С. 295-296.

слании цензору" (1822 г.) Пушкин, зная о гонениях, которым подвергся его учитель, с издевкой говорит:

Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом.

В дальнейшем Куницын преодолел свои либеральные политические взгляды и сделал успешную служебную карьеру. В 1826 г. он чиновник II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Под его непосредственным наблюдением находилась подготовка и издание Полного собрания законов Российской империи и составление большей части Свода законов гражданских и Свода законов уголовных. Он же составил отдельное собрание законов по духовной части. В 1838 г. Куницын был избран почетным членом Петербургского университета, а в 1840 г. был назначен директором департамента духовных дел иностранных исповеданий и в этой должности умер.

Круг научных интересов Куницына необычайно широк. Как юрист, он занимался (если использовать современные наименования дисциплин) теорией права и государства, историей права и государства, конституционным правом. К теории права необходимо отнести, прежде всего, работу Куницына "Изображение взаимной связи государственных сведений", вышедшую в 1817 г. К теории права, а также к государственному праву относятся и двухтомный труд Куницына "Право естественное", вышедший в 1818-1820 гг. В области истории права Куницын выступил с интересным исследованием "Историческое изображение древнего судопроизводства в России", вышедшим посмертно, в 1843 г. Эта работа – лишь часть задуманного Куницыным большого труда, который должен был охватить историю права нашей страны от возникновения Русского государства до XVI в. Наука государственного права широко представлена в творчестве Куницына. Ей посвящены значительная часть "Права естественного" и статьи - "О конституции" и отчасти "Рассмотрение речи г. президента Академии наук", опубликованные в 1818 г. в журнале "Сын Отечества".

Куницын занимался также философией и экономическими дисциплинами. К философии относится труд Куницына, который не был напечатан – курс "Инфики", т.е. этики, науки о нравственности (1811 г.)¹. К экономической науке относятся также неизданные "Начальные основания политической экономии" и работа по истории народного хозяйства – «Исследование о государственных доходах в России до времени Петра Великого»².

---

¹ См.: Селезнев И. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. К пятидесятилетнему юбилею 19 октября 1861 г. СПб., 1861. С. 80.

² См.: Рубец А.А. Наставникам, хранившим юность нашу, 1811-1911. СПб., 1911. С. 279.

Как уже отмечалось, Куницын стремился связывать государственно-правовые явления с экономикой. Как экономист, он основывается на учении Адама Смита.

В своих лекционных курсах и трудах Куницын выступает как либерал, что в условиях Российской империи тех лет является выражением гражданского мужества. Основной теоретический источник таких курсов, как «Изображение системы политических наук» и «Право государственное», – классический труд Ж.-Ж. Руссо "Об общественном договоре, или Принципы политического права" с его идеей народного суверенитета¹.

В небольшой, но содержательной книге² показана взаимная связь наук, изучающих различные ветви государственного управления, и их влияние друг на друга. Здесь дана характеристика отраслей науки о государстве и праве. В первой части "О составе гражданского общества" характеризуются теория государственного права и "теория гражданского правительств", т.е. административного права. Во второй части "О средствах для частной и общей безопасности" рассматриваются следующие дисциплины: "о средствах для внутренней безопасности" - наука естественного права, теории гражданского законодательства, уголовного законодательства, "образования судебной власти" (т.е. судостроительства), судопроизводства, "гражданского благочиния"; "о средствах для внешней безопасности" - наука положительного народного (т.е. международного) права, теория образования военных сил, иностранная политика (т.е., как разъясняет Куницын, "познание управления сношений с иностранными державами"); «о пожертвованиях граждан для цели общества» – наука о государственных доходах. В третьей части "О содействии верховной власти к народному благосостоянию" представлена наука государственного хозяйства, теория народонаселения, теория народного образования. Перечень дисциплин показывает, что Куницын выходит за рамки чисто юридических представлений о государстве и праве и обращается к вопросам экономики и культуры.

Являясь последователем Канта, он рассматривал право как часть нравственной философии. "Нравственная философия есть наука, излагающая законы, предписываемые воле разума... Нравственная философия разделяется на две части. В первой излагаются законы внутренней свободы, которая и называется собственно нравоучением. Во второй предлагаются законы права, которая потому и называется правоучением или просто правом"³. Для отличия от положительных законов, "основанных на произволе законодателя", Куницын предлагал правоучение называть естественным,

---

¹ Подробнее см.: Вводная статья к тексту "Лицейские лекции (по записям А.М. Горчакова) // "Красный архив". 1937. Т. 1. С. 79, 82.

² Изображение взаимной связи государственных сведений профессора Александра Куницына. СПб., 1817.

³ Куницын А. Право естественное. СПб., 1818. С. 5-6.

поскольку оно "излагает законы, выводимые из природы разума человеческого".

Печатный курс "Естественного права" был конфискован у автора, книготорговцев и частных лиц, изъят из учебных заведений и уничтожен. Однако отдельные экземпляры этого курса уцелели, и можно сравнить его содержание с записями Горчакова¹. Хотя в основе печатного курса и лежали система и содержание конспективного курса, однако при издании автор внес существенные изменения и поправки. Многие выводы и формулировки в печатном издании смягчены, что, несомненно, объясняется цензурными соображениями. Б.С. Мейлах на основе анализа записей Горчакова пришел к выводу, что его конспекты лекций Куницына – это не живая запись этих лекций, а копия записок, составленных и данных лицеистам самим лектором. В подтверждение своего вывода Мейлах приводит также свидетельство М.А. Корфа (однокурсник Пушкина, впоследствии сановник, приближенный Николая I), оставившего такие воспоминания: "При неимении в то время никаких печатных курсов, он <Куницын> сам писал свои записки, и мы должны были их списывать и изучать слово в слово"².

В своих лекционных курсах Куницын разделяет естественное право на частное и публичное право. В частном праве люди рассматриваются как "существа независимые и равные между собою по правам и обязанностям", состоящие "под законом собственного рассудка и под защитой собственной только частной силы". В публичном праве они выступают как существа, "зависимые от единой верховной власти". К частному праву относятся: "право естественное, частное в тесном смысле" (врожденные и приобретенные права человека) и "право семейственное". Публичное право охватывает: "право естественное государственное", регулирующее отношения "членов государства", т.е. отношения между верховной властью и подданными, а также отношения между гражданами; "право естественное народное", регулирующее отношения независимых народов³.

Далее следуют уточнения, вносящие изменения в приведенную систему. Публичное право в целом именуется непосредственно "государственным правом", разделяющимся на "внутреннее государственное право" и "внешнее государственное право". Первое определяет права и обязанности верховной власти и подданных, т.е. означает государственное право в прямом смысле слова. Второе определяет права и обязанности

---

¹ Красный архив. Т.1. М., 1937. С. 90-129. А.М. Горчаков один из лучших учеников Лицея, окончивший курс с золотой медалью. Его записи с большой долей достоверности передают взгляды Куницына, который на лекциях в Лицее значительно расширял и углублял читанный им в университете курс "Права естественного". Записи сохранились в личном архиве Горчакова, который с 1856 по 1882 годы был министром иностранных дел.

² Цит. по: Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 228.

³ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 591.

граждан и всего государства в отношении других государств и их подданных, это народное (т.е. международное) право¹.

В печатном труде система естественного права еще больше пересмотрена. Там оно разделяется на две части, которым соответствуют две книги этого труда: 1) право чистое, где рассматриваются "права и должности людей, выводимые непосредственно из их природы"; 2) право прикладное, охватывающее "права и должности, выводимые из природы известных отношений и обстоятельств, в которых люди находятся". В свою очередь, чистое право включает: безусловное право, рассматривающее "первоначальные" (т.е. природные) права человека, и условное право, куда относятся производные или приобретаемые права². "Прикладное право занимается приновлением положений чистого права к известным отношениям людей..."³. Оно включает следующие части: право общественное всеобщее; право семейственное; право государственное; право народное⁴. Здесь, таким образом, семейное право связано непосредственно с общественным и государственным строем, а государственное и международное право разделены.

Государственное право занимает видное место в работах Куницына. Оно составляет половину лекционного курса, отраженного в записях Горчакова и свыше половины текста "Прикладного права"⁵. Наибольшее значение имеют записи Горчаковым двух курсов – «Энциклопедии прав» и "Изображения системы политических наук". В первом из которых, например, содержание государственного права, в соответствии с оглавлением курса, выглядело следующим образом: Введение (I – понятие о государственном праве, II – о естественном состоянии, III – о различных политических обществах). Часть I. Чистое государственное право: Глава I. О договоре соединения. Глава II. О договоре включения жителей. Глава III. О правах величества. Глава IV. О власти законодательной. Глава V. О власти исполнительной. Глава VI. О власти блюстительной. Глава VII. О внешних правах величества. Условное государственное право: 1. Об образах правления. 2. О способах приобретения верховной власти и монархии. 3. О перемене образа правления.

В предмет науки государственного права Куницын включает отношения, взаимные права и обязанности верховной власти и подданных⁶. Но упоминание об этих правах и обязанностях, подразумевающих идею об из-

¹ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 599.

² Куницын А. Право естественное. Кн. I. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Куницын А. Право естественное. Кн 2. С. 2.

⁵ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 598-631; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 43-136.

⁶ Там же. Т. 1. С. 599, 634 (здесь подразумевается так называемое "внутреннее государственное право"). См. также: Куницын А. Изображение взаимной связи государственных сведений. С. 12.

вестной ответственности власти, в печатном труде опущено¹, очевидно, из осторожности. Система, по которой, судя по записям Горчакова, Куницыным читался курс государственного права, была им основательно переработана при подготовке печатного труда.

После "понятия о государственном праве" Куницын разделяет свой курс на две части: государственное право "безусловное" и государственное право "условное"². К безусловному государственному праву относится "понятие о лицах, составляющих государство", т.е. о верховной власти и подданных. Но соответствующие отношения, указывает Куницын, надо рассматривать исторически, с их возникновения, с объяснением "причин, заставивших людей вступить в общество". Далее, в целом с позиций Руссо характеризуется происхождение государства. В печатном труде эта часть включает следующие разделы: о состоянии человека вне общества; о цели государства; о договоре соединения; о средствах для достижения цели государства; о договоре подданства; о верховной власти; об отношении подданных к властителю; о взаимном отношении подданных. В свою очередь, шестой раздел включает три "подразделения", посвященные соответственно властям законодательной, исполнительной, и блюстительной³. Имеющиеся здесь отличия от лекционного курса сравнительно невелики.

"В условном государственном праве определяются способы, по которым верховная власть действует в государстве. Сие определение должно быть основано на одних началах права, не принимая в уважение различных событий, которыми доказывается доброта того или другого образа правления"⁴. Часть печатного труда, которая посвящена условному государственному праву, содержит три раздела: о демократическом образе правления; об аристократическом образе правления; о монархическом образе правления⁵. Система этой части существенно пересмотрена сравнительно с системой аналогичной части лекционного курса. Здесь опущены особые главы – «о республиканском образе правления» и «о перемене образа правления»⁶.

Среди монархий следует различать: неограниченную или самодержавную монархию (единоличный правитель управляет государством только по "своему благоусмотрению"); деспотию (монарх употребляет силы государства против его интересов, лишает подданных их прав – первоначальных и производных); ограниченную монархию (государь не имеет

---

¹ См.: Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 43.

² Избранные... Т.1. С. 606, 622; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 43-44, 110.

³ Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 43-109.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 110-136.

⁶ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 627-631.

всех прав верховной власти или в выполнении некоторых прав ограничен определенными постановлениями)¹.

Большой интерес представляет приводимая Куницыным характеристика республиканских форм правления. "В демократии верховная власть принадлежит всему народу, т.е. или всем гражданам или начальникам семейств. Собрание оных называется народным сословием... Голоса членов народного сословия равны: потому отправление дел и постановление законов должны быть производимы при общих совещаниях об общественных делах, называемых народным собранием..." Право "присутствовать" в народном собрании носит, по мнению Куницына, цензовый характер; оно обусловлено, "например, правом владения известным участком земли или другим недвижимым имуществом"; это право, является наследственным и связано с определенной социально-сословной принадлежностью². Аналогичные положения рассматриваются и в книге, но заглавие "республиканский образ правления" заменено там заглавием "демократический образ правления"³. Притом в лекциях к республиканскому образу отнесено и аристократическое правление. В книге же демократический и аристократический образы рассматриваются отдельно. Это изменение было обусловлено напряженной политической обстановкой, все возрастающей популярностью в России республиканской идеи.

Именно в связи с республиканской формой правления Куницын в лекциях рассматривает и федерацию: если из многих государств составляется одно постоянное государственное объединение, причем каждое из них сохраняет власть во всем том, что не относится к общей цели, тогда возникает "союзное государство, *corpus federatorum respublicarum*; объединившиеся государства остаются отдельными политическими единицами, связанными взаимными правами и обязанностями, но "в рассуждении общей цели" и в области внешних сношений они рассматриваются как одно свободное и независимое государство⁴.

При аристократических формах правления вся власть принадлежит "верховному сословию", представляющему народ. По мнению Куницына, при учреждении аристократического образа правления народ определяет и способ отправления верховной власти (число вельмож, способ их избрания, решение вопроса о временном или постоянном характере их правления, порядок назначения преемников, порядок отнесения к кругу вельмож – по праву рождения или по имущественному цензу)⁵. Возможны и сме-

---

¹ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 623-627.

² Избранные... Т. 1. С. 627-628.

³ См.: Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 121-126.

⁴ Избранные... Т. 1. С. 630.

⁵ Там же. С. 628-629; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 126-129.

шанные формы правления (сочетание монархической и аристократической форм, демократической и аристократической и др.¹).

Куницын – сторонник разделения властей. Но идеи Монтескье о власти и формах правления восприняты им с изменениями, видимо, связанными с тогдашней действительностью Российской империи. Верховная власть, говорит Куницын, есть право избирать средства для цели, стоящей перед государством. Эта власть вверяется своевластителю (суверену), каковым может быть лицо физическое (монарх) или "нравственное" (коллектив, коллегия, сословие)². Верховная власть – совокупность прав, принадлежащих властителю; поскольку не зависит ни от какой другой власти, она называется также "величеством". Куницын различает власти законодательную, исполнительную и блюстительную, но ничего не говорит об их независимости друг от друга. Эти власти суть только виды, "коиими верховная власть обнаруживается" по различию способов³.

Законодательная власть – это "право определять средства для цели государства"⁴. Исполнительная власть – "право своевластителя приводить в исполнение средства, определенные законодательной властью, заставляя исполнять то, что оною предписано". Куницын в отличие от Монтескье и Десницкого, не выделяет особой судебной власти, хотя и употребляет этот термин. Он относит ее к исполнительной власти, которая выступает как "карательная власть", когда "приноровляет преступные действия к законам уголовным", и как "гражданская судебная власть, когда приноровливает гражданские законы к конкретным случаям. Примечательно, что в печатном труде эта классификация судебной власти отсутствует⁵. Блюстительная власть носит полицейский характер. Это право и обязанность верховной власти осведомляться обо всем том, что угрожает интересам государства и граждан. Подданные обязаны извещать власть о том, что "заподлинно известно" об этом⁶. Рассматривая каждую из трех властей как определенное право "своевластителя", Куницын нигде не уточняет, какие органы должны непосредственно осуществлять каждую из них.

Попыткой пропаганды оппозиционных по тем временам идей является и глава лекционного курса "О перемене образа правления". Правда, Куницын считает, что ни "своевластитель", ни народ в отдельности не вправе в силу договора подданства изменять этот образ. Он может быть изменен лишь по взаимному согласию властителя и народа⁷. Однако в условиях са-

---

¹ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 621.

² Там же. С. 609, 623.

³ Избранные... Т. 1. С. 612; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 68.

⁴ Подробнее см.: Избранные... Т. 1. С. 612-613; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 70-75.

⁵ Об исполнительной власти см.: Избранные... Т. 1. С. 614-616, 618-621; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 75-85.

⁶ Избранные... Т. 1. С. 616-617; Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 85-91.

⁷ Избранные... произведения декабристов. Т. 1. С. 630-631.

модержавной монархии и такая идея была оппозиционной, ибо она предусматривала известное ограничение власти монарха.

Куницын прямо, хотя и осторожно, выступает за установление конституционного строя. В статье "О конституции" под этим термином подразумевается уже не образ правления, а ограничение власти монарха. Здесь просветитель призывает русское общество и, видимо, правительство не бояться конституции. Страх перед ней порожден французской революцией. Теперь нужна иная свобода, чем в древности, рассуждает Куницын. Древние хотели повиноваться только законам, а современные народы хотят иметь при верховном властителе своих представителей¹. "Такое устройство государства служит залогом к безопасности подданных и величия трона. Сочетая волю верховного властителя с волею общею, оно совокупляет их неразрывными узами. Никому не может оно внушить опасения; ибо оставляет каждого на своем месте и со всеми правами, каковы только в обществе благоустроенном допущены быть могут"². Свое выступление в защиту конституционной монархии Куницын завершает остроумным ходом: он ссылается на конституцию, дарованную Царству Польскому, входившему фактически в состав Российской империи, и цитирует речь, произнесенную Александром I при открытии польского сейма³.

Интересны и прогрессивны для своего времени рассуждения просветителя о положении личности. Правда, по мнению Куницына, личная свобода каждого гражданина согласуется с подчинением воле властителя, ибо цели государства и цели гражданина совпадают. "Но гражданин подчинен властителю только для цели государства; во всех прочих действиях он остается свободным и независимым, если оные не противны обязанностям его к обществу"⁴.

От этих рассуждений, связанных с идеей общего блага, просветитель в разделе лекционного курса "Изображение системы политических наук" поднимается до решительного протеста против безоговорочной зависимости подданных от государства. Их статус должен включать не только обязанности, но и права: "Граждане независимые делаются подданными и состоят под законами верховной власти; но сие подданство не есть состояние кабалы. Люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния; они предлагают свои силы в распоряжение общества, но с тем только, чтобы они обращены были на общую и, следовательно, также на их собственную пользу"⁵.

---

¹ См.: Куницын А. О конституции // Сын Отечества. 1818. № XVIII. С. 202-207.

² Там же. С. 206-207.

³ Там же. С. 210-211.

⁴ Куницын А. Право естественное. Кн. 2. С. 67; Избранные... Т. 1. С. 609.

⁵ Избранные... Т.1. С.634.

4. Тургенев Николай Иванович

(Конституционные принципы "либерального декабриста")

Николай Иванович Тургенев (1789-1871) принадлежал к высшему интеллектуальному слою людей периода александровского царствования. Сын директора Московского университета И.П. Тургенева, он воспитывался под идейным влиянием старших братьев – Андрея, рано умершего молодого поэта, и Александра, к ближайшему дружескому кругу которых принадлежали Жуковский, Вяземский, семья Карамзиных. По окончании в 1806 г. университетского пансиона Николай Тургенев слушал лекции в Московском университете и одновременно служил в архиве Коллегии иностранных дел в Москве. В 1808-1811 гг. учился в Геттингенском университете, с 1812 г. служил, сначала в Комиссии составления законов, затем с 1813 г. в течение трех лет русским комиссаром Центрального департамента союзных правительств в Германии.

Вернувшись в Россию в 1816 г., Н.И.Тургенев, пользуясь личным доверием Александра I, делает заметную бюрократическую карьеру – сначала он помощник статс-секретаря Государственного совета, а с 1819 г. еще и управлял 3-м отделением канцелярии Министерства финансов, дослужившись до чина действительного статского советника. Вместе с тем, он продолжает заниматься исследованиями в области политической экономии и права и в 1818 году издает книгу "Опыт теории налогов", которая положила основание русской финансовой науке. Главной идеей Тургенева была отмена крепостного права. Он пропагандировал эту идею во всех обществах, в которых состоял. Еще в 1811 г. в Париже был принят в масонскую ложу, с 1817 г. был членом литературного кружка "Арзамас", преддекабристского "Ордена русских рыцарей". С 1818 г. он – активный член Коренного совета "Союза благоденствия" (председательствовал в 1821 г. на его московском съезде), наконец, "Северного общества" декабристов.

После окончания Лицея, Александр Пушкин становится частым посетителем квартиры Тургеневых. В их холостяцкой квартире на Фонтанке постоянно велись горячие политические дебаты, дававшие обильную пищу вольнолюбивым размышлениям Пушкина. Как известно, ода "Вольность" (1819 г.) была написана на квартире Тургеневых, под воспламеняющим воздействием страстных речей Николая Тургенева. Почти два десятилетия спустя Пушкин вспомнит "хромого Тургенева", мечтавшего об освобождении крестьян, в декабристских строфах "Евгения Онегина":

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В 1824 г. Тургенев получил отпуск за границу для поправления здоровья. Восстание 14 декабря 1825 года застает его в Англии. Верховный

уголовный суд заочно приговорил Тургенева, отказавшегося предстать перед следствием и судом и не выданного английским правительством, к смертной казни (по конфирмации Николая I замененной пожизненной каторгой). С этого времени начинается долгая жизнь политического эмигранта сначала в Англии, а с 1830 г. в Париже. Морально и материально его поддерживает брат Александр, с 1824 года находившийся в отставке и живший преимущественно за границей, но ежегодно проводивший часть времени в России. Это позволило ему сохранить и пожизненное жалование, дарованное ему Александром I при отставке, и общие с братом наследственные владения. Вся последующая жизнь Николая Тургенева проходит под знаком протеста против неправосудного, по его мнению, приговора. В 1856 г. Тургенев был помилован и три раза приезжал в Россию. Умер он в своей вилле близ Парижа, оккупированной прусскими войсками.

К началу 40-х гг. Тургенев подготовил свой главный труд "Россия и русские". Книга, изданная в апреле 1847 года одновременно в Париже, Брюсселе и Гааге на французском языке и в том же году в Берлине на немецком, состояла из трех томов. Вот как о ее содержании пишет в предисловии к ней сам Тургенев: "...книга "Россия и русские" состоит из трех весьма несхожих друг с другом частей: первая знакомит с моей общественной жизнью – это мои личные воспоминания; вторая представляет картину нравов, политического и социального строя Российской империи; в третьей изложены мои взгляды на будущее этой империи, на приемлемые для нее учреждения и реформы"¹.

Переводчица книги на русский язык С.В. Житомирская пишет: "Книгу Н.И. Тургенева ожидала уникальная и поистине странная судьба. Во всей необъятной историографии русского освободительного движения, во всем письменном наследии его участников - это единственный пример сочинения, которое с момента своего появления и, в сущности, до сих пор не находило понимания ни у власти, ни в обществе"². Полный русский перевод книги Николая Тургенева появился только в 2001 г., то есть спустя 154 года с момента ее первого издания.

В феврале 1848 г. Г.Р. Дукшта-Дукшинский, цензор Комитета цензуры иностранной, представил отзыв на книгу Н. Тургенева. В нем говорилось: "Это сочинение, как уже видно из самого заглавия, разделено на три различных по своему содержанию части. В первом томе автор описывает свое служебное поприще, оправдывается против обвинений Следственной комиссии 1826 года и опровергает действия оной, присовокуп-

---

¹ Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с французского. М.: ОГИ, 2001. 744 с. Далее все сноски на работу Н. Тургенева даны в тексте статьи в круглых скобках с указанием номера страницы.

² Житомирская С.В. Голос с того света: книга Николая Тургенева "Россия и русские" – история и судьба // Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С.623.

ляя суждения о некоторых лицах и документы исторические, касающиеся царствования императора Александра. Во втором предпринимает изложить политическое и общественное состояние России, представляя с невыгодной стороны коренные учреждения государства, особенно же крепостное состояние, как и форму правительства, учебные заведения и другие установления. В третьем изъясняет необходимость преобразования России во всех отношениях и предлагает меры к такому преобразованию... Автор порицает решительно существующий ныне в России порядок, приписывая недостатки учреждений, бедствия и все зло вообще самодержавию и крепостному подданству. По такому направлению книга подлежит строгому запрету на основании п. 3 и 9 Устава о цензуре"¹.

Главное управление цензуры 13 февраля 1848 года утвердило мнение Комитета цензуры иностранной "о запрещении этого сочинения для публики"². Впоследствии цензура запрещала не только все издававшиеся за рубежом сочинения Тургенева, но даже книги, где они упоминались.

Тем не менее, труд Тургенева довольно скоро достиг Сибири и был прочитан декабристами. Прочитан – и большинством из них осужден. Один из первых откликов русских читателей принадлежал Герцену, высказывавшемуся о нем в 1849 году в статье "Россия", включенной в немецкое издание его книги "С того берега": "Книга Тургенева (1847) имеет для нас большой интерес, как верная картина мнений, надежд и стремлений в эпоху императора Александра, как автобиография автора, который много видел в свое время, но не знал той России, которая развилась после 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, к несчастью, не позволяет верно понять положение вещей в России"³. Только первые преформенные годы впервые принесли Тургеневу сочувственные отзывы о его личности, и внимание к его труду в России. Так, например, А.Н. Пыпин, придав важнейшее значение его книге и в главе своей монографии, посвященной тайным обществам декабристов опирался на его свидетельства более, чем на другие известные к тому времени источники⁴.

Таким образом, "осужденный декабристами как предательство их подвига, отвергнутый – по разным мотивам – и правящими кругами, и следующими поколениями русских революционеров, труд этот, в сущности, долго не был известен в России. Более того: интерес к воззрениям Николая Тургенева, возникший во второй половине XIX века у либеральной историографии и публицистики, попытка привлечь внимание к эво-

---

¹ Цит. по: Тарасова В.М. Из истории издания книги Н.И. Тургенева "Россия и русские" // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 94.

² РГИА. Ф. 772 (Главное управление цензуры). Оп.1. 1848 г. № 2057. Л.23.

³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т.16. М., 1959. С. 85.

⁴ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. С. 429-475. В последующих изданиях А.Н. Пыпин напечатал в качестве приложения биографический очерк о Тургеневе.

люционному, реформаторскому направлению в идеологии декабризма, впоследствии, в советское уже время, окончательно скомпрометировали в глазах историков и самого Тургенева, и его книгу. Советская историческая наука... с не меньшим упорством, чем царская цензура, воздерживалась от публикации этой книги на русском языке..."¹.

Попытки издания книги Тургенева на русском языке были предприняты только после 1905 г., когда цензура была значительно смягчена. История трех таких попыток в течение последнего предреволюционного десятилетия подробно рассмотрена советской исследовательницей В.М. Тарасовой². Однако, ни одна из этих попыток не была доведена до конца, и полный текст книги в то время так и не был опубликован.

Первый том (с. 19-174), озаглавленный "Записки изгнанника", содержал в первой своей части последовательный рассказ автора о своей жизни (начиная с пребывания его в Эрфурте в 1808 году и кончая первыми годами жизни за границей после 1824 года) и об исторических событиях этого времени. Особую, вторую часть этого тома, составила "Оправдательная записка" с критическим анализом и опровержением "Донесения Следственной комиссии", официальной версии движения декабристов, единственной публикации на эту тему, появившейся в России до начала работы Тургенева над книгой.

Второй том "Политическая и социальная картина России" (с. 177-344) представлял читателям картину государственного и социально-экономического устройства в России, каким он сложился к николаевскому царствию: "Различные сословия русского народа" в первой части и "Внутреннее устройство России" во второй. Это был не просто ученый трактат: не было такой стороны этого порядка, в которой Тургенев не видел бы оснований для резкой критики, превращавший его исследование в обвинение.

Третий том "О будущем России" (с. 349-480) стал одним из первых развернутых манифестов русского либерализма. В первой части этого тома излагались "Общие соображения", во второй части "Pia desideria" ("Благие пожелания") рассматривались - в первом разделе "Необходимость и возможность преобразований" и во втором разделе "Подробности реформ". В свою очередь, во втором разделе выделялись два периода: "Реформы совместимые с самодержавием" и "Введение конституционного представительного правления". Второй период состоял из двух заключительных глав сочинения - «Формы правления» и «Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции» (с. 452-474). Далее представим в изложении заключительную главу книги Тургенева: "Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции": 1. Равенство перед законом. 2. Свобода слова и печати. 3. Свобода совести. 4. Суд равными.

¹ Житомирская С.В. Указ. соч. С. 652-653.

² См.: Тарасова В.М. Указ. соч. С. 95-100.

5. Представительство. 6. Исполнительная власть. 7. Независимость судебной власти. 8. Принципы управления.

Когда представительный режим вводится в государстве, граждане которого прежде были в основном лишены гражданских и политических прав, эти права обыкновенно провозглашаются в основном конституционном законе – в зависимости от страны и времени он называется хартией, конституцией и т.п. (с. 452). Конституционному закону в России можно было бы сразу дать то наименование, какое носили первые известные на Руси писанные законы, – «Русская правда». В IX веке слово "правда" означало *право*; в XIX оно означает *истину*: так пусть же сбудется таинственное пророчество и через тысячу лет *право* станет *истиной*.

1. На первом месте стоит равенство всех перед законом. Мы полагаем, что оно должно быть полным, без всяких исключений. Привилегии и преимущества, которыми пользуется сейчас сословие дворян, должны исчезнуть; дворяне станут подчиняться общему праву. Не исключено, что в конституцию можно с пользой ввести аристократический принцип (с. 453). Совместимые с самодержавием реформы... вполне способны подготовить полный переход от привилегий к общему праву; для этого необходимо принимать на любые должности людей, которые того заслуживают (с. 454).

2. Представительное правление, введение коего имеет целью упрочить политическую цивилизацию, которая, в свою очередь, является не чем иным, как политической свободой, предполагает возможность свободно выражать свои мысли как устно, так и печатно. Следует осознать всю глубину опасности, происходящей из отсутствия такой свободы, и подсчитать все, что теряет в материальном благополучии, умственном развитии и нравственном достоинстве народ, которому в такой свободе отказывают. Свобода слова и печати, как и любая другая, предполагает ответственность, которая должна быть определена законом (с. 455). Суд присяжных, являющийся в обычных гражданских или уголовных делах лучшей опорой справедливости и беспристрастия, совершенно необходим в делах печати.

3. Чем священнее предмет права, тем священнее становится само право. Следовательно, власть должна как можно меньше вмешиваться в отправление гражданами подобных прав и ограничивать религиозную свободу только в случае крайней необходимости (с. 456). Согласно принципу свободы совести, закон должен не только терпимо относиться к любому вероисповеданию, но и защищать его наравне с господствующей религией (с. 457). Религиозная свобода должна непременно распространяться на многочисленные разветвления старообрядчества; здесь принцип свободы совести приобретает совершенно новое значение, поскольку именно здесь его применение и принесет наиболее благоприятные результаты (с. 458). Свобода и, скажем прямо, конкуренция – вот что дает рели-

гиозным верованиям силу и плодотворность; монополия ведет к пустоте, оцепенению и безразличию (с. 459).

4. "Русская правда" признает право каждого быть судимым только равными себе и в соответствии с законами, изданными или признанными представителями страны. Суд равными непременно предполагает участие присяжных в отправление судебной власти. Гласность есть неизбежное следствие любой судебной процедуры; она также должна быть предписана конституционными законами страны (с. 460).

5. Итак, мы за единую законодательную палату, но при этом не считаем, что так должно остаться навеки (с. 466). Рассмотрев число избирателей в разных странах с представительным правлением, находим, что Россия с ее населением в 50 миллионов душ могла бы доверить задачу избрания представителей одному миллиону человек. Избирательное право может основываться только на способностях, о наличии которых свидетельствует или позволяет судить род занятий, или на размере земельных владений. Я склонен считать, что сие право должно определяться, прежде всего, профессией (с. 467). Всякий человек может стать депутатом, если выбор избирателей остановится на нем. Исключение можно было бы сделать только для чиновников исполнительной власти имеющих большое влияние на тех, кем они управляют; последние не могут быть назначены депутатами в подведомственных им областях (с. 469).

6. Основной закон, "Русская правда", непременно должен установить границы исполнительной власти (с. 470). Исполнительной власти в России следует предоставить все полномочия, коими обычно наделен монарх при представительном правлении. "Русская правда" должна оговорить случаи ответственности министров и определить процедуру их обвинения и суда над ними. Случаи ответственности должны быть ограничены серьезными проступками и преступлениями, такими, как взятка, должностные злоупотребления и измена. Право обвинять министров получит, разумеется, палата представителей страны (с. 472). Разумный закон о министерской ответственности оговорит случаи этой ответственности, предпишет способ действий при обвинении и на суде, укажет применяемые наказания.

7. Чтобы достойно исполнять свое предназначение, судебная власть должна быть как можно более независима. В России назначение на судебные должности во многих случаях предоставлено выборам, и эта система может и должна быть сохранена. "Русская правда" ограничится утверждением принципа несменяемости только в отношении тех судей, которые назначены исполнительной властью (с. 473).

8. Наконец, "Русская правда" изложит основные принципы, сообразно которым должно быть устроено управление страной. Среди них есть один, имеющий особенно большое значение, и его закон должен назвать в первую очередь, - это принцип децентрализации. Согласно основному за-

кону, все, что может быть сделано местными властями, должно быть сделано ими. Вслед за этим "Русская правда" провозгласит, что наряду с должностными лицами исполнительной власти, коим поручено губернское управление, возникнут выборные советы, которые станут принимать участие в управлении местном. Их смогут назначать те же лица, которые выбирают депутатов страны. Все принципы управления должны быть изложены в коренных законах государства (с. 474).

5. Неволин Константин Алексеевич

Становление юридической науки в России непосредственно связано с именем выдающегося правоведа Константина Алексеевича Неволена. Его "Энциклопедия законоведения" получила самую высокую оценку среди русских юристов. Вышедшая в свет в 1839 г. энциклопедия долгое время оставалась единственной и непревзойденной в русской юридической литературе книгой, руководящим пособием по истории философии права в России до середины XIX в. Неволин заложил основы систематизации научного издания и теоретической разработки отечественного законоведения. Ученый и юрист-практик Неволин немало сделал также для развития в России юридического образования.

К.А. Неволин (1806-1855 гг.) – доктор законоведения, профессор Императорского училища законоведения, ординарный профессор, декан юридического факультета, проректор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук по отделению русского языка и словесности, член Императорского географического общества, действительный статский советник. Неволин предположительно родился в 1806 г. в г. Орлове Вятской губернии в семье священника. Первоначальное образование получил в Вятской семинарии, по окончании которой в 1824 г. был переведен в Московскую духовную академию. За три с половиной года он закончил полный курс академии, но не успел сдать магистерские экзамены, так как в 1828 г. по представлению М.М. Сперанского был направлен в числе лучших студентов во II отделение Собственного Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) канцелярии для прохождения курса законоведения с перспективой последующего заведования кафедрой при Петербургском университете¹. Сперанский надеялся, что молодые законоведы сумеют в будущем "положить основание науке российского законоведения"². Огромное участие в их судьбе непосредственно принимал М.А. Балугьянский (1769-1847) – выдающийся кодификатор, начальник II отделения

---

¹ Майков П.М. Сперанский и студенты законоведения // Русский вестник. 1889. Август. С. 614.

² Андреевский И.Е. От издателя // Неволин К.А. Полн. собр. соч. В 6 т. СПб., 1857. Т.1. С. VIII. [И.Е. Андреевский (1831-1891) – профессор кафедры полицейского права, ректор Санкт-Петербургского университета, ученик Неволена, издавший в 1857-1859 гг. Полное собрание сочинений учителя].

С.Е.И.В. канцелярии, сенатор, первый заведующий "кафедрой энциклопедии юридических и политических наук", первый ректор Санкт-Петербургского университета.

Занятия проходили под основным руководством Сперанского и под непосредственным наблюдением Балугьянского. При II отделении Неволин слушал у А.П. Куницына пропедевтику (обозрение всех частей законоведения и историю российских законов) и гражданское российское законоведение, гражданское судопроизводство, у М.Г. Плисова – политическую экономию и российские законы о финансах, у В.Е. Клокова – государственное российское законоведение, российские полицейские законы, уголовное законоведение и судопроизводство. Кроме того, в университете студентам II отделения преподавали: профессор В.В. Шнейдер – римское право, профессор К.И. Арсеньев – историю, профессор Ф.Б. Грефе – латинскую и греческую словесность. Студентам была предоставлена возможность изучения иностранных языков. Одновременно привлекали студентов к практическим работам по составлению Свода законов Российской империи.

По истечении трех семестров и после успешной сдачи экзаменов по теории, истории и всем отраслям права (май-июнь 1829 г.) Неволин в группе из 5 однокашников 6 сентября 1829 г. направляется в Берлинский университет для дальнейшего образования в юридических науках. Выбор Берлинского университета не был случайным: в то время там читали лекции Гегель, Кленце, Рудорф, Савиньи. В Берлине Неволин под "главным руководством" Ф.К. фон Савиньи занимался "энциклопедией и философией права, историей и теорией государственного права, правом: римским, германским, прусским и европейским народным"¹ (т.е. международным). Сохранились письма Савиньи и других немецких профессоров об учебе русских студентов в Берлинском университете². Савиньи аттестовал Неволина самым лестным образом, считая его лучшим студентом.

Неволин по собственному выбору прослушал два курса Гегеля: "философия истории" и "философия религии"³, а также курс "Энциклопедия философских наук" Г.Г. Гото⁴. Из 16 книг, привезенных Невוליным из Германии в 1832 г. 11 томов составили произведения Гегеля и две части прославленной "Философии права" Ф.-Ю. Штала (Гейдельберг, 1830)⁵. При этом Главное управление цензуры взяло у Неволлина подписку о том, что он "не будет сообщать оные посторонним лицам"⁶.

---

¹ РНБ, ф.270, ед.хр.20, л.1.

² РГИА, ф.1261, оп.1, ед.хр.76.

³ РГИА, ф.1261, оп.1, ед.хр.15, л.23.

⁴ РГИА, ф.1261, оп.1, ед.хр.15, л.23.

⁵ Там же, л.33об.

⁶ Там же, л.42.

4 октября 1832 г. Неволин возвратился в Петербург и был прикомандирован ко II отделению С.Е.И.В. канцелярии. М.М. Сперанский собирался учредить при II отделении своего рода юридическую академию, прежде всего, с целью разработки и издания учебников по правоведению, а также создания полной истории российского права. В своем начинании он надеялся на сотрудничество вернувшихся из-за границы студентов. Однако Министерство народного просвещения имело другое намерение - назначить их профессорами в различные российские университеты. В связи с этим было решено подвергнуть их экзамену сразу на ученую степень доктора законоведения. Для этой цели Сперанским были составлены особые программы по теории, истории и всем отраслям права. В период подготовки к экзаменам и написания диссертации Неволин и его однокашники по Берлинскому университету занимались во II отделении С.Е.И.В. канцелярии "в прежнем звании студентов... 1) чтением сводов привилегий и законов Остзейских губерний и соображением сих последних с замечаниями местных комитетов, учрежденных для их рассмотрения"¹.

Неволин сдавал экзамены в несколько приемов. 29 января 1834 г. на "собрании философско-юридического факультета" столичного университета в присутствии ректора А.А. Дегурова, а также Балугьянского, профессоров Куницына, Плисова, Шнейдера, Е.В. Врангеля², "депутатов от других факультетов" Неволин сдавал основной экзамен по "обозрению наук законоведения или энциклопедии". Ему были предложены следующие вопросы: 1. О следах истории философии законодательства у древних: у Пифагора, софистов, у Платона. 2. О разделении истории российского законодательства на периоды. 3. О первых следах и об исторических памятниках древнего российского законодательства"³. После успешной сдачи экзаменов "испытываемый обязан был... сочинить и представить на российском или латинском языке диссертацию" и "главные тезисы и положения защищать публично"⁴.

8 февраля 1835 г. Неволин успешно защитил докторскую диссертацию на тему "О философии законодательства у древних", а 6 марта того же года ему была присуждена ученая степень доктора законоведения ("доктора права" - согласно "формулярному списку"). Официальными оппонентами Неволлина были назначены профессора А.А. Фишер и Н.Ф. Рождественский. Текст диссертации без существенной переработки воспроизведен Невוליным в первом томе "Энциклопедии законоведения". В подготовке

---

¹ Усов М.С. Очерк служебной и учебной деятельности профессора К.А. Неволлина. СПб., 1855. С.8.

² Е.В. Врангель (1784-1841) – профессор "русского права", учитель наследника престола. После смерти барона Е.В.Врангеля его должность в Санкт-Петербургском университете занял К.А. Неволин.

³ РГИА, ф.1261, оп.1, ед.хр.15, л.91.

⁴ РГИА, ф.1261, оп.1, ед.хр.15, л.44.

первого отдельного ее издания II отделением С.Е.И.В. канцелярии (СПб., 1835) принимал непосредственное творческое участие сам Сперанский.

19 марта 1835 г. Неволин, вопреки собственным чаяниям и желанию Сперанского оставить его во II отделении канцелярии, был направлен на должность ординарного профессора "энциклопедии прав и учреждений Российской империи" в университет св. Владимира в Киеве¹. Началась научная, преподавательская и университетская карьера молодого ученого. В период с 1837 по 1842 гг. Неволин трижды Высочайше утверждался ректором Киевского университета². Он приложил немало сил для создания творческой атмосферы в работе коллектива профессоров и преподавателей. В бытность свою ректором Неволин руководил строительством основных учебных корпусов, одновременно исполнял обязанности попечителя Киевского учебного округа, занимался археологическими изысканиями. Неволин познакомился и с митрополитом Киевским Евгением (в миру Е.А. Болховитинов, 1767-1837), который был выдающимся историком, археографом, библиографом и археологом. За плодотворную работу в Киеве Неволин был многократно награжден официальными благодарностями, а 17 апреля 1842 г. "произведен в коллежские советники, т.е. получил "потомственное дворянство".

Однако главное призвание Неволина было в научном творческом труде. Как перспективно мыслящий ученый и педагог Неволин сразу привлек внимание коллег своей речью на тему: "О соединении теории с практикой в изучении законов и в делопроизводстве", произнесенной 15 июля 1835 г. в торжественном собрании университета. Он отдавал должное современной ему эмпирической юриспруденции, пытающейся, прежде всего, удовлетворить потребности российского общества в комментариях действующего законодательства, указателях к нему, руководствах к составлению деловых бумаг и др. Однако доминирующее в то время практико-догматическое направление в правоведении и юридическом образовании он считал нужным развивать на прочном теоретическом фундаменте. Точнее, главную задачу он видел в разработке теоретических и историко-теоретических основ законоведения. Так, юридические дисциплины, введенные Невוליным в Киевском университете, попали в Общий устав российских университетов 1835 г. и автоматически были продублированы в Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах.

В 1839-1840 гг. вышла в свет его двухтомная "Энциклопедия законоведения", содержащая общее учение о праве, историю философии права и историю положительного законоведения. Энциклопедия была высоко оценена русскими юристами – современниками Неволина и учеными более позднего времени. Прежде всего, ими констатировалось, что это первое опубликованное на русском языке оригинальное собственно юридическое

¹ В звании ординарного профессора он был утвержден 30 янв. 1836 г.

² 1 июня 1837 г., 18 июля 1839 г. и 25 ноября 1841 г. сроками на два, два и четыре года.

произведение по философии права¹. Приоритет Невolina в создании российской философии права постепенно становился общепризнанным. С неволинской энциклопедией связывалось и соответствующее преобразование высшего юридического образования в России. Она существенно потеснила немецкие учебники по естественному праву – основные до тех пор руководства для студентов, изучающих энциклопедию законоведения.

Труд К.А.Неволина явился событием не только в отечественной юриспруденции. Созданный применительно к российским условиям, он вызвал живой интерес у европейских ученых, в том числе и такого ранга, как Савиньи². По своему объему, широте охвата общетеоретического и историко-правового материала неволинская энциклопедия превосходила подобного рода зарубежные издания. Неволинскую энциклопедию чаще всего сравнивали с аналогичными немецкими изданиями, столь же педантично скрупулезными, но уступающими ей по объему³.

В 1841 г. сочинение Невolina было представлено в Академию наук на конкурс наград, учрежденных П.Н. Демидовым. В связи с этим по поручению Академии наук профессор П.Д. Калмыков, известный специалист в области энциклопедии законоведения, подготовил рецензию на этот труд. В рецензии отмечалось, что неволинская энциклопедия не только составила целую эпоху в отечественной юридической науке и преподавании, но и может занять почетное место в научной литературе Западной Европы⁴. В итоге Невolin был удостоен Демидовской премии.

Снискав признание и известность за годы работы в Киевском университете, Невolin, уволенный 2 февраля 1843 г. "по прошению от должности ректора", в марте того же года возвратился в Санкт-Петербург и был назначен, после умершего профессора Врангеля, ординарным профессором на "кафедре гражданских законов общих, особенных и местных" в университете, а с 28 декабря 1847 г. проректором главного учебного заведения столицы. 15 ноября 1848 г. Невolin был «определен профессором энцик-

---

¹ О Неволине как основоположнике философии права в России см.: Ранненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1868. С. 17-19; Чижов Н.Е. Очерк учений русских юристов о праве: Публичная лекция. Одесса, 1881. С. 3-4; Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 25; Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 33.

² Об уважительном отзыве Савиньи об энциклопедии Неволину стало известно от профессора Р.А. Штекгардта, автора обширной рецензии на "Энциклопедию законоведения" в лейпцигском юридическом ежегоднике (*Kritische Jahrbucher fur deutsche Rechtswissenschaft*. Leipzig, 1841). Перевод этой рецензии на русский язык осуществил Н.М. Коншин. См.: Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. XIV. С. 116-121.

³ См.: Григорьев В.В. История Императорского Санкт-петербургского университета в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 156.

⁴ См. подробнее: Десятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1841. С. 13-14.

лопедии законоведения в Императорском училище правоведения с оставлением при университете» – самом привилегированном (наряду с Лицеом) учебном учреждении императорской России.

Именно в этот период Неволин заложил основы науки гражданского права в России. В частности, он обогатил отечественную юридическую литературу сочинением "История русских гражданских законов", изданным в трех томах в 1851 г. За это научное произведение Неволин был вторично удостоен Демидовской премии. В специальном докладе Академии наук членам Демидовской комиссии оно оценивалось как "настоящий подвиг" автора. И вновь имя Невוליнова сопрягалось с именем М.М. Сперанского, который "с прозорливостью опытного мужа государственного предсказал, что Неволин принесет некогда великую пользу и честь отечественному законоведению"¹. В "разборе" (так тогда именовались рецензии) профессора Московского университета Ф.Л. Морошкина подчеркивалось, что сочинение "заслуживает полную признательность ученых своим отчетливым и ясным изложением предмета и приведением бесчисленных фактов истории в полное систематическое обозрение гражданских законов"².

1 декабря 1853 г. Неволин был произведен в действительные статские советники³, т.е. он дослужился до 4 класса по Табели о рангах (чин его соответствовал званию генерал-майора). По своим "должностям" Неволин не соответствовал такому высокому "чину", т.к. ректоров университетов стали производить в действительные статские советники лишь с 1863 г.

Третья Демидовская премия присуждается Неволину в 1854 г. за сочинение в области исторической географии "О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке" (СПб., 1853). Оно содержало составленную ученым по древним «писцовым книгам» и известным к тому времени летописям географическую карту с обозначением на ней новгородских территорий. В отзывах рецензентов обосновывался вывод о том, что данное произведение "будет навсегда служить образцом для разработки материалов исторической географии"⁴.

Как педагог Неволин славился сухостью и монотонностью своих лекций. Но внешнее однообразие его лекций всегда искупалось богатством мысли, поразительной начитанностью профессора. "Не формой, а содержанием лекций, – констатировал один из современников, – он влиял на молодые восприимчивые натуры так сильно, что многие из его слушателей, по собственному их отзыву, с трудом могли впоследствии отрешиться

---

¹ См.: Двадцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1852. С. 8.

² Там же. С. 42.

³ РГИА, ф. 1341, оп. 38, ед. хр. 2356, л. 5об. См. также: РГИА, ф.1405, ед.хр.1980, л.23об.

⁴ Двадцать третье присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1854. С. 61.

от его взглядов"¹. Верный ученик Неволлина, постоянный посетитель своеобразного "юридического салона" в последние годы жизни ученого, вспоминал: «Скромный в способе своего изложения и великий по предметам, кои он избирал для своих занятий, и по образу их выполнения, он еще скромнее был в разговорах. Чуждаясь шумных собраний, он любил беседу тихую и умную, и на немногочисленных воскресных его вечерах время протекало в занимательнейших разговорах или самого профессора, или образованных лиц его навещавших»².

Наряду с научной и преподавательской деятельностью, Неволлин активно занимался и другой работой. 25 ноября 1852 г. его прикомандировали к Редакции систематического исправления Военно-уголовного устава, а 4 апреля 1854 г. назначили "членом консультации при Министерстве юстиции". Наконец, с 5 декабря 1853 г. Неволлин получил и долгожданную для него возможность вновь служить во II отделении С.Е.И.В. канцелярии с "оставлением при прежних должностях".

Женился Неволлин довольно поздно – на 43-м году жизни – на Любви Богдановне Нилус. В браке имел двух дочерей – Зинаиду и Евгению и сына Алексея. Постоянная научная и другая общественная деятельность подорвали здоровье Неволлина. Весной 1855 г. он по состоянию здоровья оставил все свои занятия и уехал за границу лечиться на минеральные воды сначала в город Соден (Королевство Пруссия), а позднее в город Бриксен (Австро-Венгерская империя, Тироль). На водах ему стало лучше, затем состояние его здоровья катастрофически ухудшилось. 7 октября 1855 г. русский "посланник при Австрийском Дворе" князь А.М. Горчаков сообщил в Россию по телеграфу, что 6 октября Неволлин скончался. По Высочайшему повелению гроб весной 1856 г. доставили в столицу. 25 мая после особо торжественного отпевания в присутствии титулованных особ, министров, сановников, почитателей и учеников маститого правоведа, студентов университета и Училища правоведения тело ученого было предано земле при церкви Смоленской Божьей Матери. Завершился земной путь мыслителя и педагога, началась его посмертная слава...

* * *

Появление в русской юридической литературе сочинения Неволлина "Энциклопедия законоведения" не без основания вызвало весьма лестную и эмоциональную оценку среди отечественных ученых. Впервые применительно к условиям и быту России была предпринята попытка привести в систему знания о законоведении, "возвышаясь до вывода общих начал законоведения и связывая ими общие истины со всемирным историческим

---

¹ Шульгин В.Я. История университета св. Владимира. Киев, 1860. С. 149.

² Усов М.С. Очерк служебной и учебной деятельности профессора К.А. Неволлина. СПб., 1855. С. 26.

развитием их в царствах ума и мысли и практическом создании целых народов и их законодателей"¹.

Двухтомная энциклопедия Неволина охватывала общее учение о законах, историю философии законодательства (т. I), а также "историю положительных законодательств", внешнюю историю законодательств основных стран Европы и России (т. II). Неволин рассматривал "Энциклопедию законоведения" как самостоятельную науку - теорию "наук законоведения" и одновременно их сокращенное изложение (п. 4)². По замыслу автора, энциклопедия представляла такой наукой, которая должна служить общим введением в изучение отраслевых наук законоведения, давать обзор этих наук в их общей связи, способствовать усвоению отраслевых наук в их системе.

Неволин полагал, что начало систематическому изучению законов было положено древними римлянами. Позже были разделены и стали рассматриваться как самостоятельные науки философия законодательства (естественное право), государственные законы (публичное право), гражданские законы (частное право), уголовные законы (уголовное право), право народное (международное право). При такой разнообразии наук, чтобы сохранить между ними связь, необходима особая наука, которая служила бы общим введением в науки законоведения (п. 6).

Неволинская энциклопедия – первый в отечественной юридической литературе серьезный научный труд, укореняющий на российской почве теоретические схемы и модели философии права Гегеля. Впервые в нем проведены и начала исторической школы права. Вслед за Гегелем Неволин стремился к синтезу универсализма и индивидуализма, общества и личности, права и нравственности, права и политики. Как и Гегель, он способствовал возрождению в политико-правовой теории античных представлений о нравственном характере политики. Прошедший школу Гегеля, Неволин разделял высокую оценку учениками Гегеля философии своего учителя (п. 522). Вместе с тем гегелевская философия права, по мнению Неволина, "слишком мало приписывает важности духу других времен и веков" (там же). В этом критическом замечании Неволина явственно ощутимо уже влияние главы исторической школы права Савиньи. Идеи исторической школы права, в свою очередь, воспринятые и развитые в "Энциклопедии законоведения", судя по всему, представлялись ее автору весьма перспективными. Во всяком случае, дальнейшее развитие философии права и вообще философии он видел в ее тесном союзе с историей (п. 526).

Для Неволина, богослова по первоначальному образованию, философия права не могла не быть теологически ориентированной. Истинная фи-

---

¹ Известия об отечественных ученых и учебных заведениях // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1841. Декабрь. С. 67-68.

² Текст обоих томов энциклопедии разделен автором на параграфы. Первый том, в частности, содержит 526 параграфов.

лософия, по мнению Неволлина, признает бытие полным, независимым и принадлежащим одному Богу; что-либо существует истинно только в силу какой-либо связи с Божеством (п. 13). Этим, в конечном счете, обусловлено единство мира, человеческого рода, общества, телесной и духовной природы всех людей. Законы как предмет законоведения есть, по учению Неволлина, в глубинной своей сущности не что иное, как правда (justitia). Идея правды коренится в бесконечной святости и праведности Бога, открывающего себя в мире физическом (природе) и нравственном (обществе), причем в мире нравственном, в отличие от физического, – через волю и сознание людей как нравственных существ. Учение о воле несет в "Энциклопедии законоведения", как и в "Философии права" Гегеля, важнейшую смысловую нагрузку для понимания начал права, закона, государства. Следует подчеркнуть, что свободная (сознательно самоопределяющаяся) воля выступает у Неволлина условием бытия правды (права, закона).

Категория правды конкретизируется Неволлиным, прежде всего, через отношения личности и общества (человечества в целом). Интересы общества при этом доминируют. В самом широком смысле правда определяется как верность одного нравственного существа целому обществу нравственных существ. Отсюда праведное (justum) – все то, что не противоречит такого рода общению. Соответственно, неправедным признается то, что ослабляет и разрушает подобного рода общение (п. 23). Как нравственное существо человек у Неволлина "не есть существо единичное", для него "его единичность сама по себе... ничего не значит" (п. 456). Но, заботясь о нравственности вообще, а значит, и о себе как о нравственном существе, "таким же образом он заботится о раскрытии нравственной жизни во всяком другом нравственном существе"; соответственно "всякое другое нравственное существо... заботится о всех нравственных существах" (п. 456). Вследствие этого люди и перестают быть единичными, чуждыми друг другу. Образуется одно нравственное общество, где бытие и деятельность каждого определяются этим целым.

Непосредственно правда осуществляется через права и обязанности субъектов общественных отношений, т.е., как разъясняет Неволлин, в отношении лиц друг к другу, каждого лица к целому союзу и каждого союза к другим подобным союзам (п. 24). Эти отношения строятся на началах взаимности (эквивалента) сторон, руководствующихся заветами правды, взаимного уважения воли каждой из сторон. Воля одного лица имеет силу (власть) определять деятельность других лиц, только будучи основанной на правде. Лишь при этом условии власть "лица над лицом" может быть определена как право (право в субъективном смысле), а отношение к нему подвластного – как обязанность (там же).

В учении о правах человека обнаруживается принципиальное несогласие Неволлина с приверженцами теории естественных прав и свобод личности. Ошибочными представлялись ему и соответствующие концеп-

ции естественного состояния, общественного договора. Всегда сдержанный в своих оценках правовых учений прошлого, избегающий какой-либо их критики, он прямо называет все эти теоретические конструкции пагубным заблуждением. После якобинского террора особенно вредоносными и по сути разрушительными Неволлин считает идеи французских просветителей. Французскую философию XVIII в. он характеризует как "направление, враждебное всем священным истинам духа человеческого" (п. 318). Вслед за Гегелем русский правовед убежден в том, что человек не рождается свободным. Прирожденная свобода - это "дикая воля". В нравственном же смысле для человека "существует только одна истинная свобода: свобода от своих страстей, господство над ними, определение себя из себя самого к действию по началам нравственным" (п. 456). Достигается такая самосознающая (в гегелевском смысле) свобода в ходе нравственного самосовершенствования. Подлинным достоянием человека может быть лишь то, что им приобретено в течение длительного времени трудом, сознательными волевыми усилиями, а не принадлежит ему от природы. Человек – не "мертвая машина", он должен принимать непосредственное участие во всем, что с ним происходит (п. 457).

Таким образом, по Неволлину, человек сам обретает свободу. Но свое подлинное "прочное" бытие права и свободы получает только в государстве. Вне государства человек вообще не может вести нравственную жизнь, а значит, вне государства ничтожны и его права. Возвышая человека над собственными его влечениями и наклонностями, государство тем самым "дарует ему истинную нравственную свободу" (п. 456). Одобря этатистские взгляды Гоббса и Спинозы, Неволлин возводит жизнь в государстве в священную обязанность человека. Тех же, кто предпочитает дикую вольность свободе, он считает необходимым в целях безопасности принудить к нравственно свободной жизни в государстве. Правда, в отличие от Руссо, Неволлин при этом не верит во всемогущество демократии, народного суверенитета, относя демократию к самым несовершенным формам правления (п. 456).

Почти дословно воспроизводится в "Энциклопедии законоведения" определение государства Гегелем. Для Неволлина, как и для Гегеля, государство – «нравственный союз», «осуществленная нравственная идея». А в мире нравственном исключается беззаконие, неправовое принуждение. Того, кто не желает приобщиться к этому миру, укрощают, как дикого зверя, как необузданные стихии природы. Античную идею полиса, основанного на "разумном" законе, Неволлин в своем понимании государства дополняет руссоистским принципом воли. Вслед за Руссо и Гегелем он стремится подчеркнуть разумно-волевые начала государственности как нравственного целого. При этом речь идет об идеальном государстве, в котором уже реализовались идеи правды, закона, законности.

Общая для всех законов идея правды осуществляется, по учению Неволлина, в положительном законодательстве государства. Тем самым "внутренние" начала правды (моральные заповеди) преобразуются во "внешние", признанные в государстве. Сама необходимость внешних законов объясняется тем, что для руководства людей в обществе недостаточно внутреннего закона, охраняемого в своем действии одной лишь совестью. Чтобы люди по тем или иным причинам не нарушали права других и исполняли свои обязанности нужны общеобязательные законы государства. В то же время положительные законы должны прямо и ясно выражать требования законов внутренних (п. 33).

В традициях естественно-правовой доктрины Неволлин различает "во всяком законодательстве две составные части: часть, которая может быть познана непосредственно умом и сама по себе имеет обязательную силу, независимо от общественного постановления, – *законы естественные*; часть, которая познается не иначе, как из самого законодательства, действующего в государстве, и только потому имеет обязательную силу, что она установлена государством, – *законы чисто положительные*" (п. 37). Первые образуют всеобщую и необходимую сторону законодательства, вторые – его случайную и ограниченную сторону. Естественные законы, взятые в их совокупности, составляют идею законодательства, положительные служат их проявлением (там же). Между естественными и положительными законами возможны противоречия. Но все же отдельно существовать они не могут (п. 38).

Законодательство слагается, по мысли Неволлина, из двух начал – объективного и субъективного, необходимости (действующей помимо воли и сознания людей) и свободы (сознательно-волевого отношения к ней людей). По отношению к законодательству различаются несколько видов необходимости: физическая (природная), нравственная (запечатленные в сердце человека Божественные истины), национально-культурная (необходимое отношение между такими направлениями деятельности того или иного народа, как религия, наука, искусство и др.), историческая, всемирно-историческая, логическая (необходимое соотношение "частей" системы законодательства). Этот необходимый порядок вещей обуславливает надлежащее развитие законодательства. Но он не фатален: от собственной воли людей зависит, признать требования необходимости или не признать их, выбрать тот или другой путь. И все же высокое достоинство воли, более того, ее непререкаемый долг Неволлин видит в превращении необходимости в процессе ее познания, постижения, из внешней, чуждой человеку, в его собственную, внутреннюю.

В реальной истории, считает Неволлин, соотношением необходимости и свободы, бессознательной и сознательной деятельности человека определяется различие законов у тех или иных народов на разных исторических этапах. Это проявляется и в формах выражения законов (источниках

права) и их содержании. Проследивая постепенное образование законов со стороны их формы (пп. 47-58), Неволин следует исторической школе права. Он выделяет обычаи (сфера бессознательной деятельности), законы (сфера сознательной деятельности), а также учение "законоведцев" (в нем соединяются оба способа образования законодательства). Удельный вес каждой из форм и способов образования законодательства зависит от уровня умственного и нравственного развития общества. Полное содержание идеи законодательства раскрываются у народов постепенно.

Вслед за Гегелем Неволин различает такие ступени эволюции правовой идеи, как: семья, род (на этих ступенях законы формируются преимущественно под влиянием необходимости), гражданское общество, государство, союз народов (на трех последних ступенях – в результате сознательной деятельности человека) (п. 59). Достоинно особого внимания выделение Невוליным гражданского общества как определенной исторической ступени социальной эволюции. Для российской науки это была новая категория. Гражданское общество предстает у Неволина как "совокупность лиц самостоятельных, соединенных в одно общество для удовлетворения их частных потребностей общими силами" (п. 78).

Каждый исторически последующий общественный союз (от семьи до государства и союза народов) заключает в себе, согласно взглядам Неволина, все предшествующие. Но, с другой стороны, каждый низший союз содержит в себе, хотя бы в зародыше, все высшие. Как и в аристотелевско-гегелевской традиции понимания государства, у Неволина весь исторический путь общественного развития теологически предвосхищен в идее государства. Оно признается первичным по своей природе по отношению к семье, роду, гражданскому обществу (п. 87). В этом смысле с разворачиванием именно нравственно-правовой сущности государства, по мысли Неволина, совпадает в той или иной мере история человека и человечества. Таким образом, правовое состояние самого государства (и отношений между государствами в рамках союза народов) возводится в ранг исторически должного.

Во всемирной истории, в том числе истории законов и законоведения, все народы развивают одну и ту же идею правды. При этом один народ развивает одну ее часть, другой – другую и т.д. В результате идея правды познается в целом, и род человеческий "осуществляет ее в своей жизни" (п. 172). В познании различных сторон этой идеи, необходимой для всех народов, наиболее значима роль народов Востока, Греции, Рима (древняя история), германских и славянских народов (новая история). Подчеркивая историческую миссию германских народов, Неволин, в отличие от Гегеля, однако, не считает, что они завершают духовную работу всемирной истории. По его предположению, за пределы известной ему истории нового времени простирается назначение славянских народов (п. 177).

Ученик Савиньи, Неволин акцентирует внимание на особенностях "духа народов", сменяющих друг друга в истории и одновременно существующих, хотя и на разных ступенях нравственно-духовного развития. По сути, речь идет прежде всего о типах (уровнях) правосознания различных народов, определяющих своеобразие их культуры, законодательства, учений о праве и т.д. Общий дух народа живет и в каждом представителе этого народа. Поэтому, в частности, хотя в государстве жизненно необходимы внешние меры охраны прав, но законы "своего" государства соблюдаются гражданами, прежде всего, по их "внутреннему побуждению" (п. 34). К духовным особенностям народов Неволин не раз обращается в своей истории философии законодательства. Он отдает должное исторической обстановке формирования тех или иных идей и взглядов.

Проводя идеи исторической школы права, Неволин пытался ответить на вопрос, что представляет собой право и чем оно должно быть. По существу, Неволин строил свои доводы на понятиях старой естественно-правовой философии. Естественно-правовое и историческое право в принципе были для него явлениями одного и того же порядка. Такой подход к исследованию данных явлений в философии права России нашел свое воплощение в воззрениях В.М. Гессена, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева и других русских юристов. В.М. Гессен отмечал известное "сродство исторической школы с понятиями естественно-правовой философии"¹. Вероятно, по этой причине существуют различные оценки творчества Неволина. Например, В.В. Григорьев отмечал, что Неволин первым дал юридическим знаниям плодотворное историческое направление, образовал целую школу юристов, пошедших по его следам². По мнению М.Э. Казмера, Неволин – основатель исторического направления в правовой науке России, предпринявший поход против естественного права³. Эту позицию оспаривает Э.В. Кузнецов, который считает, что до 30-х годов XIX в правовой науке России доминировало естественно-правовое направление, представителем которого был и Неволин⁴. Последней точки зрения придерживается и Ю.В. Ячменев⁵.

Немало способствовал Неволин укоренению в отечественной юридической науке в неразрывной связи с догмой положительного законодательства, философского и исторического методов познания правовых явлений. В единой системе теоретического правоведения он выделил в самостоя-

---

¹ Гессен В.М. Возрождение естественного права. СПб., 1902. С.7.

² См.: Григорьев В.В. История Санкт-Петербургского университета в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 156-157.

³ Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига, 1983. С. 33.

⁴ Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 101.

⁵ Ячменев Ю.В. К.А. Неволин – родоначальник философии права в России // Государство и право. 1994. № 12. С. 127.

тельный раздел необходимые юристу знания науки историко-правового профиля. Не одно поколение русских юристов получило доступ к теоретическому наследию величайших мыслителей прошлого – от Платона и Аристотеля до Руссо, Канта и вплоть до философии Гегеля. К энциклопедии Неволина, в свою очередь, восходят истоки сравнительного правоведения и государствоведения.

II. РАЗВИТИЕ

6. Чичерин Борис Николаевич

Борис Николаевич Чичерин (1828-1904) – один из наиболее выдающихся представителей русской политической, юридической и философской мысли, имевший огромный авторитет в русской науке и оказавший значительное влияние на последующее поколение ученых – государствоведов. Научные труды Б.Н. Чичерина не устарели до настоящего времени¹.

Б.Н. Чичерин родился в Тамбове в семье, происходившей из старинного дворянского рода. В 1845 г. Чичерин поступил на юридический факультет Московского университета, где слушал лекции Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, П.Г. Редкина и др. К тому времени относится его увлечение философией Гегеля. Окончив университет в 1849 г., он в 1851-1852 гг. сдает магистерские экзамены и в 1853 г. представляет магистерскую диссертацию “Областные учреждения России в XVIII в.” Опубликовать же и защитить ее Чичерину удалось только в 1856 г. В 1858г. получает приглашение занять кафедру государственного права Московского университета, в 1858-1861гг. едет в Европу для подготовки к профессорской деятельности. Он встречается с А.И. Герценом, знакомится с И.М. Сеченовым и Д.И. Менделеевым. С 1861 по 1868 г. Чичерин – профессор Московского университета. Одновременно в 1863-1865 гг. Чичерин преподает государственное право наследнику престола Николаю Александровичу, а в 1864-1865 гг. сопровождает его в путешествии по Западной Европе, где наследник заболел и умер. В 1866 г. Чичерин защищает докторскую диссертацию “О народном представительстве”, значительная часть кото-

---

¹ Подробно о взглядах Б.Н. Чичерина см.: Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. (Б.Н. Чичерин). М., 1975.

рой посвящена истории представительных учреждений на Западе и в России. В начале 1868 г. в знак протеста против действий факультетского начальства Чичерин со своими коллегами (С.М. Соловьевым, И.К. Бапстом и др.) уходит в отставку, уезжает в свое родовое поместье Караул, где продолжает заниматься научной деятельностью и участвует в работе тамбовского земства. В начале 1882 г. Чичерин избирается на должность Московского городского головы, но уже в середине 1883 г. вынужден уйти в отставку, так как его речь на обеде по поводу коронации Александра III была сочтена слишком либеральной. С того времени и до конца жизни он удаляется от активной деятельности и полностью посвящает себя научным занятиям в своем поместье¹.

Научные работы Б.Н. Чичерина поражают богатством и разнообразием. Наряду с трудами по истории русского права, он много писал по вопросам философии и теории государственного права, интересовался представительными учреждениями на Западе и в России, их прошлым и настоящим; наконец, разрабатывал в многочисленных статьях и книгах чисто философские вопросы в духе своеобразного гегельянства.

Идея естественного права была составной частью политико-правовых взглядов Б.Н. Чичерина. Она присутствует в таких его сочинениях, как “Мистицизм в науке”, “Государство и собственность”, “Философия и право”, “Психологическая теория права”. Причем в последний период его творчества правовая проблематика заняла значительное место, наиболее полно оформившись в его книге “Философия права”.

Естественное право, как известно, в учении Чичерина о праве предстает как совокупность наиболее общих принципов, норм, непосредственно вытекающих из абсолютной идеи права, как “рациональная сущность”, исторически реализуемая в зависимости от нравственного сознания общества.

Точно и концентрированно отличие естественного права от позитивного дал В.И. Шамшури: “Для социально юридической практики чрезвычайно важно, обладают законы всеобщностью и необходимостью или их можно принимать и менять “с легкостью необыкновенной”, не сообразуясь с жизнью, историко-культурными традициями, а лишь по велению административного сердца. Первый подход ... обычно и называется “правом естественным”. Второй, тоже имевший сторонников в России, - “позитивным, историческим правом”².

В отличие от рационалистических теорий естественного права XVII – XVIII вв. Чичерин далек от того, чтобы видеть в естественном праве абсолютную и неизменную норму, с которой должно соотноситься всякое положительное законодательство и которая одна сообщает обязательную силу его постановлениям. Взгляд на естественное право как совокупность прирожденных гражданских прав человека он считает плодом одно-

¹ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 586.

² Шамшури В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 134.

сторонности рациональной философии XVIII в. Чичерин выдвигает концепцию естественного права с изменчивым содержанием. Согласно этой концепции, естественное право является началом, к которому следует стремиться.

Идеалом в естественно-правовой концепции Чичерина выступает положение, которое звучит в виде лозунга: “Человек должен быть свободен, и это требование мы ставим целью развития человеческих обществ”.

Теория Чичерина была высоко оценена и поддержана другими буржуазными философами права: как неогегельянами, так и неокантианцами. И.В Михайловский, рьяный приверженец теории возрожденного естественного права, назвал Чичерина “величайшим представителем идеалистической философии права”. П.И. Новгородцев считал, что Чичерин одним из первых выразил “современную точку зрения на естественное право как на понятие идеальное и притом развивающееся”. Большое влияние философия права Чичерина оказала также на взгляды Е.Н. Трубецкого, который видел в авторе одного из самых выдающихся в России “провозвестников идеи естественного права”. Н.А. Бердяев, выдвигая теорию “естественных, неотъемлемых и абсолютных по своему источнику” прав личности, признавал, что Чичерин был “блестящим защитником теории естественного права, и новейшие идеалистические течения в философии права должны почтить его как самого главного своего предшественника”¹.

Для разумного существования человеческого общества необходимо установление прав и обязанностей лиц, а это достигается через знание того, “что есть право, где его источник и какие из него вытекают требования”. Все эти вопросы Чичерин тесно увязывает с сущностью человека, который “по природе своей есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и как таковое, имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей пружиной всего развития человеческих обществ. Из него рождается идея права, которая, расширяясь более и более, приобретает, наконец, неоспоримое господство над умами”². Эти обстоятельства позволили Чичерину утверждать, что, “как факт, право есть явление общественной жизни”³.

Генезис права Чичерин выводит из признания того, что человек является существом общественным и, живя в обществе, он приходит в постоянное столкновение с другими людьми, стремясь расширить сферу своей свободы. “Отсюда, - заключает Чичерин, - необходимость определить, что принадлежит каждому, и установить известные правила для решения споров. Таково происхождение права. Оно возникает уже на первоначальных ступенях человеческого общежития и идет, разрастаясь и усложняясь, до самых высших. Право как взаимное ограничение свободы под общим

---

¹ Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России. С. 38.

² Цит. по: Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 523.

³ Цит. по: Корнев А.В. Указ. соч. С. 93

законом составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ”¹.

Раскрыв происхождение права, Чичерин задается вопросом: “Что такое право?” Философ-правовед говорит о двойном значении права – о субъективном и объективном праве. “Субъективное право, - пишет он, - определяется как нравственная возможность, или, иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих значений дает нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. В том и другом случаях речь идет только о внешней свободе, проявляющейся в действиях, а не о внутренней свободе воли, поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом”². Таким образом, под “правом” здесь имеется в виду позитивное право, юридический закон, т.е. действующие нормы права.

Наряду с трактовкой права как положительно действующего, принудительного права (т.е. как позитивного права), Чичерин говорит о различении положительного и естественного права и о направлениях влияния второго на первое. “Положительное право, - пишет он, - развивается под влиянием теоретических норм, которые и не имеют принудительного значения, но служат руководящим началом для законодателей и юристов. Отсюда рождается понятие о праве естественном, в противоположность положительному. Это – не действующий, а потому принудительный закон, а система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить мерилom и руководством для положительного законодательства. Она и составляет содержание философии права”³.

Сущность права Чичерин ищет в свободе как индивидуалистическом и априорно метафизическом начале. Право, заявляет он, по своему происхождению и характеру суть начало индивидуалистическое и метафизическое и “вытекает из свободы разумного существа, которого призвание состоит в том, чтобы быть владыкою безличной природы”⁴.

Чичерин в вопросе правопонимания выражает категорию права через категорию свободы. “Так, ошибка Ж.-Ж. Руссо, по мнению Б.Н. Чичерина, - излагая взгляды выдающегося правоведа, отмечает А.В. Корнев, - состояла в том, что он свободу гражданскую смешивал с естественной. Между тем истинная человеческая свобода не есть свобода животного, находящегося на воле, это свобода гражданская, которая подчинена общему закону. В силу этого она становится правом, поэтому “право есть явление свободы, а свобода в юридической области есть начало совершенно положи-

---

¹ Цит. по: Нерсисянц В.С. Указ. соч. С. 523.

² Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). Уфа, 1993. С.142

³ Цит. по: Нерсисянц В.С. Философия права. С. 524.

⁴ Цит. по: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 32.

тельное. Ибо из нее вытекают и собственность, и обязательства”¹. “Только в силу метафизической своей сущности человек признается свободным; только в силу сверхчувственной своей природы он имеет право и требует к себе уважения. Отсюда же проистекает и юридическое равенство людей. Люди равны между собою единственно в отношении к метафизической своей сущности; во всем остальном они не равны”².

Право, таким образом, возникает из необходимости утверждения свободы через ограничение волеизъявлений других людей посредством законов, “необходимо установление общего закона, определяющего область каждого лица. Право есть совместное существование свободы под общим законом”. Руководством же для установления закона, как и его осуществления, является “правда, или справедливость”. Право и правда проистекают из одного корня. Правда (справедливость) связана с началом равенства. Следствием свободы человека, полагает Чичерин, является равенство личностей перед законом, юридическое равенство: “Справедливым считается то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало вытекает из самой природы человеческой личности: все люди суть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собой. Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которое, с этой точки зрения, носит название правды уравнивающей”³.

Отношение закона к свободе может быть двояким – принудительным (государственный закон) и добровольным (нравственный закон). “Со времен Платона, Аристотеля, стоиков и, в особенности, Цицерона обсуждается следующий вопрос: что составляет суть закона? Акт воли или акт интеллекта? Что есть “jus” - “jus guida justum” или “jus guida jussum” - закон как справедливый, честный долг совести, убежденность или как приказ власти (букв. распоряжение хозяина)? Внутреннее повеление или внешнее принуждение?” - бросает исторически ретроспективный взгляд В.И. Шамшуриной, касаясь проблем русской философии естественного права⁴.

Действительно, достаточно распространенным в дореволюционной юриспруденции было мнение о том, что в праве присутствует принудительное начало. Но одни ученые полагали, что оно составляет сущность права и тем отличается от других регуляторов. Другие же, и их было, пожалуй, большинство, считали, что принуждение всего лишь одно из черт права, но не его суть. И тем не менее принуждение, отмечал Чичерин, является таким признаком права, “который не подлежит сомнению”. Двойственность отношения закона к свободе объясняется Чичериным следую-

---

¹ Корнев А.В. Указ. соч. С. 93.

² Чичерин Б.Н. Наука и религия // Русская философия права. Антология / Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. СПб, 1999. С. 101.

³ Хрестоматия... С. 144-145.

⁴ Шамшуриной В.И. Указ. соч. С. 134.

щим образом. “Первое, – поясняет ученый-правовед, – касается внешних действий, составляющих область внешней свободы, которая одна подлежит принуждению; второе обращается к внутренним побуждениям, истекающим из свободы внутренней. Из первого рождается право; второе составляет источник нравственности”.

Подобно Канту, Чичерин проводил существенное разграничение между правом и нравственностью, видя их отличие во внутреннем признаке – принуждении. “В отличие от нравственности, – писал он, – право есть начало принудительное. Юридический закон поддерживается принудительной властью, нравственный закон обращается только к совести. Если бы юридический закон не был принудительным, то внешняя свобода человека была бы лишена всякой защиты, она была бы отдана в жертву случайному произволу сильнейших”. Принудительным у него закон становится тогда, когда он признается действующей нормой права. Таков закон положительный. Вследствие этого он может быть неодинаковым в разные времена и у разных народов. Естественный закон, на его взгляд, должен пониматься не как абсолютная и неизменная форма, а как идеал, к которому следует стремиться. В этом смысле право и нравственность у него имеют один корень – духовную природу человека, – отмечает Э.В. Кузнецов¹.

“Право, – подчеркивает Чичерин, – не есть только низшая ступень нравственности, как утверждают морализирующие юристы и философы, а самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека. Эти корни лежат в потребностях человеческого общежития. И вытекающие из общежития “юридические законы независимы от нравственных”. Но в плане взаимодействия права и нравственности Чичерин отмечает, что “нравственность служит иногда восполнением права” и там, где юридический закон оказывается недостаточным, “нравственность может требовать совершение действий по внутреннему побуждению, например, при исполнении обязательств, не имеющих юридической силы.”²

Данное положение можно конкретизировать современным подходом: “Право – это не только набор установленных или признаваемых норм и требований, но также разновидность повторяющегося и устойчивого общения, в котором его участники обмениваются определенными суждениями, демонстрируют свою приверженность моральным и нравственным ценностям, поддерживают дух законопослушности и добропорядочной гражданственности. Во времена упадка правовой культуры мораль восполняет в той или иной степени главным образом психологические функции права и делает это совместно с обычаем или же с установленными требованиями властей. И мораль, и обычай в этом случае снабжают участников правового общения значительно большей уверенностью в устойчи-

---

¹ Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С.91.

² Хрестоматия... С. 143-144.

ности и предсказуемости упорядочиваемых отношений, чем это делает закон”¹.

Настаивая на разграничении нравственности и права, Чичерин считал, что разница между ними является не количественной (“минимум” или “максимум”), но качественной. Если право – это “свобода, определенная законом”, – писал он, – то нравственность налагает на человека одни только обязанности, не определяя никаких прав. Подчинение права нравственности было бы равносильно введению ее принудительными мерами, что привело бы к уничтожению и нравственности, и права. Требования закона всегда конкретны, четко сформулированы и ограничены, тогда как нравственность стремится к абсолюту и требует беспрестанной внутренней мобилизации. Именно поэтому юридическое определение нравственных обязательств, по мнению Чичерина, было бы полным уничтожением свободы совести и лучшим обоснованием всевластия государства во всех сферах человеческой жизни. Государственность на службе нравственности, т.е. на службе неограниченных и абсолютных целей, была бы полной, ничем не ограниченной тиранией, деспотизмом. Институциализация нравственности уничтожила бы свободу совести и вместе с ней всякую независимость личности, включая способность к автономному нравственному поведению. И в этом плане Чичерин резко критиковал В. Соловьева за его стремление к введению правовых методов реализации в общественной жизни нравственного идеала.

В то же время Чичерин признавал за государством то “абсолютное начало”, которое управляет всем нравственным миром и “требует себе безусловного подчинения во всей внешней области человеческих действий”, ибо, по его словам: “и право и нравственность, исходя из единого источника, из общежития как естественного определения человека, сочетаются в союзах, в которых отдельное лицо состоит членом”. Одним из таких союзов, наряду с семьей, гражданским обществом и церковью, является государство как “союз абсолютный, представляющий высшее сочетание противоположных начал общежития, личного и общего”².

Вопросы, связанные с государством, его сущностью, признаками и функциями, его местом в жизни человеческого общества, особенно волновали Б.Н. Чичерина. Следует отметить, что наряду с В.С. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичерин являлся основоположником государственной (юридической) школы и русской историографии. Государство представлено в воззрениях Чичерина высшим выражающим началом власти, и поэтому ему принадлежит верховная власть на земле. Чичерин пытался показать все возможные стороны государства, сочетая философский и социологический подход. Прежде чем определить свое понимание сущности государства, он приводит важнейшие определения государства, которые

---

¹ Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 116.

² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 102

встречаются в истории политических учений – от Аристотеля до Ж.-Ж. Руссо.

Понятие государства должно вмещать в себя всю совокупность необходимых элементов, а именно: “соединяющиеся свободные лица, связывающее их юридическое начало, или закон, общую цель, во имя которой происходит соединение, и, наконец, верховную власть, составляющую характеристическую принадлежность государственного союза”. Соединяя все эти элементы, Чичерин дает следующее определение: “Государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемого верховной властью для общего блага”¹.

Государство есть союз единый, постоянный, нераздельный и самостоятельный. “1. Государство есть союз единый. Существо его состоит именно в том, что лица соединяются здесь в единое юридическое тело, имеющее одну цель – общее благо и управляемое единою верховною властью, господствующею над частями... 2. Государство есть союз постоянный. Оно образуется не для временных целей, а во имя вечных начал, влаждующих в человеческой жизни и подчиняющих ее высшему нравственно-юридическому порядку... 3. Как единый, постоянный союз, государство юридически нераздельно... Не может быть юридического закона, в силу которого государство было бы делимо, ибо это противоречит его существу... 4. Государство есть союз самостоятельный. Будучи облечено верховной властью, оно не подчиняется никому... Отсюда внешняя его независимость”².

Возникновение государства, как и его понятия, Б.Н. Чичерин связывал с развитием духа, которое ведет к тому, что человек отрешается от своей первоначальной физиологической основы, вследствие чего идея государства как высшего человеческого союза переходит из потенциального состояния в действительное. “Государство устанавливается затем, чтобы люди не истребляли друг друга в борьбе за существование”³.

Для того, чтобы “привести враждующие силы к соглашению”, уничтожить стремление к неравенству, “понизить сильных и поднять угнетенных, - говорит Чичерин, - необходимо, чтобы общий элемент, подчинив себе частные, заставил их служить общей цели и привел их к гармоническому единству. Этот общий элемент есть государство”⁴. Государство, как союз юридический, призвано устанавливать и охранять нормы права. “Но задачи государства не ограничиваются охранением права. Этим оно становится бы только в служебное отношение к гражданскому обществу. В качестве союза, представляющего собою общество как единое целое, оно

---

¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки // В кн.: История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 28.

² Там же. С. 33-34.

³ Цит. по: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 69.

⁴ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 69.

призвано осуществлять все те цели, которые составляют совокупный интерес этого целого. Сюда относятся, прежде всего, внешняя и внутренняя безопасность”¹.

“Б.Н. Чичерин остался в границах XIX в. относительно прав и свобод человека”, - отмечает современный исследователь². Права гражданские Чичерин связывал со свободой лица, развитие их составляет цель государства: “Государство настолько носит в себе сознание нравственных начал, насколько оно управляется законом и настолько уклоняется от нравственных требований, насколько в нем предоставляется простор произволу... Самая свобода в государстве получает особый характер. Это свобода не частная, а общественная. Вследствие этого она подчиняется определению не гражданского, а публичного права... Истинный корень свободы заключается в личном праве; общественное право служит ему только гарантией и восполнением”³.

Пути преобразования общественной жизни Чичерин видел только в развитии, эволюционной, естественной смене форм. Чичерин был ярый противник революции и во всех работах подчеркивал это. Кроме того, он был противником социализма и коммунизма – идеологии принудительного братства, противоречащей достоинству человека и приводящей к его полному порабощению⁴. Идеалом будущего государства была конституционная монархия. Именно в конституционной монархии полностью воплощается идея государства, т.е. соглашение всех общественных элементов. “Монархия представляет начало власти, народ или его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели. Идея государства достигает здесь высшего развития”⁵.

Конституционализм Чичерина претерпел определенную эволюцию. “Когда в шестидесятых годах, - говорит он, - возник конституционный вопрос, я был против, потому что считал опасным менять зараз и политический и общественный строй. Но я всегда знал, что конституционное правление должно составлять естественное и необходимое завершение преобразований Александра II, иначе будет неисцелимое противоречие между новым, основанным на свободе зданием и унаследованной от крепостного права вершиной. Это противоречие сказалось раньше и ярче, нежели даже можно было ожидать. Износившееся самодержавие обратилось в игрушку в руках шайки людей, преследующих исключительно свои личные интере-

---

¹ Хрестоматия... С. 148.

² Никитина Е.Е. Б.Н. Чичерин. Жизнь и творчество // История русской правовой мысли. С. 22.

³ Хрестоматия... С. 148.

⁴ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX веков // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 33.

⁵ Никитина Е.Е. Указ. соч. С. 24.

сы. Пока это положение не будет изменено, об утверждении законного порядка, об охране свобод и права нечего думать”¹.

Проблемам гражданских свобод посвящено и письмо Жюлю Симону; представляя ему свои основные труды, посылаемые в Академию моральных и политических наук, Чичерин, таким образом, формулирует их главную идею: “Я исповедую доктрину экономической и политической свободы”².

В связи с этим следует сказать, что Чичерин, наряду с другими либеральными мыслителями дореволюционной России, касался проблем собственности, хотя “не было русской философии собственности”, как считает Н.К. Гаврюшин в своей критической статье на сборник “Русская философия собственности (XVII-XX вв.)”³.

Чичерин определяет частную собственность как “первое явление свободы в окружающем мире”. Собственность вытекает от природы человека и составляет “неизменное требование справедливости”, “краеугольный камень всего гражданского порядка”, в ней “лицо находит и точку опоры, и орудие, и цель для своей деятельности”. Если собственность суть явление свободы индивида, то, следовательно, она есть собственность, принадлежащая лицу, т.е. индивидуальная частная собственность. В этой связи становится понятным, почему Чичерин подчеркивает в собственности как главное не отношения между людьми в процессе производства и потребления, а прежде всего отношение лица к внешней природе: собственность есть “фактическое и умственное отношение лица к физическому миру”. Он исходит из представления о частной собственности как вечной категории разума и в общественной собственности видит нарушение естественного закона.

Чичерин против всех ограничений частной собственности; полная свобода распоряжения ею, которая достигается в период свободной капиталистической конкуренции, - таков, в его понимании, общественный идеал права собственности. Посягать на свободу частной собственности как при феодализме, так и при социализме – “значит подрывать свободу в самом ее корне. К этим попыткам можно приложить сравнение, употребленное Монтескье к деспотизму. Таково изображение социализма и легкомысленной его служанки – политики”⁴.

Политическую платформу Чичерина можно охарактеризовать как классический либерализм. Исходя из понимания свободы личности, как основного принципа общественного развития, благодаря которому человек

---

¹ Цит. по: Медушевский А.Н. Французская революция и политическая философия русского конституционализма // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 96-97.

² Вопросы философии. 1989. № 10. С. 97.

³ Гаврюшин Н.К. Русская философия собственности (XVII – XX вв.) // Вопросы философии. 1994. № 4. С.185.

⁴ Цит. по.: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 43-46.

только и может осуществлять свои стремления к абсолютному (а это составляет ядро его понимания роли и призвания человека в мире), он полагает, что условиями для осуществления этого принципа выступают только последовательные либеральные преобразования. Его конкретная программа для России состояла в требовании свободы совести, свободы от крепостного состояния, свободы общественного мнения, свободы книгопечатания, свободы преподавания, публичности всех правительственных действий, публичности и гласности судопроизводства.

7. Градовский Александр Дмитриевич

Имя и творческая деятельность Александра Дмитриевича Градовского (1841-1889), русского историка права и публициста, хотя и рассматривались в нашей исторической и юридической литературе¹, но на них с неизменным постоянством лежала нелицеприятная оценка, данная В.И. Лениным² и сопровождавшая их в течение длительного времени в силу господства марксистской идеологии. Родился А.Д. Градовский в Валуйском уезде Воронежской губернии в семье помещика, окончил Харьковский университет в 1862 г. С 1867 г. – доцент, а с 1869 г. – профессор Петербургского университета. В главном труде – "Начала русского государственного права" (т. 1 – "О государственном устройстве" (1875), т. 2 – "Органы управления" (1876), т. 3 – "Органы местного управления" (1883) – показано историческое развитие государственного законодательства и учреждений России в условиях неограниченной монархии в сопоставлении с другими государственными системами. В его исторических взглядах положения государственной школы (роль государства, теория закрепощения и раскрепощения сословий и т.д.) сочетались с положениями исторической школы права, отразившимися, в частности, в статьях по национальному вопросу, о славянофильстве и западничестве. Специальные монографии посвящались государственному праву западноевропейских стран. Он, как публицист, активно сотрудничал в либеральной периодической печати, отстаивал позиции консервативного либерализма и защищал реформы 60-х–70-х гг. XIX века.

Круг научных интересов ученого-правоведа охватывал, главным образом, государственное право, русское и зарубежное. Он обращался также к политическим учениям XIX столетия и к национальному вопросу. При этом в равной степени для него интересны как позитивные, так и негатив-

---

¹ См., например: Емельянова И.А. Всеобщая история права в русском дореволюционном правоведении (XIX век). Казань, 1981; Куприц Н.Я. Из истории государственной правовой мысли. М., 1980; Гармиза В.В. Земская реформа и земство в исторической литературе // История СССР. 1960. № 5.

² Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч. Т.5. М., 1972. С.44.

ные моменты политико-правовой идеологии, ибо в ней заложены семена необходимых и возможных социальных преобразований. По его меткому выражению, при исследовании общественных явлений (а право, государство – важнейшие из них) вслед за вопросом: "Что есть?" – всегда следует роковой вопрос: "Что должно быть?"¹. Представляет интерес и методологический подход Градовского к истории философии права, его стремление сосредоточить внимание на собственно теоретических положениях соответствующего учения, а не на политико-идеологических оценках его автора.

Переход от традиционной (метафизической) теории права к новому, социологическому его пониманию произвел большое впечатление на современников, вызвал ожесточенные споры и отразился в целом ряде свидетельств. Чрезвычайно интересны суждения по этому вопросу Муромцева, Коркунова, Градовского, в частности, в полемике с оппонентами, в публицистике. Последний, например, видел основной недостаток старого подхода в том, что, выдвигая на первый план субъективные факторы, он не создавал основы "для изучения реальных законов истории и возможности предвидения". Истинно научным он считает такой подход, при котором отдельный факт "выводится из целого состояния, строя; научна только система, где каждый факт является необходимою и разрывною частью целого и где, наоборот, зная характер целого, можно предвидеть целый ряд фактов"².

Определенное влияние на взгляды Градовского оказали идеи гегелевской философии права. "Не будучи гегельянцем, - отмечает В.С. Нерсесянц, - он использовал ряд идей Гегеля. Так, его теоретические представления о месте и роли государства в обеспечении исторического прогресса, о государственно-организованной форме выступления различных народов на арене всемирной истории, его стремление к историческое освещение проблем государства, права, политики, нравственности, свободы и т.д. дополнить философским постижением лежащих в их основе идей и понятий, критицизм к революционным теориям, к всякого рода абстракциям, социально-политическим и государственно-правовым утопиям, попытки "разумного" примирения преобразовательных и охранительных начал общественной и политической жизни во многом опирались на положения гегелевской философии права"³.

Идеалистическая оценка государства как фактора, определяющего пути общественного развития, присущая Градовскому, выражена в его анализе понятия государства. В своей работе "Государство и прогресс" он следующим образом определяет государство: "Должно признавать государство за отдельный, самостоятельный организм, - организм, отрешенный

---

¹ Емельянова И.А. Указ. соч. С. 6.

² Цит. по: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 95.

³ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 514.

от всех индивидуально – общественных элементов, - что дает ему возможность действовать независимо от эгоистических, противоположных интересов".¹ Во вступительной лекции по государственному праву, прочитанной в конце 1866 г., в Петербургском университете, он отмечал: "Первым, основным, неоспоримым элементом каждого государства есть власть, и власть не в смысле учреждений, а в смысле могущества, присвоенного государству"². Социальная природа этой власти не признается: "чрезмерно преувеличивать его значение, вменять ему в обязанность удовлетворение всех социальных потребностей – значит требовать от государства невозможного и вместе с тем уничтожать всякую нравственную свободу и все условия прогресса"³.

Градовский не видит также и социальных корней происхождения государства. Государство складывается из суммы, совокупности организации властей, существовавших в обществе до него. На государственной власти лежит отпечаток долгой приготовительной работы. Ее функции выделились на основе и с помощью семейной, родовой, общинной, церковной властей: "Если теперь государство стоит выше всех человеческих учреждений, то это потому, что гражданин любит в нем свою семью, свою собственность, свою общину, свой род, от него ждет он защиты своего драгоценнейшего достояния – религии"⁴.

Из этого Градовский выводит функции и цели государства. "Цель государства – общественное развитие, то есть не одна цель, а осуществление бесконечного разнообразия целей. Оно должно доставлять возможность для достижения всех целей, присущих природе каждого отдельного человека и каждого общественного организма. Оно не только должно охранять сферу деятельности каждого от постороннего вмешательства, но и положительными мерами поощрять всестороннее развитие лица и общества"⁵. Причем осуществление общественных целей (а не одной цели, что привело бы к закрепощению всего общества) должно достигаться путем принуждения и силы, представителем которых выступает государство – "оно является представителем права и вооружено – принудительной силой". Государство играет консолидирующую роль в обществе: "Различные стремления общественных элементов оно сводит к одному знаменателю для поддержания гармонии и единства в обществе. Отношение государства и общества есть отношение единства к разнообразию, принуждения к свободе"⁶.

---

¹ Хрестоматия... С. 151.

² Цит. по: Куприц Н.Я. Указ. соч. С. 103.

³ Хрестоматия. С. 151.

⁴ Цит. по: Куприц Н.Я. Указ. соч. С.104.

⁵ Хрестоматия... С. 151.

⁶ Там же.

Градовский признает исторический характер государства. Оно подчинено условиям пространства и времени, от этих условий зависит каждая данная форма государства. Как и всякое историческое явление, государство подчинено "условиям развития, законам прогресса". Каждой стадии общественного развития ("каждому данному состоянию общества") должна соответствовать пригодная этой стадии форма государства. Градовский подчеркивает правовое значение государства: "Значение государства оказывается не столько там, где оно является представителем прав, сколько там, где оно действует во имя обязанностей, возложенных на человечество законом нравственным. Это – важный признак, наиболее характеризующий прогрессивное значение государства"¹. Нравственная и правовая природа государства, его гражданская модель реконструировалась помимо Градовского и другими представителями русского конституционного либерализма².

Актуальным для нашего времени при определении дальнейшего пути развития российского общества на переломе веков служит положение Градовского об общенациональной идее или цели³. "Только она может, – пишет он, – установить прочную, действительную связь между государством и обществом, ибо ничто так не скрепляет союза между людьми, как совместное служение одному возвышенному идеалу, одной цели, равно обязательной для всех". Общая цель, к которой должен стремиться народ – прогрессивное движение общества, которое "сохраняет с настоящим и прошедшим тесную связь, так как только при этом условии новая форма общества будет истинным звеном в общей цели прогресса"⁴.

Прогрессивное развитие общества Градовский связывает не с революцией, которая есть "самое бесплодное из всех действий общества", а с реформой, черпающей силы в охранительных элементах, сознании национальной идеи, религии, нравственном порядке. Без всего этого "дело правительств, как представителя прогрессивных начал, проиграно навсегда".

В своих философско-правовых воззрениях Градовский уделяет большое внимание личности, ее месту в системе ценностей и благ. Одним из необходимых условий освобождения личности, атрибутов свободы выступает собственность – "развитие поземельной собственности есть первый несомненный симптом освобождения личности, ее самостоятельности

---

¹ Хрестоматия... С.152.

² См.: Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7; Козлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб. 1993; Скакун О.Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. 1990. № 2.

³ В.И. Мильдон считает, что к концу XX в. русская идея изменилась, хотя "новые черты пока наглядно слабее прежних традиционных и наше будущее зависит едва ли не от того, что возьмет верх – старое или новое в этой самой русской идее. См.: Мильдон В.И. Русская идея в конце XX в. // Вопросы философии. 1996. № 3.

⁴ Хрестоматия... С. 152.

по отношению к государству; она делает из человека полноправного гражданина. Она дает массе граждан необходимое самосознание”¹. “Взаимосвязь правовой культуры, чувства права с личностным началом, - пишет современный исследователь, - покоящимся на развитой индивидуальной, частной собственности, закономерно подводит к пониманию того, почему носителем чувства права, свободы, правовой культуры выступает первоначально (да и в дальнейшем тоже), как правило, класс собственников”².

В своем представлении о свободе человека и взаимосвязи ее с собственностью Градовский обращается к западноевропейскому опыту и учению о гражданском обществе, которое постепенно стало одной из центральных проблем политической мысли и освободительных движений Запада: "Поземельная собственность, как известно всем, сколько-нибудь знакомым с политическим бытом европейских народов, наиболее способствует к образованию самостоятельного и проникнутого гражданским чувством класса граждан. Он делает возможным и плодотворным местное самоуправление, без которого невозможно воспитание народа, без которого гражданское чувство испаряется в отвлеченных формулах и теоретических комбинациях бюрократии"³.

Как отмечалось выше, крупнейший труд Градовского составляет его университетский курс – "Начала русского государственного права" (1875-1881). Н.М. Коркунов высоко оценил этот труд, отметив, что Градовский, первый в своей работе "не ограничиваясь историческими разъяснениями отдельных институтов, дал им теоретическое юридическое освещение, осмыслив их как юридические институты, а не только как исторические факты вообще". Этот труд по своей значимости и теоретической ценности может сравниться лишь с “Обзором истории русского права” (Киев, 1886) профессора М.Ф. Владимирского-Буданова, которого называли “патриархом науки истории русского права”⁴.

В курсе, однако, как это ни странно, отсутствуют определение понятия государственного права и общая характеристика науки государственного права. Верховная власть как общее понятие тоже не определяется. Она рассматривается в непосредственной связи с самодержавной монархией, что придает изложению явно выраженный тенденциозный характер. "Исследование вопроса о правах и преимуществах государственной власти в России, как монархии неограниченной, сосредоточивается на рассмотрении прав власти монархической", - отмечает Градовский. Объективно в работе содержится опять-таки апологетика самодержавной монархии. Иного, конечно, нельзя себе представить в официозном, университетском курсе

---

¹ Там же. С. 154.

² Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 112.

³ Хрестоматия... С.154.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

государственного права тех лет, допущенном цензурой. Однако эта апологетика выглядит не так примитивно, грубо, как в работах Дюгамеля и Орнатского. Сказываются и веяния времени, и значительно более высокий теоретический уровень автора, и его либерализм.

Градовский исходит из того, что русской монархии присуща строгая законность, составляющая основной принцип всей ее организации. В обоснование этого утверждения цитируется ст. 47 основных законов, согласно которой: "Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих". Это означает, - поясняет далее он, - что воля верховной власти становится обязательной для граждан лишь с момента выражения ее в форме закона, который может быть отменен только равным ему законом. Больше того, по его мнению, законность составляет историческую традицию Русского государства: в России издавна нормой управления и суда признавался писанный закон. В доказательство приводятся ссылки на вечное законодательство Новгорода и Пскова, уложение царя Алексея Михайловича, систему учреждений Петра I, "Наказ" Екатерины II и отражение его в законодательных актах, как самой Екатерины, так и Александра I. В этом якобы осуществляемом принципе законности он усматривает "правомерный характер русского государственного устройства", его отличие от "форм произвольных, деспотических". Здесь явно приукрашиваются облик и сущность самодержавия. По замечанию Коркунова, Градовский стремится "излагать преимущественно не то, что есть, а скорее идеализированную действительность". И все же, по нашему мнению, в его рассуждениях проглядывает, хотя и в очень сдержанных формах, некоторая оппозиционность. Так, мысль о законе как единственной форме выражения общеобязательной государственной воли можно истолковать как намек на подзаконность царской власти. Закон, добавляет Градовский, определяет не только обязанности поданных, но и права самой власти. Может быть, не случайно, перечисляя мероприятия, якобы определившие традицию законности в русском государстве, он в конце ссылается на законодательство Александра I; тридцатилетнее реакционное правление Николая I, во время которого была, однако, проведена кодификация русского законодательства¹, даже не упомянуто.

Для русского конституционализма конца XIX – начала XX века основной теоретической проблемой являлось обоснование концепции правового государства новейшего времени². Обращение к естественно-правовым

---

¹ См.: Кодан С.В. М.М. Сперанский и систематизация законодательства в России // Советское государство и право. 1989. № 6.

² Подробно см.: Скакун О.Ф. Теория правового государства в дореволюционной России // Советское государство и право. 1990. № 2; Скрипилев Е.А., Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма // Государство и право. 1997. № 1; Черни-

теориям прошлого было одним из важнейших средств, ведущих к достижению этой цели. Согласно господствующему воззрению, теория правового государства прошла три основные стадии в своем историческом развитии: первой признавалась доктрина суверенного государства Бодэна, второй – учения эпохи Французской революции, а третьей – правовая мысль новейшего времени. Особое значение при этом придавалось второму этапу, представленному, с одной стороны, теориями естественного права, прежде всего, Монтескье и Руссо, с другой – проверкой их в ходе событий Французской революции.

Градовский рассматривал естественное право как учение, восходящее к представлениям римских юристов. Он отмечал, что в учении римских юристов естественное, природное, право (*jus natural*) рассматривалось и как всеобщий закон природы, распространяющийся на все живые существа, и как совокупность общепризнанных норм, представлений о справедливости. Констатируя распространение учения естественного права в новое время, он особенно подчеркивал в нем два таких аспекта, как договорная теория государства и обоснование антифеодальных политических требований, причем оба эти принципа признавались действенными и для последующего развития правовой мысли. Соотношение взглядов просветителей и практики революции – это для него, да и для многих других юристов, особая тема, требующая специального рассмотрения. Французская революция выступает в их трудах как своеобразный социальный эксперимент, дающий возможность увидеть сильные и слабые стороны важнейших теорий естественного права.

Во-первых, это был тот уникальный случай, когда теоретические положения просветителей стали программой практического преобразования общества на основе свободы, равенства, братства. Во-вторых, возникла ситуация, при которой абстрактные философско-правовые принципы, претендующие на всеобщий характер и неизменность, вступили в противоречие с конкретными и изменчивыми правовыми порядками и учреждениями, исторически обусловленными представлениями людей. В-третьих, в результате этого столкновения возникла новая правовая идеология. "Знаменитые юристы, - писал Градовский, - действовавшие в Учредительном собрании 1789г. и с беспощадною логикою проводившие в новых учреждениях начала суверенитета, государственной централизации и гражданского равенства, были наследниками легистов времен Филиппа Красивого и Филиппа Долгого. Но революционное употребление, сделанное из начал естественного права в XVIII в., обуславливалось несколькими новыми понятиями, введенными в учение об этом праве"¹. В целом он дает высокую оценку Французской революции и подчеркивает ее всемирно-историческое

ловский З.М. Правовое государство: исторический опыт // Государство и право. 1989. № 4.

¹ Цит. по: Медушевский А.Н. Указ. соч. С.101-102

значение. Так, введение конституционных учреждений в странах европейского континента он считал следствием революции. Более того, он отмечал, что это событие не утратило своего влияния на европейские общества вплоть до настоящего времени. "Не только политические, но и религиозные, экономические, общественные понятия и стремления новейшего времени ведут свое начало от переворота, совершившегося в конце XVIII в."¹. Полемизируя с И. Тэнном, Градовский подверг критике его "органическую" теорию революции как результат внутреннего развития французского народа. Со своей стороны, он подчеркнул, что, во-первых, революции предшествовала выработка идей, ставших достоянием всего круга европейских народов, во-вторых, Франция в тот момент не исчерпала этого идейного потенциала полностью и, в-третьих, эти идеи не утратили своего значения для новейшего времени. Для обоснования своих конституционалистских устремлений Градовский обращался к опыту Французской революции.

Его взгляды на протяжении всей жизни претерпевали определенные изменения. В первой половине 60-х годов, исходя из проблемы взаимоотношений России и Польши, он высказывается против так называемой "самобытности": Россия должна воспринять опыт Запада, заимствовать выработанные им формы политической жизни; это выведет ее на путь прогресса. Однако эти западнические воззрения сменяются в дальнейшем рассуждениями славянофильского порядка. В конце 60-х годов он высказывается за предоставление обществу права контроля (поверки) над деятельностью правительства, но уже не считает необходимым введение конституционных форм, парламентаризма. "Право петиций, сходок, адресов, свободы печати – гораздо надежнейшие условия хорошей поверки, чем пресловутые палаты". Это уже звучит прямо как у К. Аксакова: правительству – право действия и закона, народу – право мнения и слова. В 70-х годах происходит возврат к идеям западников и в дальнейшем он остается либералом. В 1873 году он опять высказывается за заимствование западноевропейских политических форм, ибо они, по его мнению, дают "наибольшие гарантии личной и общественной свободы". Будучи сторонником государственной школы, Градовский связывает идею реформ, прогрессивного развития страны с царской властью. В 1878-1880гг. он выступает с рядом статей, в которых утверждает, что преобразования могут исходить исключительно от нее, ибо русский народ верит только этой власти. "Все действующее мимо царя или против него подозрительно в глазах народа, и он всегда будет готов обрушиться на своевольных реформаторов. Таким образом, функции развития, прогресса существенным образом связываются с понятием о царе". Объявляя русский либерализм "одной из достойнейших форм служения России и государю", ибо либералы длительное время,

---

¹ Там же.

начиная с эпохи преобразований, были не оппозиционной, а правительственной партией, Градовский настаивает на упрочении реформ и их осуществлении не только по букве, но и по существу. Он считает, что положительное отношение передовых людей к реформам вызывает у них желание дальнейшего развития реформ. Наконец, уже в период реакции, в 1882-1883 гг., он выступает против публицистов охранительного лагеря, против репрессий.

8. Муромцев Сергей Андреевич

Муромцев Сергей Александрович (1850-1910) – ученый, юрист и политический деятель. С.А. Муромцев родился 23 сентября 1850 года в Санкт-Петербурге в офицерском корпусе гвардейских казарм на Фонтанке. Университетские годы (1867-1870) отмечены увлечением лекционными курсами любимых профессоров, прежде всего С.М. Соловьева. В июне 1871 года решением Совета Московского университета утвержден в звании кандидата “за отличные успехи”, а в начале нового учебного года состоялось решение об аспирантуре, или, как тогда говорили, "оставлении на два года для усовершенствования в науках и приготовлении к профессорскому званию".

Весной 1873 г. С.А. Муромцев выезжает в Германию совершенствоваться, стажироваться в лучших университетах (Лейпциг, Бавария), а затем Ганновер. Здесь он слушал лекции профессора Рудольфа Иеринга. Весной 1874г. С.А. Муромцев возвращается в Москву и уже в октябре с блеском защищает магистерскую диссертацию "О консерватизме в римской юриспруденции". История становления и развития римского права как социального феномена особенно давала возможность на конкретном материале – "малом количестве данных" – наглядно показать само существо права как социального явления. Докторская диссертация "Очерк общей теории гражданского права", которую С.А. Муромцев издал в том же году, была им 3 декабря 1877 года защищена. 22 февраля 1878 года С.А. Муромцев стал ординарным штатным профессором Московского университета. С 1875 по 1884 годы из-под пера С.А. Муромцева выходят шесть монографий: "Консерватизм в римской юриспруденции" (1875), "Очерки общей теории гражданского права" (1877), "Определение и основное разделение права" (1855), "Образование права по учениям немецкой юриспруденции" (1886) и др. В этих книгах, выдвигая плодотворную идею сближения науки права с социологией, С.А. Муромцев выступил как новатор. Он по праву считается одним из основоположников социологического направления в гражданском правоведении.

«В целом теория С.А. Муромцева – поучительный пример» блеска и нищеты позитивистской юриспруденции: ее больших эмпирических возможностей, с одной стороны, и неспособности разработать существенные

и аксиологические аспекты права, выработать критерии и масштабы "правильного" права – с другой¹. Как исследователь, теоретик и политический деятель – председатель первой Государственной думы – С.А. Муромцев – оставил после себя теоретические разработки и опыт, позволяющие считать его одним из основоположников русского конституционного права. Труды Муромцева С.А. в области гражданского права и теории права положили начало социологической школе права в России.

С 1879 по 1892 гг. С.А. Муромцев являлся редактором "Юридического вестника" – ведущего правового журнала страны, где развивались мысли об укреплении самоуправленческих начал в городе и деревне, когда "животворный преобразовательный ток" захватил бы центры государственной жизни, когда "все государство в его целом как известный порядок жизни (...) должно быть облечено в строгие рамки правил"².

Такое широкое понимание права и порядка, которые пропагандировал в своих лекциях и статьях Муромцев, встревожили власти. Он был уволен из университета 24 августа 1881 г. по собственному прошению об отставке. Так прекратилась его научная работа, и в последующие годы он занимался только адвокатской практикой.

С воцарением Николая II С.А. Муромцев возвращается к более активной научно - педагогической деятельности. С 1898 г. он читает лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству в Императорском Александровском лицее. Одновременно он участвует в деятельности Московской Государственной думы, являясь бессменным председателем организационной комиссии по составлению проектов, постановлений Думы. В начале XX столетия снова активно включился в политическую деятельность, сначала среди либеральных земских кругов, затем в качестве одного из руководителей конституционно-демократической партии, был избран председателем I Государственной Думы. За участие в "Выборгском воззвании" был отстранен по "шемякину суду" от активной политической деятельности. В последние годы жизни С.А. Муромцев вернулся к преподавательской и публицистической деятельности. Похороны безвременно скончавшегося С.А. Муромцева 4 октября 1910 года превратились во внушительную политическую манифестацию³.

Прежде чем приступить к обзору философско-правовых взглядов Муромцева приведем небольшое, но ценное замечание, предваряющее третью главу монографии В.Д. Зорькина "Муромцев", которая носит название «Право как порядок общественных отношений». "Новая методология, - пишет автор, - вырабатывавшаяся социологической теорией права (рассмотрение права в контексте других социальных явлений и взаимосвязей,

---

¹ Зорькин В. Д. Муромцев. Из истории политической и правовой мысли. М., 1979. С. 6.

² Цит. по: Смирнов А.Ф. Сергей Александрович Муромцев. Жизнь и творчество // Анатомия истории. История русской правовой мысли. С. 170.

³ О нем см.: Зорькин В.Д. Муромцев. Из истории политической и правовой мысли. М., 1979.

функциональное изучение права и т.д.), вела к пересмотру самого понятия права. Исследование становления правовых систем показало, что юридические нормы прежде, чем достигнуть высокой степени устойчивости и абстрактности, проходят через стадии казуистического права, т.е. генетически правовые отношения предшествуют норме, как она формируется в развитии правосознания законодателя. Отсюда социологи сделали существенный крен в сторону правоотношения как важнейшего элемента права, элемента забытого и низведенного в глухую провинцию юридическим, формально - догматическим позитивизмом. Обращение к генезису и функциям права способствовало пересмотру соотношения "объективного" и "субъективного" права, нормы и правоотношения"¹.

Подобно тому, как К. Маркс в своей работе "Капитал" выстраивает все теоретическое здание капиталистического общества с изучения простейшего "кирпичика" – товара, так и Муромцев выработку понятия права начинает не с нормы и правила, а с составляющей их основы - простейшей социальной ячейки – общественного отношения. Предметом исследования социальных наук являются социальные отношения, отмечает он. Правовые же отношения, входящие в систему социальных отношений, должны быть предметом правоведения, а их совокупность представляют правовые порядки, которые существовали и существуют в действительности. Путь к пониманию правообразования и права определялся теорией общества, формирующего право. Муромцев как социолог права свел обусловленность права общественными отношениями.

Для поддержания жизнедеятельности всех вместе и каждого люди объединяются в общественные союзы – "малые и обширные, кратковременные и продолжительные", в которых устанавливается громадное число отношений. Тем самым образуются различные социальные группы: кружок, товарищество, семья, община, сословие, общественный круг, партия, государство².

Защита господствующих в обществе отношений от нарушений со стороны внешних и внутренних врагов осуществляется, по мнению С.А. Муромцева, двумя способами – неорганизованно и организовано: "Организованная защита осуществляется определенным заранее порядком и, обыкновенно, при содействии особых, установленных для того органов. Напротив, неорганизованная защита происходит в формах, неопределенных заранее. При неорганизованной защите форма определяется в каждом отдельном случае, смотря по обстоятельствам"³.

Способ, размеры, орудие неорганизованной защиты определяются в каждом конкретном случае, положением дела и настроением умов в дан-

---

¹ Там же. С.42 – 43.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // История русской правовой мысли. С. 174.

³ Там же. С. 175.

ную минуту (порицание нарушителя, негодование им, насильственные действия против нарушителя, кровная месть, ostracism и т.д.). “Когда расправа всем обществом облекается в точные формы, выработанные обыкновенно путем обычая; когда самоуправство отдельных лиц предстает в творческой форме либо, как в современном быту, получает точное определение относительно случаев и пределов своего применения; когда требование истца о явке ответчика в суд и требование кредитора об уплате должником его долга сопровождаются содействием определенного числа свидетелей (testes), заранее назначенных служить органом понуждения; когда, наконец, защитником отношений является суд или другие многочисленные органы государственной власти; тогда, во всех этих случаях, мы встречаемся с организованной формой защиты”¹. “Организованную форму защиты, - говорит здесь же С.А. Муромцев, - мы называем формой юридической, или правовой”.

Общественное отношение, на которое распространяется организованная защита, по мнению С.А. Муромцева, образуется из двух отношений: отношения фактического и отношения защиты. Первое он предлагает назвать "правовым", а второе – "юридическим". Он отмечает, что представляет интерес "рассматривать совокупность и данного правового отношения и сопровождающих его юридических отношений, как одно целое", и в этом качестве составляют право как таковое, т.е. право в субъективном смысле².

Например, юридическая защита собственности содействовала образованию фактических отношений собственности, которые таким образом оказывались защищенными уже с самого момента их образования. В действительности эти два момента права составляют единое целое. Без юридической защиты нет права. Правом признается лишь то, что сопровождается юридической защитой. "Юридическая (организованная) защита составляет основное отличительное свойство права, своим существованием обуславливающее и вызывающее другие характерные свойства его". Но и юридическая защита как таковая, сама по себе, без фактического отношения еще не составляет права. Эти две стороны – "правовое" отношение и "юридическое" отношение – составляют, по определению С.А. Муромцева, непосредственное содержание и существенные признаки права.

Наука права интересуется, по мнению социального философа права, главным образом не отдельными правами (в смысле отношений), но совокупностями многих однородных прав. Такую совокупность, отмечает он, называют правовым институтом. Наука исследует в основном институты, но не отношения³.

---

¹ Там же.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 180.

³ Там же С. 193.

Правовые отношения, по мнению С.А. Муромцева, существуют не разрозненно, но группируются в определенную совокупность, единство, систему. "Вся совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе, образует правовой порядок (право в собирательном смысле)"¹. В составе развитого правопорядка С.А. Муромцев выделяет два элемента: правовые институты, которые определяют характер всего правопорядка в целом, и более или менее разрозненные и немногочисленные отношения, еще не сложившиеся в институты и представляющие собой зарождающиеся, вырождающиеся или случайно образовавшиеся и кратковременные части правопорядка.

Итак, исходя из единства фактического и защищающего отношений, С.А. Муромцев определяет право как порядок отношений, защищенных организованным (юридическим) способом². Так как и одно и то же фактическое отношение может быть предметом не только юридической, но также и других санкций (моральной и т.д.) и влияний, то правовой порядок "не существует отдельно как конкретное целое, но составляет элемент одного общественного порядка, произведенный юридической защитой. Тем самым С.А. Муромцев возвращается к своему исходному методологическому тезису. Право не может изучаться как замкнутая в себе, оторванная от социальных отношений формализованная структура абстрактных приказов законодателя. По его мнению, правоведение должно быть отделом социологии, который посвящен изучению юридической ("организованной") защиты как одной из важнейших функций социального организма. "Предмет правоведения – юридическая защита отношений".

Теория С.А. Муромцева направлена против юридического позитивизма, который с формально-догматических позиций отождествлял право с юридической нормой, а последнюю свел к приказу, к нормативному суждению законодателя, игнорировал объективную обусловленность права, его нетождественность закону, несводимость к произволу государственных властей и его относительную самостоятельность по отношению к государству³.

На эмпирико-социологическом, функционально-операционалистском уровне понятие права как правопорядка, как порядка социальных отношений, предложенное С.А. Муромцевым, верно выражает один из аспектов, одну из "граней" права. "Право, - отмечает ведущий специалист в области философии права Ю.В. Тихонравов, - есть система регулирования поведения людей в обществе посредством норм, устанавливаемых теми или иными организациями, при условии, что исполнение этих норм обеспечивается санкциями, осуществляемыми теми или иными организациями в меру их

---

¹ Там же.

² Там же. С. 192.

³ Подробно см.: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.

реальной власти"¹. Право как сложная нормативная регуляция в обществе, обеспечиваемая политическим принуждением, не сводится только к норме, а включает в себя также правоотношения и, следовательно, предстает в виде живого конкретного правопорядка, в котором воплощается диалектическая взаимосвязь общего (нормы) и отдельного, единичного (правоотношения). Не раскрывая глубинную сущность права (как возведенной в закон воли властных структур), определение права как правопорядка, предложенное С.А. Муромцевым, все же фиксирует внимание на важном "срезе", признаке права, позволяющем обосновать конкретно-социологические исследования юридической жизни.

Критикуя формально-догматический подход к праву, С.А. Муромцев показал, что исследование нормы права в действии, в контексте социальной жизни может вскрыть реальную картину функционирования права. Юридические нормы – это "правила, которые, определяя должные пределы и способ юридической защиты отношений, предписываются властью, регулирующей правовой быт народа: так называемым сознанием общества (обычное право), законодателем (закон), юристами (право юристов)". Юридические нормы составляют "могущественный фактор правового порядка и притом фактор непосредственный", потому что они "направляют в значительной степени действия тех органов и лиц, которые держат в своих руках юридическую защиту отношений: административных властей, суда, частных лиц (субъектов гражданских прав)"². Направляющее значение юридических норм, их непосредственное влияние на правопорядок, констатирует С.А. Муромцев, обусловлено значительной силой той власти, которая формулирует нормы. Но эта сила никогда не бывает абсолютной. Она, по мнению С.А. Муромцева, есть лишь один из факторов образования и развития правопорядка наряду со многими другими факторами. "Она действует рядом и совместно с другими силами, которые также оказывают влияние на образование правового порядка и могут расходиться с ней в своем направлении"³. К таким непосредственным факторам правопорядка С.А. Муромцев относит: "юридическое настроение" лиц и органов, через деятельность которых юридическая норма должна осуществляться; внешние условия, среду, в которой действует юридическая норма; способность данного отношения поддаваться именно юридическому регулированию.

Эти факторы, пишет С.А. Муромцев, могут действовать вразрез с юридической нормой и совершенно парализовать ее применение. Так, принятая норма может оказаться бездействующей оттого, что встречает решительное и упорное сопротивление или нерасположение к ней со стороны общества или органов власти, или когда она должна применяться среди неблагоприятных внешних обстоятельств (например, на территории

---

¹ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 61.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 194.

³ Там же.

слишком обширной и малонаселенной, так что становится невозможным успешный юридический контроль). Некоторые отношения в определенных условиях оказываются неспособными стать предметом юридической защиты вследствие своего положения среди прочих отношений. С.А. Муромцев ссылается на бессилие юридических норм, направленных против ростовщичества, разврата и т.п., при “известном экономическом и нравственном состоянии общества”. Несоответствие нормы реальной практике выступает и тогда, когда в условиях разделения властей суд “из соображения справедливости” уклоняется от существующих норм, но, не имея власти на их изменение, прибегает для осуществления своих стремлений к скрытым средствам в обход закона. Таким образом, делает вывод Муромцев, “не всегда законодателю достаточно сказать, что то-то должно быть так-то, для того, чтобы такой порядок проявился в самом деле”¹. То или другое предписание может продолжаться выдаваться за юридическую норму, тогда как на практике оно полностью или частично не выполняется, т.е. юридическая практика не защищает того порядка вещей, который предписан нормой. С этой точки зрения, полагает С.А. Муромцев, необходимо различать нормы “действующие” и “мертвые”². В этой связи Муромцев формулирует положение, имеющее важное методологическое значение, как для теории, так и для истории права. Ни теория, ни история права не должны подменяться описанием текстов законов. Социологическая история права признана показывать возникновение и развитие права в его конкретной действительности. Поэтому важно найти пути и способы для различения “мертвых” и действующих норм. Задача исторической критики состоит в том, чтобы выяснить, насколько данное постановление обычного права, закона или авторитетных юристов применялось на практике. Необходимость разграничения действующих и “мертвых”, фиктивных законов и предписаний не вызывает сомнений. В настоящее время – это тривиальное положение любой теории, которая стремится исследовать реальное функционирование права и тем более адекватно отразить правовую действительность. Для 70-х годов XIX века это был значительный шаг вперед по сравнению с юридическим позитивизмом, с формально-догматической юриспруденцией.

Но дело в том, что из данного положения буржуазная социологическая юриспруденция сделала неправильный вывод. Во-первых, закон был противопоставлен правопорядку, во-вторых, фактическому правопорядку была противопоставлена и юридическая норма как таковая. Несмотря на признание важности юридических норм, С.А. Муромцев исключает их из понятия права, относит их лишь к “одному из факторов” права (правопорядка), считает их только “некоторым атрибутом порядка”. Поэтому Муромцев отвергает понятие права (право в “объективном смысле”) как сово-

---

¹ Там же.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 197.

купности юридических норм. “Право в субъективном смысле или, вернее, единичном смысле есть право в смысле отношения; его определение поставлено нами на первый план. Под правом в объективном (собирательном) смысле понимают совокупность юридических норм. Мы должны были отодвинуть юридические нормы на второй план, поставив на их место правовой порядок. Юридические нормы должно считать лишь некоторым атрибутом правового порядка, говоря точнее, фактором в процессе его исторического образования. Под правом же в собирательном смысле надо разуметь правовой порядок”.

Отечественная правовая мысль XIX – начала XX вв. характеризуется многоаспектным подходом к праву, несколькими течениями. Предложенная С.А. Муромцевым социологическая концепция права занимает, несомненно, достойное место в этой системе и получила в свое время большой научный резонанс.

9. Ковалевский Максим Максимович

Значительное место в дореволюционной социально-правовой мысли принадлежит М.М. Ковалевскому (1851-1916) – правоведа, социологу, историку, этнографу. Он был крупнейшим исследователем в истории России. Блестяще окончил юридический факультет Харьковского университета. Свободно владел европейскими языками и публиковался. Читал лекции в западноевропейских университетах и США. Правительством Англии М.М. Ковалевский был приглашен в качестве третейского судьи для разрешения споров в ее отношениях с Америкой. В 1899 году – член-корреспондент, а с 1914 года академик Российской академии наук. В 1906 году основал Партию демократических реформ в России, депутат Государственной Думы, член Государственного совета. Он в образной оценке современников выступал как историк в социологии и социолог в истории.

Вместе с Г.Н. Вырубовым и Е.В. Де Роберти являлся одним из первых проводников социологического позитивизма в России. В своих исследованиях он удачно сочетал сравнительную историю и этнографический материал. В своих изысканиях ученый старался перепроверять полученные данные, учитывать их функциональную согласованность, как между собой, так и во взаимосвязи с целым и с большой осторожностью выводил обобщения¹. В отличие от своих соотечественников он стремился быть в своих исследованиях политически беспристрастным. Пристрастное отношение к выводам составляло, по его мнению, едва ли не самую опаснейшую болезнь наук, изучающих общество, противопоставляя субъективизму сравнительно-исторический метод. Н.С. Тимашев, характеризуя его научное наследие, особо выделил то обстоятельство, что он «полностью разорвал с

---

¹ История теоретической социологии. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. В 4-х т. Т.1. М., 1997. С.430.

русской традицией и построил свою социологическую систему не на политических соображениях, а на тщательном изучении истории социальных, политических, правовых и экономических институтов»¹.

В теоретической конструкции видного ученого и общественного деятеля М.М. Ковалевского первоначально разрабатываемая теория социальных факторов постепенно оформляется в теорию функциональной связи общественных явлений. В частности, в ранних работах он полагал, что необходимо выявлять причины «покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой»².

В его более поздних трудах акцентируется внимание на целесообразности анализа проблем организации и эволюции обществ³. Он был уверен в том, что общественный прогресс и развитие социальных институтов приведут к постепенному углублению сферы солидарности во взаимодействии между народами, социальными группами и т.д. Тем не менее, ученый полагал, что эволюция не всегда является движением вперед и не каждая социальная организация может быть признана порядком.

Его взгляды в методологическом плане имеют плюралистический характер. В работах ученого проявляется материалистический подход в понимании исторического процесса. По словам Г.В. Плеханова ученый явно стремится «искать в способах производства и состоянии производительных сил объяснение истории права и всего общественного устройства»⁴. С другой – в объяснении общественной необходимости М.М. Ковалевский исходил только из факторного социального взаимодействия, а не из обусловленности закономерных, причинно-следственных связей.

В оценке видного современного российского правоведа В.Д. Зорькина основу теоретической концепции М.М. Ковалевского возникновения права, политической власти, государства составляют свойства человеческой психики, природное неравенство людей по уму, силе, находчивости и т.п., разделение на предприимчивых и безынициативных людей. Это являлось, по мнению современного отечественного правоведа, логическим выражением поворота от натурализма к психологизму⁵.

Основу научных взглядов составляла идея многофакторности в исследовании социальных процессов, которая была выражена М.М.

---

¹ Timasheff N.S. The Sociological theory of Maksim M.Kovalevsky // An introduction to the history of sociology / Ed. By N.E.Barnes. Chicago (Ill). 1950. Ch.23. P.442.

² Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. СПб., 1910. С.9.

³ Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. СПб., 1910. С.58-59.

⁴ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. М., 1956. С.633.

⁵ Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С.127.

Ковалевским следующим образом: «Следует говорить не об одностороннем влиянии, а о воздействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь, и не о руководящих факторах – экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д., а о стоящих в тесном общении фактах или явлениях общезжития»¹. Объясняя свою концепцию, он подчеркивал: «В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый так или иначе связан с массой остальных, или обуславливается и их обуславливает»².

Придерживаясь установки позитивизма на выявление всеобщих связей, в анализе становления института права и государства он не выделяет экономические факторы в качестве доминантных, а рассматривает их во взаимосвязи с другими закономерностями. Случайный характер экономических взаимосвязей, по его мнению, может проигрывать общим по природе общественным закономерностям, построенным на принципах социальной солидарности, равенства и свободы³.

Эволюция основных социальных институтов - право, власти, государства, семьи и т.д. М.М. Ковалевский объяснялась с точки зрения действия биосоциальных и психологических факторов. В частности, анализируя генезис социальных и политических институтов, он призывал искать факторы, проявляющиеся в различных сферах общественной практики, даже в «росте народной психологии по мере накопления знаний и перехода от мистических представлений к позитивному мышлению, благоприятному развитию начала самодеятельности в ущерб началу авторитета и традиции»⁴.

Будучи противником теории классовой борьбы, он отстаивал теорию солидарности. В его представлении классовая борьба только препятствует поступательному развитию исторического процесса. Для него примирение, гармония и солидарность являются двигателем прогресса, так как «при нормальном течении общественной жизни, по его словам, столкновение интересов избегается соглашением, договором, при котором руководящим началом всегда является идея солидарности всех граждан одного государства»⁵.

Российский ученый был уверен, что общественный прогресс, развитие социальных институтов приведут к постепенному углублению сферы солидарности во взаимодействии между народами, социальными группами и т.д.

В отличие от своих современников, которые акцентировали свое внимание на общих тенденциях социальной эволюции, он стремился ана-

---

¹ Ковалевский М.М. Социология. Т.1. СПб., 1910. С.15.

² Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1905. Р. VIII.

³ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т.2. С.210.

⁴ Ковалевский М.М. Современные социологи. С.78.

⁵ Ковалевский М.М. Н.К.Михайловский как социолог // Вестник Европы. 1913. № 1.

лизировать конкретные этапы развития экономической, политической, правовой и иных сфер общества. Так, в его работах, получивших высокую оценку ученых западноевропейских стран, были исследованы процессы становления и оформления правовых, судебных и административных институтов Англии и Франции рубежа позднего средневековья и Нового времени¹.

Своими исследованиями М.М. Ковалевский поставил под сомнение достоверность господствовавшие в то время представления о частной собственности, которая появилась якобы раньше общинного землевладения. Его идею восприняли Г. Спенсер, Ф. Энгельс, А. Фулье и другие видные ученые. Помимо теоретических изысканий, он большое внимание уделял эмпирическим исследованиям. В частности, в 1880-е годы на протяжении нескольких лет он провел личные полевые исследования «правовых обычаев», неписаного обычного права народов Кавказа.

Как сторонник позитивизма М.М. Ковалевский отстаивал мысль о том, что «поступательный рост положительного права» обуславливается ростом гражданственности. В полной мере раскрыть реальную картину формирования гражданских отношений, в его представлении, способна только социология. В частности, именно социальная динамика, по его убеждению, «одна может служить критерием действующего права. Отрешаясь от временных и местных воздействий, задерживающих или ускоряющих ход развития, социальная динамика дает нам только общую формулу прогресса, т.е. раскрывает законы, управляющие ростом человеческой солидарности»².

Придерживаясь идеи прогресса, исследователь полагал, что право должно развиваться в общепринятом для всех народов направлении. Не случайно, исследуя обычное право народов Кавказа, он отдавал предпочтение шариату, а не адатам, мотивируя свою позицию тем, что мусульманское право, ограничивая кровную месть и предоставляя женщинам больше прав, в большей степени соответствует европейским правовым идеям³.

Преемственность и взаимозависимость, как в общественном развитии, так и в области права, по его мнению, проходят красной нитью во всей истории человечества. «Государственные порядки вместо того, чтобы быть предметом свободного выбора, оказываются обусловленными всем предшествующим ходом общественного развития, в свою очередь стояще-

---

¹ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. 1-4. М., 1895-1897; Он же. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.1-3. М., 1898-1903.

² Ковалевский М.М. Социология и право // Ковалевский М.М. Сочинения. В 2-х т. Т.1. М., 1997. С.87.

³ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2-х т. СПб., 1886. С.282.

го в тесной связи с ростом знаний, техники и происходящими отсюда переменами в народном хозяйстве»¹.

Важную роль в дореволюционном правоведении играл исторический метод, развивавшийся усилиями М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова и других ученых². Г.Ф. Шершеневич также указывал на значимость исторического метода³. В совокупности приемов исторического метода М.М. Ковалевский выделял «переживание», т.е. выявление сохранившихся в более позднем государстве и праве остатков предшествовавших институтов. Он подчеркивал применимость данного приема в отношении древнейших периодов в развитии человеческой цивилизации. Данный метод позволял определить заимствование или же выявить национальный характер происхождения конкретного института. Российский ученый подчеркивал: «Только при условии проверки гипотетических выводов, полученных путем изучения переживаний, на данной истории права – является возможность категорического ответа на вопрос: принадлежат или нет открываемые исследователем аномальности в действующем праве к обломкам юридического прошлого»⁴.

Следует отметить одно обстоятельство, а именно: современные исследователи в области анализа генезиса дореволюционной правовой мысли зачастую объединяют исторический и сравнительный методы в единый историко-сравнительный метод⁵, что в принципе не совсем верно.

М.М. Ковалевский, развивая исторический метод и подчеркивая справедливость высказывания Ницше о том, что пока «правоведение не станет на новую почву, почву сравнительно-исторического изучения, ему не покончить с бесплодными столкновениями между абстрактными системами», указывал на значимость данного метода в исследовании проблем правоведения.

В области изучения правовой действительности, по его мнению «только при помощи истории можно ответить на вопрос, в какой мере дан-

---

¹ Там же. С.79.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2. М., 1890; Он же. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880; Виноградов П. История правоведения. М., 1908; Богишич В. О научной разработке славянского права: Вступительное чтение в «Историю славянских законодательств» в Новороссийском университете в Одессе 3 марта 1870 года // Заря. 1870. Июнь; Ворошилов О современном историческом изучении права: Вступительная лекция по предмету всеобщей истории права // Вестн. Демидовск. юрид. Лицея. 1872. Кн.3.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С.27, 31-32.

⁴ Ковалевский М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам / Под ред. Ю.С. Гамбарова. Вып.1. СПб., 1899. С.23.

⁵ См.: Комнатная Ю.А. Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского. Автореф. дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2002. С.15-17.

ное право является продуктом предшествующего наслоения юридических норм, и что в нем продолжает стоять в противоречии с намеченными жизнью решениями». Поэтому, по его словам «без истории нельзя указать ни органического характера законодательства, ни скрывающихся в нем несовершенств, источник которых всецело лежит в том, что жизнь обогнала юридическое творчество».¹ Так, при объяснении наличия элементов немецкого городского права, известного как Саксонского Зеркала, применение сравнительно-исторического метода позволило ему изучить комплекс причин обусловивших влияние иноземного права на уклад жизни народов Малороссии.

Сравнительному методу в истории права он посвятил специальное исследование². Для него было особенно важным выяснение причины постепенной замены одних форм человеческого общежития и норм права другими, выявляя причины отклонений от общей тенденции общественного развития. Использование сравнительного метода было возможным только «после предварительного решения, каков этот» нормальный ход развития³.

По его мнению «сравнивание только тогда может быть плодотворно, если взяты будут законодательства двух или более народов, стадия которых тождественна»⁴. Он увязывал плодотворность сравнительного метода анализа законодательства разных народов с нахождением народов на одинаковых стадиях. «Можно, поэтому сопоставлять родовые порядки кельтов, германцев или славян с римскими или греческими, хотя по хронологии эти народности отстоят друг от друга на целые столетия и даже тысячелетия ..., но бесполезно сопоставлять Русскую Империю с Империей Карла Великого или Священной Римской Империей и классовые деления современных народностей Европы со средневековыми сословиями и «религиозными кастами древности»⁵.

В своей работе, различая сопоставление и сравнение, он указывал на следующее обстоятельство: «Сопоставлять законодательство нескольких народов по тому или другому вопросу, конечно, может быть очень интересно; но делать на основании этого сопоставления вывод, что одно абсолютно хорошо, а другое абсолютно дурно; что одно, поэтому должно быть всюду введено, а другое отовсюду вытеснено – значит не больше, не меньше, как наглядно доказывать полнейшую неспособность видеть причинную связь между законом известного народа и суммой тех общественных явлений, при которых оно развилось»⁶.

---

¹ Ковалевский М.М. Социология и право. С.83.

² См.: Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880.

³ Там же. С.20.

⁴ Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение. С.10.

⁵ Там же. С.23.

⁶ Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции. С.9.

Согласно методологии сравнительной истории государства и права социальный прогресс обусловлен не только соответствием всех элементов, обеспечивающих внутренний порядок, но и последовательной сменой, по его словам «известных общественных и политических состояний в связи с развитием знания, с ростом населения, с изменениями, происходящими в производстве, обмене и т.д.»¹.

Он настаивал на том, что сравнительная история права и учреждений должна «оперировать впредь лишь с фактами, прочно установленными и изучаемыми в тесной связи со всем прошедшим и всем настоящим тех народов, у которых они встречаются»².

Среди приемов исторического метода М.М. Ковалевский выделял «переживание», посредством которого выявлялись сохранившиеся остатки предшествовавших правовых институтов, и определялась их национальная принадлежность либо заимствование. При применении данного метода он считал необходимым учитывать следующее: «Только при условии проверки гипотетических выводов, полученных путем изучения переживаний, на данных истории права – является возможность категорического ответа на вопрос: принадлежат или нет открываемые исследователем аномальности в действующем праве к обломкам юридического прошлого»³.

В полемике с Г. Тардом о соотношении подражания и приспособления в объяснении причин социального развития, М.М. Ковалевский отстаивает мысль о том, что помимо области науки и техники, где «народы действительно подражают друг другу... во всем остальном они, худо ли, хорошо ли, только приспособливают свои собственные порядки и учреждения к новым требованиям, которые временами, если не постоянно, возникают в их собственной среде. Они приспособливают их, видоизменяя». «Было бы слишком долго доказывать, - пишет он, - что в распространении римского права в эпоху Возрождения, так же как и представительного режима, с конца XVIII столетия, нужно видеть скорее приспособление, чем подражание. Европа в XVI веке только что вступила в тот период своего экономического развития, который известен под именем капиталистического или менового хозяйства. Такой порядок предполагает свободу договоров, а ни одна юридическая система не отвечала этому требованию в XVI в. больше, чем римское право. И потому-то Дигесты, открытые целыми веками раньше, становятся общим правом в Германии с XVI столетия. Но при применении этого чужеземного законодательства все-таки были

---

¹ Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. СПб., 1910. С.58-59.

² Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. С.104.

³ Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение. С.23.

удержаны многие положения местного обычного права, касающиеся преимущественно земельных порядков»¹.

М.М. Ковалевский при анализе правовых явлений предложил применять следующий подход: при наличии определенной группы правовых институтов, о существовании которых известно, должен существовать и институт, который не упоминается в источниках. В его описании данный прием «состоит в изучении всей суммы юридических отношений данного народа за известный период его истории – с тем, чтобы на основании этого заключить, в частности, и к однородному характеру не упоминаемого в памятниках института»².

Тождественность правовых институтов разных народов, по его мнению, «имеет источником всего чаще общность их культурных условий, прохождение ими одинаковых стадий развития солидарности; оно может быть результатом унаследования сходных учреждений от общего предка, и плодом прямого заимствования»³. В его представлении одинаковость уровня гражданственности, заимствование норм и учреждений обуславливают тождественные юридические институты и способны вызвать у разных народов на расстоянии нескольких столетий однохарактерные юридические порядки»⁴.

Отстаивая мысль о заимствовании, как фактора прогресса, он подчеркивает: «когда нам говорят о том, что те или другие порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, национальные, истинно русские, мы вправе ответить, что утверждать подобное – значит, идти против уроков мировой истории, знакомящей нас с *мировым процессом подражания*»⁵. Это высказывание в полной мере применимо и к области юриспруденции.

Посредством приспособления к обстоятельствам, совокупности последовательных подражаний и т.д. происходит смена обычаев и реформа действующего права⁶. Он настаивал на следующем утверждении: «На любом юридическом институте можно проследить одновременную роль открытия, приспособления и подражания»⁷.

В традициях дореволюционной исторической школы было принято увязывать зависимость права от социально-экономических условий развития общества. В частности, П.Г. Виноградов (1854-1925) отмечал следующее: «право развивается в тесной зависимости от исторических и особенно

---

¹ Ковалевский М.М. Социология и право//Ковалевский М.М. Сочинения. В 2-х т. Т.1. М., 1997. С.51-52.

² Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение. С.23.

³ Ковалевский М.М. Социология и право. С.97.

⁴ Там же. С.90.

⁵ Ковалевский М.М. Социология и конкретные науки об обществе. С.68.

⁶ Ковалевский М.М. Социология и право. С.86.

⁷ Там же. С.87.

материальных условий, среди которых оно действует»¹. Согласно его позиции право, представляя собой как элемент и явление социального бытия, так и часть социального опыта, осуществляет такие же важные функции, как государственное устройство и разделение властей в государстве. Свой метод изучения права П.Г. Виноградов назвал синтетическим, противопоставляя его аналитическому методу Дж. Остина².

Условием заимствования одними народами юридических порядков других, по мнению М.М. Ковалевского, выступает необходимость наличия некоторой однородности экономического уклада жизни. Даже варвары, живущие по его словам «в условиях натурального самодовлеющего хозяйства» не станут руководствоваться в своей жизни правопорядком, характерным для народа, живущего в условиях развитого денежного хозяйства.³ Положение о внутреннем соответствии всех элементов общественного порядка он конкретизировал следующей фразой: «право, на определенной стадии его развития, отвечает известному экономическому укладу».⁴

В качестве достижений сравнительного метода необходимо назвать выделение материального коррелята права, сводимого к отношениям собственности. Применительно данного аспекта М.М. Ковалевский писал: «Сравнительная история права считает в числе своих основных выводов то положение, что развитию частной собственности предшествовал период широкого господства совместного владения в руках лиц, связанных между собою единством крови ... даже такие предметы, как пища или одежда, могли быть объектом общего обладания сожительствующих малых семей»⁵.

Являясь решительным противником концепции естественного права, он весьма скептически отзывается об абсолютной справедливости естественных прав, замечая, что первоначально доминировало не право, а бесправие, когда жертвовали ближним в интересах самосохранения.⁶ Выступая как против сторонников естественного права, которые отстаивали мысль о прирожденности человека и неизменности его чувств справедливости, так и представителей исторической школы, выводивших право из обычая, а последний непосредственно из народного юридического сознания, он скептически замечал: «Если право зарождается вместе с первыми общественными союзами и отвечает одному с ними запросу на солидарность сперва тесных, затем все более и более широких групп, то о прирожденности известных юридических идей и представлений можно говорить

---

¹ Виноградов П. История правоведения. М., 1908. С. 219.

² Там же. С.198.

³ Ковалевский М.М. Социология и конкретные науки об обществе. С.64.

⁴ Там же. С.80.

⁵ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. С.105.

⁶ Ковалевский М.М. Социология и право. С.83.

только в том смысле, что они унаследованы от предков, а отнюдь не в том, что они насаждены в нас природой»¹.

По его убеждению солидарность, или сознание общности интересов и взаимной зависимости людей друг от друга способствует возникновению права, которое первоначально мало, чем отличалось от нравственности и имело подобно ей религиозную окраску². С общественным прогрессом эволюция союзов (социальных общностей) способствует расширению сферы солидарности. Данное положение он обосновывает следующим образом: «под влиянием универсалистских религий и международного торгового обмена, сфера солидарности, - пишет М.М. Ковалевский, - начинает обнимать собою ряд народов и государств, мниморожденные нам понятия о праве и справедливости меняются так радикально, что взамен прежнего воззрения на чужеземца, как на врага, против которого все дозволено, постепенно развивается понятие о поставленном под защиту собственного очага и потому неприкосновенном госте, о брате-единоверце, тронуть которого не позволяет воля Божья и голос совести».³

В его представлении социальные условия «все то, из чего, заодно с правом слагается в каждый данный момент социальный уклад народа, его экономика и политика, религия и нравственность, наука и искусство...так или иначе участвуют в росте солидарности» и только их взаимодействием можно объяснить эволюцию социальных отношений.⁴ По мере расширяющейся солидарности осознание «родового единства, патриотизм, космополитизм – таковы последовательные стадии в развитии того чувства солидарности, окончательное упрочение которого в такой же мере обусловит собою в будущем радикальную перемену в наших современных понятиях о неотъемлемых правах личности, в какой самое его появление вызвало зарождение идеи права вообще».⁵

По убеждению ученого при исследовании проблем оформления и развития правовых норм роль и значение социологической теории заключалось, что историко-сравнительная юриспруденция была «вправе ждать руководящей нити при установлении различных стадий развития права» от социологии.

Динамика развития правовой нормы согласуется с достигнутым уровнем солидарности между людьми. Право, согласно его представлению, «изменяется вместе с расширением ее основ, вызывая, прежде всего в отдельных выдающихся личностях неудовлетворенность существующими нормами и новые запросы, которые сила подражания обращает сперва в

---

¹Там же. С.84.

²Там же.

³ Ковалевский М.М. Социология и право. С.84.

⁴Там же. С.86.

⁵Там же. С.84-85.

требования общественного мнения, в юридическое сознание масс, а затем в обычай или закон».¹

Значительное место в его творчестве занимает проблема генезиса политико-правовых институтов. Отмечая, в частности, что проблема государства принадлежит к числу наиболее спорных², он подробно рассмотрел господствовавшие в науке различные точки зрения и сформулировал ряд важнейших выводов. В качестве первого постулата он отметил более или менее полный разрыв с богословием и метафизикой. Основанием второй посылки стало признание научной общественностью государственоведения как более широкой науки об обществе. Последний утверждал необходимость применения в качестве самостоятельного метода научного поиска сравнительно-исторический метод³.

Для него наиболее привлекательной и научно обоснованной представлялась теория исторического происхождения государства. Он не признавал изначального существования государства, которое возникает только на определенной стадии общественного развития – при разложении родового строя. Уже тогда, по его мнению, когда орда охотников или кочевников-пастухов, побуждаемая нехваткой дичи или скудностью пастбищ, повинувшись «одаренному инициативой вождю», насильно захватывает земли другой орды, начинает оформляться государственность. Зародыш государства растет по мере добровольного подчинения напуганных соседей или насильственного присоединения раздробленных орд и племен⁴. Формы государственности обуславливаются всем предшествующим ходом общественного развития.

Составными элементами государства являются территория, население и власть⁵. Политическую историю человечества он разделяет на родовую, государственную и мировую «стадии общественности»⁶. Он рассматривал политический прогресс не в качестве смены политических форм, а как рост обществ и их объединении, укрепления солидарности между ними. Политический прогресс может осуществляться в любой форме, при условии роста самодеятельности народа и автономии личности.

В его представлении прогресс государственности не происходит однолинейно. Один государственный строй может благоприятствовать развитию самоуправления, другой создает начала для развития равенства всех перед законом, третий сочетает политическую свободу и равноправие граждан. Подобно тому, как новые экономические и политические порядки

---

¹ Там же. С.88

² Ковалевский М.М. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С.3.

³ Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение. С.9.

⁴ Он же. Социология и сравнительная история права. СПб., 1905. С.38.

⁵ Он же. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 114-115.

⁶ Он же. Сравнительно-историческое правоведение. С.10.

существовали еще в древности, так и республиканские государства присутствуют на разных этапах развития истории¹.

В его понимании политический прогресс может осуществляться в любой форме государства, лишь бы росла самодеятельность народа и автономия личности. Он считал, что «не в наличности или отсутствии правящей династии надо видеть ближайшее различие политической организации народа, а в большей или меньшей автономии личности, с одной стороны, и большем или меньшем участии всего гражданства в руководстве политической жизнью страны, с другой»². В сфере политических и общественных учреждений «прогресс сказывается в двустороннем порядке - замене гражданского неравенства равенством всех перед законом, судом, налогом, государственной службой и т.д., и т.д., а во-вторых, в процессе замены внешнего руководства, правительственной опеки – как личной самодеятельностью, так и самодеятельностью общественной»³.

Следует отметить, что генезис политических союзов и форм организации власти исследователь увязывал с социальной эволюцией общественного устройства. Он стремился увязать формы правления (органы власти) с формой представительства (выражения общественных интересов). Анализируя афинскую демократию, он отмечал ее прямой, ограниченный характер. Представительность было невозможно обеспечить только потому, что в условиях классово разделенного общества ограничивалось число граждан наделенных властью.

Политико-правовое устройство раннего средневековья явилось продуктом взаимодействия римских правовых порядков и административных традиций с обычаями и традициями древне-германских племен. В характеристике феодальной системы М.М. Ковалевский выделил соединение в одних руках политическую власть и землевладение сверху донизу.

В объяснении особенностей проявления форм власти М.М. Ковалевский обращался к психологическим факторам. Например, анализируя формы властвования первобытных людей, он увязывал природу власти с психическими поклонениями тому, что помогает удовлетворению их жизненных потребностей. Родовая власть представляла собой единственное средство защиты от произвола и насилия. В обществе совершенно естественным было «желание не отделяться от своих близких, жить с ними общей жизнью и общими усилиями отвращать общих врагов»⁴.

Российский исследователь увязывал возникновение правовой нормы с условиями борьбы за выживание, из потребности объединения людей себе подобными. Право возникает в соответствии с интересами обществен-

---

¹ Он же. Прогресс// Вестник Европы. 1912. №2. С.233-235.

² Ковалевский М.М. Прогресс. С.233-237.

³ Он же. Сочинения. Т.1. СПб., 1910. С.58.

⁴ Он же. Закон и обычай на Кавказе. Т.1. М., 1890. С.38.

ной солидарности и независимости от государства. Рост солидаризма людей он увязывал с всемирным объединением социумов. С преодолением первобытных состояний, «когда под влиянием универсалистских религий и международного торгового обмена сфера солидарности начинает обнимать собою ряд народов и государств, мниморожденные там понятия о праве и справедливости меняются так радикально, что взамен прежнего воззрения на чужестранца как врага, против которого все дозволено, постепенно развивается понятие о поставленном под защиту собственного очага и поэтому неприкосновенном госте, о брате-единоверце. Наконец, и всего позднее вырабатывается в нашем сознании отвлеченное представление о человеке вообще и его неотъемлемых правах».

М.М. Ковалевский полагал, что начала правового регулирования и властвования в охотничьих, пастушеских и земледельческих племенах имели своим основанием стремление семейных групп к организации совместной жизни. Переход к земледелию и скотоводству обуславливал экономическое неравенство и различия в степени общественного признания. С оформлением частной собственности и утверждением социального неравенства, основанием которой являлись экономические факторы, происходит оформление власти государства и сословное разделение общества.

Точка зрения ведущего российского ученого на природу государственной власти была близка к психологической теории права. В основании всякого государственного устройства он видел психологический мотив – готовность к подчинению.

Оформление представительной системы он увязывал с участием представителей городов в сословном представительстве на правах непосредственных вассалов монарха. Муниципальная автономность городских общин закладывала начала европейской гражданственности, т.е. принципы свободы, равенства и народного суверенитета. Развивая идеи о народном представительстве как условии обеспечения оптимального функционирования общества, он считал необходимым привлекать к государственному управлению наиболее достойных граждан, обладающих доверием народа.

Он справедливо отмечал, что политические силы в обществе разделяются не взглядами, а отношениями к тем или иным общественным явлениям, т.е. формам власти. Оценивая французскую революцию, он пришел к следующему выводу: самоуправление в обществе обеспечивается не провозглашением голого принципа народовластия, а конкретным участием народа через своих представителей в налогообложении, законодательстве и контроле над управлением обществом.

В отношении России наиболее приемлемой он считал парламентскую монархию с двухпалатным парламентом. Он не был сторонником принципа разделения властей. С целью предотвращения возможного произвола в отношении ограждения личной свободы граждан выступал за обособление власти.

Он был убежден, что дальнейшее развитие государственности будет осуществляться по пути объединения национальных образований в федеральные союзы в русле образования единого мирового союза государств. При этом государство будет все больше выполнять функции регулятора человеческих отношений, в фактор роста общественной солидарности. Он отстаивал идею исторической неизбежности политического парламентаризма.

Исторический подход в анализе социальных, правовых, политических и иных проблем от ранних форм позволяет говорить о его социологическом методе как генетическом. Генетическая социология, как частная социологическая теория, по его мнению, призвана «заниматься вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным»¹.

Анализ воззрений видного отечественного мыслителя свидетельствует, что право трактуется им как социальный институт, рассматриваемый во взаимосвязи с другими социальными институтами. Изучение правовой действительности предполагает выявление в генезисе совокупности социальных факторов, обуславливающих возникновение, оформление и действие нормы права. Применение историко-сравнительного метода в сравнительно-историческом правоведении создавало широкие возможности научного анализа, как юридических систем, так и различных правовых норм и институтов, исследуя их в динамике и статике.

Преимущественно как социолог он считал, что социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ была способна выявлять условия поступательного развития общества, смену одних общественно-политических устоев другими, выработать общие принципы анализа социальных явлений в целом, в том числе и правовых, в частности. По его убеждению, в рамках генетической социологии социология права присутствует в качестве частной социологической теории.

Можно с полной уверенностью утверждать, что его научные взгляды и разработанные методы анализа социальной практики способствовали распространению представления о праве и власти как социальных феноменов, взаимосвязанных между собой и обуславливающих друг друга.

Оценивая в целом теоретико-методологические основания научного поиска М.М. Ковалевского, следует указать на следующие моменты: его метод плюралистического подхода по содержанию есть многофакторное объяснение социальных проблем. В концептуальном плане его учение представляет собой разновидность исторического идеализма с некоторыми элементами материалистического понимания исторического процесса. В

---

¹ Ковалевский М.М. Понятие генетической социологии и ее метод // Ковалевский М.М. Сочинения. В 2-х тт. Т.1. М., 1997. С. 272.

совокупности с громадным фактическим материалом его исследования несомненный интерес для научной мысли.

10. Шершеневич Gabriel Феликсович

Шершеневич Gabriel Феликсович (1863-1912) – правовед, философ. Окончил Казанский университет, где после защиты магистерской, а затем докторской диссертаций преподавал с 1888 по 1906гг. на кафедре гражданского права. С 1906 по 1911 гг. вел преподавательскую деятельность в Московском университете, а также в Московском коммерческом институте и в Московском народном университете А.Л. Шанявского.

Научные интересы Шершеневича весьма обширны и многоплановы, о чем говорят названия его трудов: “О чувстве законности” (1897), “Конституционная монархия” (1906), “История философии права” (1907), “Социология” (1910), “Общая теория права”. Теоретико-методологической базой учения Г.Ф. Шершеневича являлись позитивизм, идеи социал-дарвинизма и различных психологических школ. Важнейшее место в системе отношений “личность – общество” занимают государство и право. Будучи видным представителем юридического позитивизма, Шершеневич развивал формально-догматическую трактовку права, опираясь на позитивистскую философию О. Конта и Дж. Ст. Милля и продолжая традиции английской аналитической школы (Дж. Остин) и континентального юридического позитивизма (“ранний” Р. Иеринг, К. Бергбом и др.). В содержательном плане его взгляды и труды по теории права и гражданскому праву отвечали задачам развития русского права и русской юриспруденции в период формирования в России буржуазного законодательства.

Критикуя исторически сложившуюся философию права как философию естественного права (с его противопоставлением позитивному праву и т.д.), Шершеневич замечает, что она создана философами, профессионально не знавшими действительного права и задач правоведения. В противовес этому Шершеневич выступает за философию позитивного права: “В то время, как юристы занимались исключительно толкованием и систематизированием норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право, как оно дано в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы... Такое положение вещей отражается в высшей степени вредно как на правоведении, ослабляя его теоретическую ценность, так и на философии права, подрывая ее практическое значение”¹.

---

¹ Русская философия права. Антология. С. 188

Прежде чем перейти к критике естественного права как философии права, считает Шершеневич, необходимо установить самый объект критики, т.е. понятие о естественном праве. В этой своей критике он пытается найти то общее, что присуще “старой” школе XVII и XVIII веков и вновь возрожденному естественному праву.

“Старое естественное право, - отмечает Шершеневич, - выступало как система норм, которая во всей подробности определяет человеческое общежитие, но, в отличие от положительного права, задающегося той же целью, носит характер абсолютный, вечный, неизменный во времени и пространстве. Это, прежде всего, идеал правового порядка, к которому по возможности должно приближаться положительное право. Возрожденное естественное право уже не рисует системы норм, предназначенных заменить историческое право, оно воздерживается от конкретных целей, которые изменяются во времени и пространстве. Но оно ищет только абсолютного начала, вечного и неизменного, исходя из которого можно было бы разрешить те же задачи, какие ставятся праву условиями данного времени или данной страны. Если старое и новое направления расходятся в полноте начертанного идеала, то они сходятся в абсолютности исходных начал, - едва ли и возможно естественное право без веры в существование известных абсолютных начал права”¹.

Критику естественного права Г.Ф. Шершеневич строит на том, чтобы показать абсурдность утверждения о существовании правопорядков – естественного и позитивного. “Если естественное право нормирует жизненные отношения так же, как и положительное право, а не так, как это делает нравственность, приличие, то мы имеем перед собой несомненный и непостижимый дуализм. Если же естественное право выполняет свою задачу нормирования не так, как положительное право, то объект философии права рассматриваемого направления лежит где-то вне права. Что бы ни понимать под естественным правом, одно несомненно для всех: оно резко противопоставляется положительному праву”². В таком случае, спрашивает Г.Ф. Шершеневич, “где же двум совершенно различным понятиям присваивать одно и то же название права?” В любом случае “истинное право” будет только одно. Если им назвать так называемое “естественное право”, тогда позитивное право теряет качество “права”. Напротив, если право – это позитивное право, то “название “право” должно быть отнято у естественного права”. “На почве дуализма, - полагает он, - происходит постоянно взаимное непонимание, столь вредное для науки и жизни”. Поэтому “философия права, которая ставит своей задачей объяснить действительность, чтобы ее оценить, должна, прежде всего, устранить дуализм в изучаемом объекте, т.е. отбросить понятие о естественном праве”³.

---

¹ Русская философия права. Антология. С. 199-200.

² Там же. С. 201.

³ Там же.

Естественное право в смысле права, параллельного с позитивным и являющегося источником, фундаментом, прообразом или идеалом позитивного права, Г.Ф. Шершеневич и другие представители юридического позитивизма решительно отвергают. Существует, по их мнению, только позитивное право, а все остальное, называемое позитивным правом, в том числе и естественное право, есть лишь этическая оценка действующего права с точки зрения того, каким право должно быть. “Старое естественное право рисовало полный законопроект, который и предлагало взамен действующих законов. Новое естественное право, - рассуждает Шершеневич, - отказывается от такой задачи и ограничивается нахождением общего принципа. Таким принципом для одних является нравственное сознание, для других – идея добра, для третьих – вечная справедливость. Но тогда философия права уходит полностью в область этики”¹. Представители естественного права, по мнению видного юридического позитивиста, теряются в дуализме: “В самом деле, представители рассматриваемого направления заявляют нам, что “естественное право есть то же, что право нравственное”, что под естественным правом следует понимать “нравственные суждения о положительном праве”².

Представители возрожденного естественного права, в глазах Шершеневича, запутываются в противоречиях: “Новая школа утверждает, что абсолютное значение в естественном праве имеет только высший критерий, как идея добра, высшая справедливость, нравственное сознание, все же остальное в его содержании изменчиво. Но если естественное право сводится только к высшему принципу, имеющему абсолютный характер, то что же может видоизменяться в естественном праве? Изменчиво положительное право, а не естественное. Если же неизменной частью естественного права остается только высший принцип, имеющий не юридическое, а нравственное значение, то где же естественное право? Такая постановка вопроса есть полное упразднение естественного права, а следовательно, и философии права, сделавшей его своим объектом”³.

Таким образом, отрицание естественного права и всей рационалистической философии XVII– XVIII вв. и утверждение позитивного права ставилось Шершеневичем во главу угла. “Суть спора состояла в выяснении вопроса о природе естественного права, его отношения к действительности. Речь шла о том, является ли доктрина естественного права чисто логической конструкцией, нравственным идеалом человечества (как думали позитивисты) или представляет собой выражение реальных общечеловеческих ценностей, имеющих объективную природу и непреходящий харак-

---

¹ Русская философия права. Антология. С. 202

² Там же.

³ Там же.

тер”, - отмечает различие общеправовых подходов двух направлений в правовой мысли А.Н. Медушевский¹.

С позиции позитивизма Шершеневич определил объект, субъект, цели и задачи философии права, его научную принадлежность к той или иной системе наук. Философия права, призывал Г.Ф. Шершеневич, должна отказаться от попытки “обнаружить за правовыми явлениями всякую идею права, раскрываемую разумом. Научная философия права строит свои понятия только на положительном праве. Ее построения должны быть результатом только наблюдения над явлениями действительной жизни”².

“Задача философии права с теоретической стороны, - утверждает он, - ограничивается установлением отличительных признаков тех явлений общественной жизни, которые носили и носят в разное время и у разных народов название права, государства, преступления и т.п. Дело философии права выяснить, в чем заключается то единообразное, что давало основание соединить с многообразными явлениями одно и то же представление и наименование”³. Г.Ф. Шершеневич выделяет две главные задачи философии права: во-первых, теоретическую - познать “право, как оно есть” и, во-вторых, практическую – представить “право, каким оно должно быть”. Теоретическая задача философии права, по мнению Г.Ф. Шершеневича, заключается в исследовании всех тех главных понятий, которые лежат в основе юридических наук и которые принимаются ими большей частью догматически. Высшим и основным понятием является понятие права. Сюда же относятся вопросы об образовании права, о создаваемых правом отношениях. Теоретическая часть философии права ориентируется на позитивное право, “право, как оно есть”, познает его догматически и воздерживается от критики и идеальных построений. Философия в своей теоретической части “не должна подставлять под реальные понятия свои идеальные представления, выдавать за право то, что, по ее мнению, должно бы быть правом”⁴. У философии права, по учению Г.Ф. Шершеневича, есть и практическая задача, поскольку вообще наука рядом с теоретическими ставит и практические цели. “Отказаться от этой практической задачи – значит пренебречь настоятельными запросами переживаемой действительности. Современное правоведение тоскует по идеалу”⁵.

“Правоведение, - утверждает Г.Ф. Шершеневич, - несомненно, провинилось перед обществом тем, что, порвав с традициями естественного права, пренебрегло своими задачами в сфере критики и политики и за это потеряло общественные симпатии. Восстановить свою истинную высокую роль еще не поздно. И не в догматике должно происходить это обновле-

---

¹ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 93.

² Цит. по: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. С. 36-37.

³ Русская философия права. Антология. С. 192.

⁴ Там же. С. 191-192.

⁵ Там же. С. 194.

ние, не заменой догматики социологическими исследованиями, не путем разных приемов свободного толкования, а именно в критике существующего, в политике должностующего. Тогда юриспруденция перестанет быть “служеной у законодателя”, как внушал ей Б. Виншайд, а станет гласной советчицей законодателя, руководительницей всей социальной жизни”¹. В соответствии с этими двумя главными задачами философия права распадается на две самостоятельные составные части: теоретическую (общая теория права) и практическую (политика права). К ним присоединяется еще третья – историческая, которая выясняет юридические понятия и практические цели в области политики и права в их историческом развитии на протяжении различных эпох и тем самым помогает рассмотреть современные юридические понятия как продукт исторического развития. В результате философия права включает три самостоятельные дисциплины: общую теорию права, историю философии права, политику права². Поскольку “практическая” часть философии права (политика права), по мнению Г.Ф. Шершеневича, находится вне общей теории права, то вся в целом “философия права”, считает он, является не юридической дисциплиной, а составной частью общей философии.

В контексте поднятого Г.Ф. Шершеневичем вопроса о дисциплинарной принадлежности к юриспруденции или к философии тех или иных конкретных вариантов философии права, можно привести мнение авторитетного специалиста в данной области, профессора В.С. Нерсеянца: “Дело здесь обстоит таким образом, что философия права, ранее разрабатываемая в рамках общей теории права в качестве ее составной части, постепенно оформляется в качестве самостоятельной юридической дисциплины общенаучного статуса и значения (наряду с теорией права и государства, социологией права, историей правовых и политических учений, отечественной и зарубежной историей права и государства)”³.

Кульминационным пунктом юридического позитивизма является формально-догматическое понятие права. С позиции феноменализма, формализма и догматизма Шершеневич считал, что понятие права должно быть сугубо формальным, вне связи с его содержанием, сущностью, функциями, целями и пр. По мнению Шершеневича, понятие права и его признаки можно выяснить “только при условии, если философия права откажется от исканий сущности основных понятий в материальной стороне, а постарается открыть ее с формальной стороны. Без перехода к формальному моменту философия права не выполнит своей задачи дать правоведению основные понятия, независимо от исторического многообразия”⁴. Понятие права, по концепции Шершеневича, должно строиться без учета

¹ Цит. по: Зорькин В.Д. Позитивистская теория в России. С. 44.

² Русская философия права. Антология. С. 194.

³ Нерсеянц В.С. Философия права. С. 16.

⁴ Русская философия права. Антология. С. 192.

“содержания норм права, на основе всецело “формального момента”. С этих позиций Шершеневич отвергает понятие права как интереса, свободы, свободной воли и т.п. “От материального момента необходимо обратиться к формальной стороне права. Дело не в том, какое поведение требуется нормами права, а как требуется поведение, указанное в нормах права”¹.

“Юридиколо-позитивное мышление, - точно отмечают современные исследователи, - в качестве причины изменения правовых отношений мыслит саму юридическую норму, независимо от того, насколько она адекватна жизненным реалиям; при этом основой всякого правопорядка, это мышление считает такое отношение к норме, которое считает ее догмой, не требующей доказательств. Таким образом, фетишизация юридических законов, догматизация существующих правовых норм в широких масштабах – есть то, что, по модели позитивного права способно обеспечить социальное равновесие”².

По мнению Г.Ф. Шершеневича, достаточно установить то, как требуется поведение и кто требует соблюдения норм. Таким образом, проблема понятия права сводится к установлению (на феноменалистическом уровне) формальных отличий правовой нормы от норм моральных, религиозных и пр.

“Позитивность” права в трактовке позитивистов, – отмечает В.С. Нерсесянц, - это эмпирически наблюдаемая и формально-логическими приемами характеризуемая реальность такого аспекта бытия права, как его официальная признанность и, следовательно, наделенность силой общеобязательной принудительности. Один из моментов взаимосвязей права с государством (и вообще официальной властью), а именно: наделение правовой нормы возможностью официально – властного принуждения – абсолютизируется и гипертрофируется позитивистами, возводится ими в ранг, по сути дела, единственного критерия возникновения и бытия права. Не будет преувеличением сказать, что именно в официально-властной санкции позитивисты видят смысл правовой нормы, поэтому нормативность права в их понимании сводится, по существу, к приказной императивности, словом, к принудительности. “Право – это приказ суверена”, - утверждал Д. Остин, выразив тем самым кредо позитивистов всех времен и оттенков”³.

Г.Ф. Шершеневич в принципе воспринимает позицию Дж. Остина. «Право, – определяет он, – есть нормы поведения, сопровождающиеся угрозой на случай их нарушения страданием, применяемой органами государства. Право – это “правила общежития, поддерживаемые государствен-

---

¹ Хрестоматия... С. 266.

² Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. М., 1998. С. 77.

³ Нерсесянц В.С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания // Политические и правовые учения: проблема исследования и преподавания. М., 1978. С. 22.

ной властью”¹. “Всякая норма, - утверждает он, - это приказ”, “требование, исходящее от высшей власти”. “Норма права, - пишет он далее, - это требования государства”. В правовых представлениях Г.Ф. Шершеневича норма права – это не сложное многоаспектное социальное явление, а лишь нормативное суждение законодателя, закон – приказ государственной власти. “Они (нормы – К.У.) исходят всегда от авторитета, – утверждает он, - который приобретается в глазах подчиняющегося индивида благодаря власти, силе, уважению”². Г.Ф. Шершеневич рассматривает норму только в плане противопоставления ее индивиду, ограничивается некоторыми внешними проявлениями этого процесса. В теории Г.Ф. Шершеневича юридическая норма рассматривается как нечто чисто идеальное, находящееся исключительно в сфере субъективного сознания: приказ, предписание, требование. “Всякая норма права – приказ”, - утверждает он³.

Характеристика нормы права только как приказа, т.е. суждения о должном, явно обедняет само понятие нормы, ведет к отождествлению права и закона. “Существенный момент и принципиальная черта позитивистского типа правопонимания состоит в том, - отмечает В.С. Нерсесянц, - что правом считается лишь позитивное право, т.е. то, что в должное время и в данном месте имеет официальную законную силу (законодательство, формально санкционированные официальными властями или фактически акцептируемые ими обычаи, прецеденты и т.д.)”⁴. Подобное сведение права к закону (к тому, что имеет позитивную законную силу) характерно для всех направлений юридико–позитивистского толка – от старого позитивизма Дж. Остина, К. Бергбона, Д. Гримма до неопозитивизма Г. Кельзена, Х. Харта и других.

Определяя право как приказ государства, Г.Ф. Шершеневич упрощал и догматизировал соотношение права и государства. Констатируя неразрывную связь государства и права, позитивист Шершеневич ограничивался некоторыми внешними проявлениями этой связи. “Государство, - пишет он, - есть источник права, а право – произведение государства”. “Право, - заявляет далее он, - есть функция государства”. По модели Шершеневича, государство есть та конечная социальная база, на которой покоится право и откуда оно черпает свою силу. “Государственная власть, - утверждает Г.Ф. Шершеневич, - есть тот начальный факт, из которого исходят, цепляясь друг за друга, нормы права”. “Следовательно, сказанному, - продолжает он, - нормы права называются действующими, насколько соблюдение их требуется государством... Так как нормы права отличаются от других социальных норм тем, что соблюдение их поддерживается требованием, исходящим от государства, то отсюда следует: 1) что вне государства нет

---

¹ Хрестоматия... С. 267.

² Там же. С. 263.

³ Хрестоматия... С. 266.

⁴ Нерсесянц В.С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания. С. 21.

права и 2) что действие норм права ограничивается пределами власти государства”¹.

В тесной связи с этатистским решением вопроса о понятии права стоит в системе взглядов Г.Ф. Шершеневича и проблема его возникновения. Государство, по мнению Г.Ф. Шершеневича, не только является источником права, но и, кроме того, “предшествует праву исторически и логически”². Здесь положение о правотворческой роли государства гипертрофируется и доводится до абсурда: сначала появляется государство, а потом право: “В недрах общества зарождается организованная власть. Все ее внимание первоначально обращено на обеспечение внешней безопасности, и внутренняя жизнь общественной группы остается под действием прежних правил. Затем для укрепления своего положения власть обращается к внутреннему управлению. Князь, царь или иначе называемый вождем принимается творить суд, потому что к нему обращаются как к авторитету. Но он не творит новых правил. Однако, признав какое-либо из существующих правил, он дает ему свой меч. Этим из правил общежития сразу выделяется особая группа, отличающаяся по существенному моменту, - по новому способу охраны. Таково рождение права ...”³. “Право есть функция государства, и поэтому логически оно немислимо без государства и до государства”⁴.

Право, по мнению Г.Ф. Шершеневича, всегда есть выражение интереса властвующих, но также и итог борьбы “эгоизма” власти и подвластных: “Если государственная власть есть основанная на силе воля властвующих, то выдвигаемые ею нормы права должны прежде всего отражать интерес самих властвующих... В указанном направлении эгоизм властвующих сдерживается, с одной стороны, собственным эгоизмом, с другой – эгоизмом подвластных. Эгоизм властвующих подсказывает им благоразумие и умеренность в правовом творчестве. Они могут охранять правом свои интересы только тесно сплетая их с интересами подвластных и, по возможности, не доводя последних до сознания противоположности. Подвластные с своей стороны заинтересованы в том правовом порядке, который устанавливается властвующими, потому что порядок, хотя бы он и неравномерно распределял выгоды, все же лучше беспорядка, лишаящего каждого всякой обеспеченности”⁵.

В основе соблюдения права, понимаемого Шершеневичем как закон и требование государства, лежит страх перед угрозой наказания. Данный фактор определяет остальные мотивы правового поведения (совесть, чувство законности, сознание собственного интереса, нравственность). Шер-

---

¹ Хрестоматия... С. 267.

² Там же. С. 271.

³ Хрестоматия... С. 271-272.

⁴ Там же. С. 272.

⁵ Там же. С. 272.

шеневич в этой связи касается соотношения права и нравственности: “Проведение разграничительной линии между правом и нравственностью, на которое было затрачено в истории так много остроумия, возможно лишь на почве положительного права”, - отмечает он. Право и нравственность, замечает позитивист, имеют общие исходные пункты, но в дальнейшем пути их расходятся, в противном случае философия права превращается в философию нравственности – это высший критерий, в который входят критерии добра, вечная справедливость, нравственное сознание. Объединяющим началом в соотношении “право – нравственность”, по мнению Г.Ф. Шершеневича, является чувство совести: “Отступление или только мысль отступить от привычного, твердо усвоенного соблюдения норм права, производит неприятное душевное состояние, вполне аналогичное угрызению совести. Чувству совести в области нравственности вполне соответствует чувство законности в области права. Как чувство совести представляет лучшее обеспечение нравственного порядка, так и чувство законности является лучшей гарантией правового порядка. Можно было бы опасаться за судьбу того государства, где условия общежития вовсе не обеспечивались бы чувствами совести и законности”¹.

В целом, говоря о системе правовых взглядов Г.Ф. Шершеневича, следует сказать, что его позитивистская позиция по своей природе консервативна. Она догматизирует не только юридические законы, но и лежащие в их основе социальные нормы. Он в праве ратовал за полное очищение закона и правовой нормы от следов их социального происхождения, рассматривая норму как чистый продукт человеческого интеллекта.

11. Трубецкой Евгений Николаевич

Трубецкой Евгений Николаевич (1863-1920) – философ, правовед, религиозный и общественный деятель. Современный исследователь его жизни и творчества таким образом представляет портрет этого видного деятеля: “Князь по рождению, юрист по образованию, объективный идеалист по мировоззрению и религиозный философ по духу, он вместе с братом С.Н.Трубецким достойно продолжил оригинальное философско-религиозное учение В.С. Соловьева и оказал заметное влияние на Н.А.Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других русских философов XX в., находившихся в оппозиции к марксизму”². Трубецкой окончил юридический факультет Московского университета (1885). Получил степень магистра философии за исследование “Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Мирозерцание Блаженного Августина”. (М., 1892) и степень доктора философии за исследование “Религи-

---

¹ Хрестоматия... С. 270.

² Сырых В.М. Евгений Николаевич Трубецкой // История русской правовой мысли... С. 372-373.

озно-общественный идеал западного христианства в XI в. Мирозерцание папы Георгия XII и публицистов – его современников" (Киев, 1897). Преподавал в должности приват-доцента в Демидовском юридическом лицее в Ярославле (1886-1897), в должности профессора в Киевском (1897-1905) и Московском (1905-1917) университетах, заняв в последнем кафедре философии после смерти своего брата. Занимался также общественно-политической деятельностью: был одним из видных членов кадетской партии с момента ее основания в октябре 1905 года, был членом Государственного совета (1916-1917) и участником церковного собора 1917-1918 гг. После революции занял активные антибольшевистские позиции, в период гражданской войны находился при Добровольческой армии.

Плодовитый писатель и одаренный стилист, Трубецкой написал более 20 книг и брошюр и большое число статей на темы религии, философии, юриспруденции, политики.

Системное изложение правовых взглядов Е.Н. Трубецкого дано в двух учебных пособиях: "Энциклопедии права" и "Истории правовых учений" (1907). Они являются единственными работами, в которых наиболее полно и последовательно отражены правовые воззрения Е.Н. Трубецкого, его оригинальная трактовка кардинальных вопросов философии права, сущности и назначения права в обществе¹.

Е.Н. Трубецкой начинает излагать свои правовые взгляды с обоснования методологических принципов, которые, по его мнению, позволяют ему обстоятельно аргументировать свою позицию. Прежде всего, он предлагает общее понятие права, что было обусловлено придерживаемым им принципом – идти от ясных и разделяемых всеми положений к дискутируемым, но необходимым для поиска истины. Трубецкой определяет право как внешнюю свободу, предоставленную и ограниченную нормой права. В самом общем и полном смысле это определение излагается следующим образом: "Право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях"².

Е.Н. Трубецкой также полагал необходимым относить к признакам, свойствам, характеризующим сущность права, те из них, без которых право утрачивает свою специфику, превращается в нечто иное, не правовое. Одни определения права считают существенными признаками его то, что оно является созданием государства или пользуется его признанием (но мы видели, указывает Трубецкой, что право может существовать и помимо

---

¹ Подробно о жизни и творчестве Е.Н. Трубецкого см.: Филонова Л.Г. Князь Евгений Николаевич Трубецкой // В кн.: Русские философы (конец XIX-середина XX веков): Антология. Вып. 2./ Сост. С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. М., 1994. С.232-241; Сырых В.М. Указ. соч. С. 372-388; Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 513-518; Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч.2. Л., 1991. С. 105-113.

² Хрестоматия по истории политических и правовых учений России. С. 257.

государства, что оно предшествует государству и обуславливает его (собой); другие признают авторитет (но и он несущественен, ибо право обуславливает всякий авторитет). Другие определения считают существенными признаками понятия права принуждение, силу, интерес, осуществление мира, нравственное содержание правовых норм и т.д. Но и эти признаки не являются определяющими, считает Трубецкой.

Существенными признаками каждого данного понятия могут признаваться только те, с уничтожением которых уничтожается само понятие, считает религиозный философ. Поэтому Трубецкой настаивает на своем определении права, существенным признаком которого является внешняя свобода – "отсутствие внешней свободы есть синоним бесправия; лицо, лишенное внешней свободы есть лицо вполне бесправное; стало быть, внешняя свобода является необходимым, существенным признаком права"¹.

В своих действиях человек полностью свободен: он может сознательно выбирать тот или иной вариант поведения (внутренняя свобода) и действовать во вне, преследовать и осуществлять какие-либо цели (внешняя свобода). Однако внешняя свобода не может быть безграничной. В противном случае в обществе возникает угроза анархии и беспорядка: "В самом деле, уважение к внешней свободе ближнего требуется не только правом, но и нравственностью: есть множество нравственных норм, которые ограничивают произвол одних лиц во имя внешней свободы других; так нравственные нормы воспрепятствуют красть, убивать, наносить ближним побои, следовательно, они, подобно нормам правовым, ограждают внешнюю свободу лица против насилий и всяких вообще проявлений чужого произвола. Отсюда, по-видимому, можно заключить, что данное нами определение права не включает в себе тех признаков, на которых можно было бы отличить нормы правовые от норм нравственных"².

Для того, чтобы во взаимоотношениях людей не происходили эксцессы, общество и создает правила поведения, которые, с одной стороны, ограждают свободу человека, а с другой – предоставляют ему права. Поэтому право в понимании Трубецкого представляет собой совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях. Праву имманентно присущи два элемента: личный и общественный, следовательно, право есть: 1) объективный порядок, регулирующий отношения людей в обществе; 2) субъективный порядок, заключающий в себе индивидуальные права, признаваемые и предоставляемые юридическими нормами, при отсутствии которых также не может быть права – "норма, кладущая предел произволу, или, что тоже, ограничивающая внешнюю свободу одних лиц

---

¹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // В кн.: История русской правовой мысли... С. 389.

² Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. С. 390.

во имя внешней свободы других лиц, также является существенным признаком права"¹.

Названные и некоторые другие позитивные положения, сформулированные Е.Н. Трубецким, позволили дать обстоятельную критику основным определениям права, разработанным виднейшими представителями зарубежной и российской правовой мысли XVIII – начала XX вв.: Иерингом, Савиньи, Гроцием, Руссо, Шопенгауэром, Л.И. Петражицким, Н.М. Коркуновым. Гуго Гроций и последователи его идей, в частности, не считались ни с окружавшей их исторической действительностью, ни вообще с историей: законы права коренятся в самой природе разума, а потому имеют такое же вечное, неизблемое значение, как и сам разум, а действительность имела право на существование лишь постольку, поскольку она вытекала из требований разума. "Между тем, как теоретики, вроде Руссо, рассматривали все современное им и предшествовавшее законодательство, как проявление человеческого неразумия, эгоизма и произвола, - продолжает Трубецкой, - ... Савиньи восстает против всяких попыток вывести а priori из человеческого разума такой кодекс права, который был бы годен для всех времен и для всех народов"². На критике Е.Н. Трубецким взглядов Шопенгауэра и Соловьева мы остановимся несколько позже. Сейчас же отметим следующее.

Рассмотренные Е.Н. Трубецким трактовки понимания права можно разбить на три больших направления: 1) определения, в которых право сводится к государству, "общему убеждению" или "общей воле"; 2) определение права, рассматривающее его как часть нравственности; 3) определение, данное представителями исторической и естественной школами права. Отсутствует лишь оценка гегелевской концепции права и близкое по духу марксистское понимание права, что можно считать существенным пробелом обзора "Истории правовых учений".

Обоснованно и справедливо Е.Н. Трубецкой критиковал определения права, в которых существенные и необходимые признаки данного явления связывались с государством, государственным принуждением либо пониманием права как "общего убеждения" или "общей воли". "Никакое "государство" и никакая власть, - утверждал Е.Н. Трубецкой как представитель естественного – правового направления, - не есть первоначальный источник права, ибо всякое государство точно так же, как и всякая власть, обусловлены правом". Симптоматично, что все подобные определения долгое время признавались господствующими в советской юридической литературе и не утратили своего значения по настоящее время, оставаясь под надежной защитой представителей так называемого "узкого" понимания права. Именно для них право – это совокупность правил поведения, выражающих волю народа, той или иной его части, установленных госу-

¹ Там же. С. 390.

² Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. С. 413.

дарством и охраняемых им от нарушения. В частности, это отмечает Корнев А.В., указывая на позицию С.С. Алексеева, который был многие годы явным сторонником нормативно-позитивного истолкования права и внезапно решил принять сторону ранее критиковавшихся им адептов естественно-правовой либеральной школы (В.А. Туманова, В.С. Нерсисянца, Л.С. Мамута, В.Д. Зорькина), когда это стало выгодным с политико-идеологической точки зрения¹.

Определения права через "общие убеждения", "общую волю", "принуждения" или "силу", по мнению Е.Н. Трубецкого, лишь по форме отличаются от определений права через государство, его правотворческую деятельность. Ибо все такие признаки при их обстоятельном анализе неизбежно приводят к начальному базовому понятию, где право равно праву. Соответственно было бы наивным пытаться искать среди этих определений признаки подлинного права.

Аналогичный вывод сделал Е.Н. Трубецкой, критически рассмотрев попытки Шопенгауэра и В.С. Соловьева определить право в качестве низшей ступени, части нравственности.

Согласно взглядам А. Шопенгауэра, право представляет собой низший предел нравственности и выражается в обязанности каждого не вредить другому ("Никому не вреди, но всем насколько можешь помогай"). В формуле содержится две части: первая, несущая негативно-категорический оттенок, относится к области права; вторая, несущая положительный элемент, составляет высшее требование нравственности, выходит за пределы права и составляет внутренний закон, который должен господствовать в человеческом сердце. Разделяя подобный взгляд, В.С.Соловьев понимал право как низший обязательный для всех минимум нравственности – требование не причинять никому вреда, не нарушать внешнего порядка общежития².

Е.Н. Трубецкой прямо пишет об этом: "Во множестве исследований и учебников, трактующих о существовании права, одно из существенных отличий права и нравственности выражается в следующей формуле: нравственность есть закон внутренний, право – закон внешний; нравственность регулирует не только внешнее поведение, но и внутреннее настроение; напротив, право регулирует исключительно внешнее поведение, только внешнюю сферу человеческих действий – для него безразлично, из какого настроения проистекают эти действия"³.

Трубецкой приводит следующие возражения против таких утверждений. Различие между правом и нравственностью, отмечает он, выражено здесь не совсем точно: поскольку внешнее поведение обуславливается

---

¹ Корнев А.В. Указ. соч. С. 97.

² Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX веков // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 31-32.

³ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 392.

внутренним настроением, последнее далеко не безразлично для права. В частности, в уголовном праве, продолжает Трубецкой, прямо принимаются во внимание внутренние побуждения, мотивы, вызвавшие то или иное преступное деяние. Для права далеко не безразлично, совершено ли преступление с заранее обдуманном намерением или под влиянием внезапного раздражения, действовал ли преступник в полном сознании или же он вследствие психического расстройства или умственной незрелости не сознавал значения своих поступков; уголовное право принимает во внимание не только внешнее поведение преступника, но и степень злой воли, обусловившей это поведение¹.

Из этого Трубецкой делает вывод, что внутреннее настроение, мотивы, вызывающие, те или иные действия, не составляют содержания права. Содержание права сводится к определенной сфере внешней свободы, которая может быть ограничена или пресечена определенными действиями.

В самом деле, человек, только замысливший преступление, но ничего не сделавший для осуществления своего замысла, осуждается нравственностью, но он вовсе не является нарушителем права. Злой умысел, не выразившийся в конкретных злых действиях, не карается уголовным кодексом.

Из всего вышеуказанного умозаключения Е.Н. Трубецкой выводит свое видение различия права и нравственности: "Содержанием права является исключительно внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, причем требования добра могут касаться как сферы внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы, как действий лица, так и его настроения. В область права входят все вообще требования, которые ее представляют и ограничивают, независимо от того, нравственны или безнравственны эти нормы, служат или не служат они целям добра. В область нравственности входят вообще все правила или нормы, предписывающие осуществлять добро, независимо от того, имеют или не имеют эти предписания правовое значение, касаются ли они внешней сферы действий или только внутренней сферы настроения лица"².

Трубецкой в своей критике понимания права А. Шопенгауэром и В.С. Соловьевым как минимума нравственности приводит следующие аргументы:

- существуют правовые нормы, которые не только не представляют минимума нравственности, но вообще являются безнравственными, например, феодальное право первой ночи, крепостное право, законодательство, устанавливающее смертную казнь, пытки и т.д.
- существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, например, некоторые христианские заповеди, "принцип воздающей справедливости" ("око за око", "зуб за зуб") и т.д.

¹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права... С. 392.

² Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права... С. 393-394.

В итоге Е.Н. Трубецкой пришел к выводу, что право не может определяться как минимум, часть нравственности: "Нравственность и право в их взаимных отношениях могут быть сравнены с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера – сфера пересечения, в которой их предписания совпадают, и вместе с тем – две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собою, частью даже прямо противоречат друг другу"¹.

“Е.Н. Трубецкой, бесспорно, прав в своей критике подхода к праву как части нравственности, – отмечает современный исследователь. – Однако его критика является неполной и неглубокой. Дело вовсе не в том, что реальное право может быть и безнравственным. В конце концов оно может быть таким по своему внешнему проявлению и совсем иным по своей сути, которое в силу тех или иных причин не может проявлять себя в полной мере в реальной жизни. Главный же вопрос видится в том, почему право является таковым”².

Недостаточно конструктивной, хотя и во многом справедливой оказалась оценка Е.Н. Трубецкого естественной и исторической школы права. Рассмотрев взгляды представителей этих школ на сущность права, Трубецкой дает свое понимание этого явления. Он задается вопросом – "существует ли естественное право или нет другого права, кроме права положительного, и, если естественное право существует, то каково его отношение к эволюции права?" Трубецкой критически относится к такому пониманию права, которое опирается на утверждение, что право обуславливается тем или другим внешним авторитетом. "Мы видели, - утверждает он, - что право вообще не может быть сведено к внешнему авторитету, потому что, в свою очередь, всякий авторитет покоится на праве, следовательно, представляется не более как видом права"³.

В русле воззрений Л.И. Петражицкого на право Трубецкой утверждает, что право – прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание, поэтому сила и действительность всякого позитивного права обуславливаются теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними явлениями. Всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Веление государственной власти, равно как и веления обычая могут иметь значение и силу права только до тех пор, пока в обществе есть убеждение в необходимости подчиняться власти, пока обычай служит выражением убеждения.

Право для Е.Н. Трубецкого ценно постольку, поскольку оно через законодателя ценит человеческую личность, ее достоинство: "Человече-

---

¹ Там же.

² Сырых В.М. Указ. соч. С. 383.

³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права... С. 413.

ская личность для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания. Все те права, которые мы признаем, в конце концов покоятся на первоначальном, безусловном праве человеческой личности, которое для нас само по себе ценно, само по себе обязательно".¹ Позитивное право для личности действует постольку, поскольку люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Доказательством этому служат революции, которые с сокрушительной силой разрушают все прежде действовавшее право: "Во всех революциях сказывается один и тот же факт: положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или другой общественной среды"².

Таким образом, полагает Е.Н. Трубецкой, последнее основание обязательности позитивного права есть такое право, которое составляет вместе с тем и внутренний закон нашего разума, или, - что тоже – естественное право. Последнее Трубецкой отождествляет с нравственностью, а точнее с такой этической категорией, как правда. "Нетрудно убедиться в том, - утверждает он, - что предписания естественного права по содержанию своему суть вместе с тем и предписания нравственные. Естественное право – то же, что правда: оно обнимает в себе всю совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внешнему правовому авторитету: оно включает в себе всю совокупность тех нравственных норм, в коих всякий авторитет, всякая человеческая власть и всякое позитивное право вообще находят в себе оправдание или осуждение. Лежащая в основе всякого правопорядка обязанность личности подчинять свои цели целям общественным есть, несомненно, обязанность нравственная; и соответствующее этой обязанности право общества господствовать над личностью есть, без всякого сомнения, право нравственное по существу"³.

Считая, что естественное право не является совокупностью каких-то вечных и неизменных правил, которые следует неукоснительно проводить в системе действующего позитивного права, Е.Н. Трубецкой все же неизменным и вечным в естественном праве считает лишь закон добра. "Естественное право ... предписывает, чтобы каждое отдельное лицо пользовалось внешней свободой в тех пределах, в каких это требуется добром"⁴.

В качестве солидарности с Е.Н. Трубецким можно высказать следующее. Добро само по себе не однозначно. Если оно посягает на более высокое – свободу, то оно таит в себе зло.

Там, где добро становится самодавлеющим, оно перерастает в гипердобро, оно уничтожает свободу, уничтожает творчество. Как только

---

¹ Там же. С. 414.

² Там же.

³ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права... С. 415.

⁴ Там же. С. 417.

добрый человек водружается на пьедестал, он сразу же из "добрых побуждений" уничтожает в себе свободного человека. Добро, "увлекаясь с самим собой, пытается подчинить себе свободу. В этом случае оно превращается в форму идеологии, в декларированные, но не действующие принципы, оно становится насилием над человеком, переходит в его самонасилие. Н.А. Бердяев писал: "Рабство добра есть зло, и свобода зла может быть большим добром, чем добро принудительное"¹.

Наличие отдельных гениальных предвосхищений сущности права позволяет отнести Е.Н. Трубецкого к оригинальным мыслителям середины XIX – начала XX вв. Поэтому есть смысл полностью воспроизвести те положения современного исследователя жизни и творчества Е.Н. Трубецкого, в которых высоко оценивается оригинальная трактовка права философа и правоведа: "Во-первых, обращает внимание попытка определить право через свободу поведения личности. Именно такой поход в настоящее время признается наиболее перспективным при разрешении кризиса, в котором пребывает российское, да и зарубежное правоведение, так и не сумевшее до конца определиться с кардинальным вопросом о том, что же такое право, каковы его сущностные признаки. Понятно, что понимание права, предложенное Е.Н. Трубецким, не может быть воспринято современным правоведением, но, тем не менее, оно не может не учитываться в процессе дальнейшего поиска сущности и закономерностей развития права.

Во-вторых, подход к пониманию права, предложенный Е.Н. Трубецким, импонирует своей ориентированностью на права личности, на такой максимум ее внешней свободы, который обеспечивал бы активную деятельность личности и в то же время не позволял бы ей причинять вред другим людям. Права личности, ее свобода для Е.Н. Трубецкого суть самого права, и как только оно закрепляет иные ценности, чем личность, то неизбежно терпит крушение.

В-третьих, понимание права, даваемое Е.Н. Трубецким, выделяется последовательным гуманизмом, своей направленностью творить благо для других. Дело не только в том, что у Е.Н. Трубецкого право имеет своим законом всеобщий закон добра. Главное же видится в том, что добро является единственным разумным началом, которое вносит в жизнь какой-то смысл, приобщает ее к вечному и неизменному.

В-четвертых, следует отметить последовательное и аргументированное обоснование Е.Н. Трубецким исторического подхода к праву, его зависимости от конкретных условий места и времени. Конечно, автор в силу ограниченности философских позиций не смог провести и раскрыть этот принцип в своей работе, но теоретическое обоснование историзма в праве заслуживает самого пристального взгляда"².

---

¹ Русские философы. М., 1993. С. 67.

² Сырых В.М. Указ. соч. С. 379-380.

12. Кистяковский Богдан Александрович

Богдан Александрович Кистяковский родился в Киеве 4(16) ноября 1869 г. Сначала он учился дома, а затем в киевской гимназии. Когда ему было 17 лет, умер его отец, А. Ф. Кистяковский, оказавший на него большое нравственное влияние. Началась полоса неприятностей и неудач. Его исключили из киевской, а затем из черниговской гимназий, и экзамены на аттестат зрелости ему пришлось сдавать экстерном в Ревельской гимназии. Неудачны были и его попытки получить высшее образование. За поездку в Галицию (Австрию) для встречи с тамошними украинцами его исключают из Киевского университета, а затем из Харьковского и, наконец, Дерптского (Тарту) за пропаганду марксизма, с связи с чем он был осужден на год пребывания под надзором полиции.

По истечении этого срока Б.А. Кистяковский выехал в Германию и там поступил на философский факультет Берлинского университета, где под руководством известного философа Зиммеля изучал право и философию. Весной 1897 г. он поехал в Париж, чтобы поработать в библиотеке Сорбонны, а оттуда – в Страсбургский университет, где в 1898 г. защитил докторскую диссертацию на тему “Общество и личность”. В 1899 г. она была издана на немецком языке и была высоко оценена юристами, в частности Г. Еллинеком. Андрей Белый писал о Кистяковском, что его “сочинения по философии права гремели в Германии, в Москве Кистяковский был как-то затерт; он не был популярен здесь, за пределами тесного кружка фрейбуржцев, чтивших его вместе с Риккертром”.

В 1899 г. Б.А. Кистяковский вернулся в Россию. Начало века было периодом его научных исканий. Усилилось его критическое отношение к марксизму, о чем свидетельствует публикация в 1902 г. в сборнике “Проблемы идеализма” статьи о русской социологической школе права. По политическим мотивам жене Б.А. Кистяковского было запрещено жить в столицах, и супруги жили то в Боярцах под Киевом, то в Вологде. Б.А. Кистяковский иногда уезжал в Германию, где он познакомился с известным юристом Г. Еллинеком. Революция 1905 г. застала его семью в Гейдельберге. Манифест 17 октября был положительно оценен Б.А. Кистяковским, и в 1906 г. он с семьей возвратился в Россию. Поселившись в Москве, он активно сотрудничает в журналах, особенно продуктивно в журнале “Вопросы философии и психологии”, публикуя ряд статей, посвященных методологии современного правосознания. Анализируя уже существующие направления юридического позитивизма, социологическую теорию, психологическую школу Л. И. Петражицкого, исследователь в 1907-1910 гг. противопоставляет им методологию, четко разделяющую мир сущего и мир должного.

Преподавать в Московском университете Б.А. Кистяковскому не пришлось, так как он снова на полтора года уехал за границу, а по возвра-

щении в 1911 г. присоединился к тем 100 преподавателям, которые в знак протеста против политики министра просвещения Кассо ушли из университета. Он принял приглашение Демидовского юридического лицея в Ярославле читать там лекции по философии права. Жил он в Москве, но каждую неделю приезжал на два дня в Ярославль. Там он проработал до 1917 г. и очень полюбил этот город. Полагая необходимым получение научной степени в области права в России, Б.А. Кистяковский готовил магистерскую диссертацию. Она вызвала большой интерес и много откликов. Защищал он ее в Харьковском университете 5 февраля 1917 г. и сделал это с таким блеском, что ему была присуждена не магистерская, а докторская степень. Тут же он был приглашен и согласился принять кафедру государственного права в Киевском университете. В 1918 г. в Киеве был основан Украинский государственный университет, профессором и деканом юридического факультета которого стал Б.А. Кистяковский, продолжая работать и в университете св. Владимира. Когда была создана Украинская академия наук, Б.А. Кистяковский был в январе 1919 г. избран ее академиком. В конце 1919 г. он вместе с президентом этой академии В. И. Вернадским выехал из Киева на юг. Вместе с ним и друзьями – академиками Кистяковский ездил к генералу А. И. Деникину с целью отстаивать права академии. Во время этой поездки заболел, перенес операцию и умер в Краснодаре 16/19 апреля 1920 г., где и был похоронен¹.

По своим философско–правовым взглядам Кистяковский – неокантианец, его социология права – одно из высших достижений неокантианской социологии в дореволюционной России. “В философско-правовых воззрениях Б. А. Кистяковского, - отмечает В. С. Нерсесянц, - идея неокантианства и трактовка естественного права в духе ценностей либерализма, неотчуждаемых прав и свобод личности, правовой государственности и т. д. сочетались с религиозно-нравственным восприятием “правды социализма” (Н. А. Бердяев) в смысле необходимости справедливого решения социального вопроса и защиты неимущих на основе христианских представлений об осуществлении “солидарных интересов людей”².

Высшее научное достижение Б.А. Кистяковского – книга “Социальные науки и право” (М., 1916), куда в сильно переплавленном виде вошли лучшие статьи, написанные в течение двадцати лет³.

Подчеркивая очевидный социальный характер права, он утверждает, что сущность правовых норм состоит не в их внутренней ценности, а в том, что эти нормы постоянно и регулярно осуществляются в жизни. Дополняя мысль Иеринга о том, что право есть не простое должествование, но и исторический факт, Б.А. Кистяковский подчеркивал, что право есть и

---

¹ Подробно о нем см.: Василенко Н.П. Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. №№ 2, 4, 5.

² Нерсесянц В.С. Философия права... С. 517.

³ Сапов В.В. Главная книга академика Б.А. Кистяковского // Вестник РАН. 1994. Т. 63. № 3.

социальный факт. “Следовательно, - писал он, - кто хочет изучить право как социальное явление, тот должен брать право в его осуществлении или в его воплощении в социальный факт”¹. Можно сказать, что учение о праве всегда принимало во внимание и осуществление права. Вместе с учением о праве в объективном смысле (как совокупности норм) развивается учение о праве в субъективном смысле (право как известное отношение, как совокупность прав и обязанностей). По мнению Б.А. Кистяковского, учение о субъективном праве приближает исследователя к социальному пониманию права. Но традиционное учение о праве рассматривает субъективное право как производное от объективного, а это и мешает ему подойти к тем чертам правовых явлений, которые превращают их в социальные явления. “Напротив, при социально-научном изучении права надо признать осуществление права основным моментом для познания его, а соответственно этому исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях”².

Стремясь создать синтетическое понимание права, Б.А.Кистяковский выступает против позитивистской его трактовки, отмечая, что “к догматам традиционной теории права относится учение о всемогуществе закона. Часто думают, что закон обладает неограниченной властью над жизнью, он преобразует и формирует ее согласно своим требованиям. Юрист-позитивист и не имеет права иначе смотреть на отношение между законом и жизнью, так как с его точки зрения, каков бы ни был закон, т. е. как бы он ни противоречил жизни, он, прежде всего, составляет часть действующего права и должен быть применяем во всей своей полноте”³.

Рассматривая изданный закон скорее как набросок будущего желательного правопорядка, он строит свои рассуждения в соответствии с известным афоризмом о том, что приоритет принадлежит не тому, кто первый высказал ту или иную идею, а тому, кто сумел сделать ее плодотворной. Нужно, однако, признать, что плодотворной может стать лишь идея, предопределяемая практикой, а не иллюзией. Именно это обстоятельство заставляет, вероятно, его сделать такого рода признание: “Социально-научное изучение права не исключает догматическое изучение, а дополняет его. Юрист в первую очередь должен изучать действующее право как систему норм. Иными словами, юрист, прежде всего, должен знать законы и уметь обращаться с ними. Но для того, чтобы стоять на высоте современного уровня знания, юрист не только не должен забывать жизни, как говорили в старину, а и научно изучать “правовую жизнь”. Юристу-практику это необходимо и для наиболее справедливого применения действующего права”⁴. Заметим, что само по себе “знание жизни” еще не гарантирует от несправедливости в юридической практике. Справедливость

---

¹ История русской правовой мысли... С. 351.

² Там же. С. 352.

³ История русской правовой мысли... С. 354.

⁴ Там же. С. 358.

в сфере реализации права означает, прежде всего, беспристрастность при решении споров о праве, обоснованность выводов фактическими обстоятельствами дела, равенство всех перед законом, соразмерность преступления и наказания, соответствие между целями законодателя и средствами, избираемыми для их достижения.

В целом исследователь пришел к необходимости признания методологического плюрализма в правопознании, сформировав тем самым задачу, которая остается актуальной и в наше время¹.

В творчестве Б.А. Кистяковского демократичны были взгляды на права человека, правовое государство, задачи науки права. Его подход к этим вопросам вытекает из отношения государства и личности. Государство должно представлять народ, который является совокупностью личностей, но в реальности стремится заменить его, сделать народные массы своим послушным орудием, сделаться абсолютной властью. При этом кажется, что государство – это все, а личность – ничто. В действительности же государству никогда не удастся полностью подчинить себе личность, осознавшую себя. Такое осознание необходимо, чтобы государство стало конституционным.

Особенно настойчиво подчеркивалась необходимость строгого подчинения правительственной деятельности правовым нормам. Обосновывая важность связанности законами правительственной деятельности, Б.А. Кистяковский опроверг мнение немецкого государствоведа XIX в. Л.Ф. Штейна о том, что в определенных пределах правительственная власть в конституционном государстве свободна, т. е. не связана правом. По мнению Б.А. Кистяковского, такое решение никогда не устранило бы возможности произвола со стороны правительственной власти и, следовательно, “конституционное государство никогда не могло бы стать правовым”. Важной деталью его рассуждений является указание на то, что акты правительства, основанные на законе, должны издаваться только с той целью, которая преследуется законом, а не вопреки ей, тогда они целесообразны. Так, Б.А. Кистяковский писал: “В законченно развитом правовом государстве сильная власть и есть власть чисто правовая, сильная той прочностью и устойчивостью, которые гарантируют ей неукоснительное соблюдение норм права как со стороны власти имущих, так и подвластных”. Одновременно Б.А. Кистяковский подверг критике революционные теории, которые оправдывали насилие, усматривая в государстве организацию силы, а не права. Успехи идеи о парламентском пути построения социализма он объяснял влиянием именно теории правового государства.

Примечательно, что в дореволюционной юриспруденции были попытки поставить вопрос о социалистическом правовом государстве, о “юридических принципах”, свойственных буржуазному и социалистическому государствам. Б.А. Кистяковский полагал, что термин “правовое

---

¹ Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // В кн.: Социология в России XIX - начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1997. С. 112.

государство” служит для определения юридического характера государства. Он ставил социальное и экономическое строение государства выше его юридической природы и в этом видел принципиальное отличие социалистического государства от буржуазного. Называл социалистическое государство социально справедливым, народным, демократическим, высшим типом правового государства и отвергал существование в то время идеи о несовместимости социалистического государства с правовым. Нельзя не признать справедливым мнение Б.А. Кистяковского о том, что формальные правовые признаки, положенные в основание буржуазного правового государства, могут и должны быть использованы социалистическим государством, но применены и осуществлены более последовательно и глубоко. Среди таких двух основ правового государства, которые нуждаются в более совершенном их проявлении при социализме, он называл “субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной”. Б.А. Кистяковский писал о “полном единении государственной власти с народом”, о “самом последовательном и самом широком применении народовластия”, о расширении субъективных прав, проявлении новых видов прав “на услуги со стороны государства”, приближаясь к пониманию значения конституционного закрепления социально-экономических и культурных прав граждан¹.

13. Новгородцев Павел Иванович

Павел Иванович Новгородцев (1866-1924) – правовед, философ, социолог. По завершении обучения в Екатеринославской гимназии в 1884 г. он поступил на физико-математический факультет Московского университета, но уже спустя месяц перешел на юридический, который закончил в 1888 году со степенью кандидата наук. Оставленный для подготовки к профессорскому званию, Новгородцев около 4 лет провел за границей. Здесь он подготовил две диссертации: магистерскую (“Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба”) и докторскую (“Кант и Гегель в их учении о государстве и праве”). Первая из них защищена в 1896г. Новгородцев становится приват-доцентом Московского университета. С 1 февраля 1903 года он занял должность экстраординарного, а затем с 12 сентября 1904 года – ординарного профессора на кафедре энциклопедии права и истории философии права. Именно последняя стала главным предметом его занятий в течение всей последующей жизни. По философии права и ее истории Новгородцев опубликовал с 1896 года по 1918 годы свыше десяти учебников и учебных пособий. Правда, в дальнейшем круг

---

¹ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 141-159.

его научных интересов существенно расширился: он публикует фундаментальные исследования не только по философии права, но и праву конституционному, по актуальным политическим и правовым проблемам того времени.

Научная и педагогическая деятельность сочеталась в это время у Новгородцева с деятельностью общественной и политической. В 1902-1903 гг. он участвовал в деятельности журнала “Освобождение”, с 1904 г. становится членом Совета “Союза Освобождения”. В дальнейшем Новгородцев принял участие в создании партии кадетов. По ее спискам он был избран в I Государственную думу, в деятельности которой принимал самое активное участие. После разгрома Николаем II Думы Новгородцев подписал так называемый Выборгский манифест, за что был приговорен к 3-месячному заключению, лишен избирательных прав и уволен с государственной службы. Лишенный возможности преподавать в Университете, он становится профессором, а затем и ректором Московского коммерческого института. В 1907 году правительство вынуждено было пойти на уступку и с 1907 г. возобновилась работа Новгородцева в Московском университете. После поражения революции 1905-1907 гг. политическая активность Новгородцева ослабевает. Зато в эти годы он с исключительной интенсивностью отдается научной деятельности. Именно тогда выходят в свет его фундаментальные исследования – “Кризис современного правосознания” (1909) и “Об общественном идеале” (1917).

Будучи уже с начала своей деятельности теоретическим противником марксизма, Новгородцев в эти годы выступает как оппонент и открытый политический противник большевизма. Не удивительно, что после Октября он оказывается вынужденным уйти в подполье. 18 марта 1918 г. ЧК был выдан ордер на его арест. Поэтому Новгородцев окончательно переходит на нелегальное положение, а затем и покидает Москву. Покинув Москву, Новгородцев переезжает в Крым и некоторое время преподает в Симферопольском университете, а в 1920 г. эмигрирует за границу, в Берлин. Окончательно обосновавшись в Праге в 1921 году, он основывает там юридический факультет Российского университета и становится его деканом. В Праге Новгородцев написал свою последнюю статью – “Восстановление святынь”, которая завершается пророческими словами: “Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух”¹.

Основные сочинения П.И. Новгородцева: “История философии права” (1897), “Нравственные проблемы в философии Канта” (1903), “О задачах современной философии права” (1902)”, “Кризис современного правосознания” (1909), “Политические идеалы древнего и нового мира” (1917. Вып.1.). Основные области деятельности Новгородцева как философа пра-

---

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 580.

ва – исследования вопроса государства и права, проблем демократии, различных форм государственного устройства, правового государства, вопросов об общественном и личном, об общественном идеале и его трансформации от античности до нашего времени. В целом философия права Новгородцева – довольно широкая социально-философская концепция, в центре которой личность, ее идеалы и ценности. Новгородцев был одним из создателей русской философии права, в которую входили такие выдающиеся мыслители, как И. Ильин, Б. Вышеславцев, Н. Алексеев и впоследствии, за границей Г. Флоровский.

Ведущий специалист в области философии права В.С. Нерсесянц так определяет философско-правовые воззрения Новгородцева: “Его правовые взгляды находились под заметным влиянием кантианства и естественного права, необходимость возрождения которого является стержневой идеей всей его философско-правовой позиции. Вместе с тем он воспринял ряд отправных общефилософских и методологических принципов и конкретных положений гегелевской философии права, хотя и не в их ортодоксальной версии, а с индивидуалистически – либеральными поправками и оговорками кантианского и естественно-правового толка”¹.

Следуя принципам историзма в правоведении, Новгородцев полагал, что право есть начало, которое “постепенно осуществляется в истории”². Философское изучение права позволило ему, вслед за И. Кантом сделать вывод, что право, как историческое и общественное явление, следует рассматривать и как явление и закон личной жизни, как внутреннюю и нерушимую, свободную от вмешательства государства абсолютную ценность человека. Именно внутреннюю ценностную природу права имел в виду Новгородцев, когда отмечал, что силы, движущие право, скрываются внутри, действуют медленно и нигде не выступают явственно. Но при этом “право образуется, если и закономерно, то через людей и при посредстве их воли”³.

По мнению Новгородцева, право должно быть понято не только как факт социальной жизни, но также как “норма и принцип личности”. Именно так изучала его “старая философия права”. “Новая” же философия (Л.И. Петражицкий) пытается освободить себя от гипноза со стороны положительного закона и практического оборота⁴. Пока мы находимся в пределах психологических наблюдений, мы не выходим из области суще-

¹ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 528.

² Цит. по: Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С.34.

³ Цит. по: Корнев А.В. Указ. соч. С. 93.

⁴ П.И. Новгородцев писал о Петражицком в двух статьях: “Нравственный идеализм в философии права” и “Психологическая теория права и философия естественного права”. В первой он указывал на приоритет Петражицкого в области “реабилитации” естественного права, а во второй критиковал его за приверженность к “причинно – эмпирическому методу”. Вслед за Чичериным Новгородцев противопоставил этому нормативно-философский подход.

ствующего. А чтобы быть регулятором, право должно переходить к этике, к учению о должном, и “только здесь совершается необходимое завершение понимания права как нормативного требования”.

Из приверженности русских мыслителей к этической оценке права нельзя делать “антилегалистских” оценок русской мысли, не учитывая, например, следующее замечание Новгородцева: “Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы, - то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц”¹. И если обвинения русской мысли в “антилегализме” за то, что в ней, действительно, есть примеры формального разделения права и справедливости, до некоторой степени оправданы (Бердяев, действительно, отвергал “формализм закона” ради “свободы духа”, но закона “позитивного”), то отсутствие почтения к содержательной стороне правовой идеи о справедливости и святости человеческой жизни у русских философов не было никогда замечено.

В целом вся философско-правовая концепция Новгородцева пронизана стремлением утверждения нравственного идеализма в философии права. Этический момент в естественно-правовой конструкции заключается в том, что происходит оценка существующего положения с точки зрения нравственного долженствования. Новгородцев считал основным вопросом философии права вопрос о высших и последних основаниях юридических установлений. Человек видит в праве установление, зависящее от личной воли и в то же время составляющую часть нравственной субстанции. Исходя из этого, Новгородцев попытался сформулировать своеобразные основы русской философии права и ее отличие от западноевропейской:

1. “Высший идеал общественных отношений есть внутреннее, свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека.

2. Единственный, подлинный и совершенный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг для друга ответственности и их всепронизывающей солидарности”.

3. Задача права и государства – “возможно ближе подняться к действительному идеалу общественной жизни, воплощенному в Церкви в ее идеальном смысле, как месте внутреннего, свободного сожития людей, освященном и поддерживаемом божественной благодатью”.

4. “Поскольку Закон Божий, закон любви, есть высшая норма для всех жизненных отношений, право и государство должны черпать свой дух из этой высшей заповеди. Не раскол между правом, с одной стороны, и

---

¹ Цит. по: Шамшуринов В.И. Указ. соч. С.135.

нравственностью – с другой, как то провозгласила новая философия права, а новая, непосредственная связность права и нравственности и подчинение их более высокому религиозному закону образуют нормы социальной жизни”.

5. Жизненные противоречия непримиримы. “Личность и общество, равенство и свобода, право и нравственность... находятся в вечном антагонизме”. Разрешение и примирение социальных противоречий возможно лишь в конце мира, когда они будут пронизаны высшим светом божественной благодати. “Не естественным развитием человеческих отношений, а их чудесным перерывом, катастрофой и спасением мира мыслится в русских религиозно-философских инспирациях разрешение социальных противоречий”.

6. Никакими усилиями человеческой воли невозможно достичь абсолютной рационализации социальных отношений.

7. Религиозно-философская мысль руководствуется “не ожиданием грядущего рая на земле”, а сознанием неизбежного конца света¹.

П.И. Новгородцев был ярким представителем “возрожденного естественного права” и в своих трудах существенно раскрыл понимание данной доктрины через опыт исторической и позитивной школы. Новое направление философии права, выступающее под флагом “возрожденного естественного права”, отрицая возможность идеального правопорядка, который бы был годен везде и во все времена сходился со старым в одном – в априорности построения идеала. “В то время как английская политическая литература выработывала идеал правового государства, континентальной философии права выпала на долю не менее важная задача – отстаивать самостоятельность светской науки и утвердить самое понятие права на новых, независимых от богословия основаниях. Эту задачу приняла на себя школа естественного права, существенным признаком которой является стремление к отысканию высших нравственных критериев положительных установлений..., охраняемых властью и судами”, – указывал Новгородцев, выражая свое отношение к старой философии права и принципам историзма в правоведении². Главный недостаток старой философии права, по его мнению, заключался в неумении найти границы для понятия права. Историческая школа юристов не только не устранила это недоразумение, а напротив, способствовала его утверждению в науке. Исходной его целью было стремление доказать не действительность идеального, а идеальность действительного. Центр тяжести поисков и устремлений сторонников этого направления был перенесен в область положительного права. Вместе с тем само существование в праве нравственных начал, по словам Новгородцева, начинает казаться иным исследователям несбыточной мечтой, идеалом, сияющим издалека, подобно недостижимому созвездию. “Под влиянием Савиньи, Шталя и некоторых других писателей на естественное

¹ Русская философия права. Антология. С. 235-237.

² Цит. по: Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 196.

право до сих пор многие смотрят как на старое заблуждение, которому нет места среди теорий современной науки. Однако более внимательное изучение предмета показывает, что естественное право представляет собою неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права. Можно сказать даже, что по своей идее это и есть сама философия права”¹.

Новгородцев дает свое понимание естественного права: “Если мы примем во внимание, что естественное право обозначало собой систему принципов и норм, существующих от природы, помимо установления законодателя, и что настоящим источником этих норм всегда являлось внутреннее сознание отдельных лиц (или общественных групп), то мы должны будем определить рассматриваемое понятие как совокупность идеальных, нравственных представлений о праве”². При этом Новгородцев указывает на два существенных момента естественно-правовой идеи – “нравственная оценка положительных учреждений”, доходящая до протеста нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка и “стремление к философскому исследованию основ права”, высших и последних оснований юридических установлений³.

Сущность критических стремлений естественного права, по мнению Новгородцева, состояла в применении к праву нравственной оценки: “Естественное право поддерживалось сознанием, что правовые учреждения не безразличны для нравственных наших стремлений, но находятся с ними во взаимодействии и связи. Ему свойственно было убеждение, что право не только является средством к достижению известных практических целей, но служит вместе с тем и к удовлетворению высших моральных требований”⁴. В стремлении естественного права оценивать факты существующего с этической точки зрения Новгородцев видит задачу философии права, считая, что все теории и идеальные построения, которые последовательно изучаются, есть не что иное, как попытка критически отнестись к действительности и оценить ее с точки зрения идеала. “Этический критицизм”, следовательно, представляет собой сущность естественного права.

Противопоставление естественного права положительному у Новгородцева объясняется не только вечным противоречием идеала с действительностью, но также некоторыми особенностями положительного права, которое подчеркивает и обостряет это противоречие. Дело в том, что как бы ни были совершенны положительные законы, с течением времени они устаревают, а общественная жизнь в своем постепенном развитии уходит вперед и требует для себя новых определений и новых законов. Так или иначе, положительные законы не могут поспевать за движением истории.

---

¹ Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 64.

² Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999 С. 13.

³ Там же. С. 14-15.

⁴ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. С. 15-16.

В силу этого в жизни постоянно возникают конфликты между старым положительным порядком и новыми прогрессивными стремлениями. Из этих конфликтов, по мнению Новгородцева, и зарождается обыкновенно естественное право¹. “С точки зрения развитых здесь положений, - продолжает Новгородцев, - мы можем рассматривать естественное право как одно из проявлений связи права и нравственности”².

В русском дореволюционном правоведении по вопросу о соотношении права и нравственности наблюдалось две крайности. В одном случае эти понятия противопоставляли и разобщали, а в другом – отождествляли. Именно ко второму течению и принадлежал П.И. Новгородцев. Философско-правовой идеализм, к которому принадлежал он, осудил разобщение между правом и нравственностью. “Мы можем судить о праве, - писал Новгородцев, - во-первых, с точки зрения целесообразности (пригодности его для данных целей), а во-вторых, с точки зрения нравственности (соответствия с требованиями должного)”³.

При исследовании проблемы соотношения права и нравственности Новгородцев отталкивается от двух “элементарных аксиом” – потребность общения и противоречие частных стремлений (классовых и индивидуальных). “Право и нравственность являются силами, обуздывающими произвол человеческих страстей, вносящими мир и порядок во взаимные отношения людей и противопоставляющими эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости”, - утверждает он. Взаимно подкрепляя друг друга, продолжает философ - идеалист, они выполняют великое призвание – поддерживать основу общественности, т.е. ту связь отдельных интересов и стремлений, которая сплачивает людей в одно общее целое. “Ни право без нравственности, ни нравственность без права не могут рассчитывать на прочное существование и развитие”⁴. Находясь в неразрывной внутренней связи, они и развиваются совместно, повинуюсь общему ходу исторического процесса.

Так называемая теория “этического минимума” исходила из подчиненности права нравственности. Право рассматривалось как минимум нравственности, ее “низкий предел”. Новгородцев отчасти признает это, указывая, что “право находится под влиянием нравственности и отчасти воплощает в себе ее требования”. В то же время “не будучи всецело нравственным, право дает известный простор личным интересам и стремлениям, даже в их эгоистическом и своекорыстном проявлении. Напротив, нравственность представляет собой более чистое воплощение альтруисти-

---

¹ Там же. С. 16-17.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 15.

⁴ Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 104.

ческих начал, и соответственно с этим ее требования имеют более всеобъемлющий и безусловный характер”¹.

Новгородцев проводит два существенных различия, которые определяют границы нравственности и права. “Во-первых, право, по сравнению с нравственностью, отличается точностью и ограниченностью своих предписаний. Подобно нравственности, оно ограничивает произвол отдельных лиц, налагая на них известные обязательства, во избежание общих споров и столкновений. Но в то время как право ограничивает свои требования строго обозначенными пределами, устанавливая в каждом случае совершенно ясные и определенные предписания, нравственность, как мы понимаем ее в настоящее время, не ставит каких-либо границ для своих предписаний. Требуя от нас служения людям, исполнения законов любви, нравственность не определяет подробно ни формы, ни пределов этого служения, предоставляя нам самим найти в каждом отдельном случае соответствующий способ выполнения нравственных заветов. Для достижения нравственного совершенства нет, и не может быть никаких заранее установленных рамок; это область постоянного стремления к добру, высшая цель которого переходит за пределы всяких личных соображений и расчетов, чтобы торжествовать победу над эгоизмом в подвигах самозабвения и самопожертвования...В отличие от этого право и для наиболее важных обязанностей, возлагаемых им на нас, - например в области общественной, - всегда устанавливает сроки, размеры, формы, вводя, таким образом, свои предписания и определенные границы. Эта ограниченность права, по сравнению с безграничностью морали, является первой чертой их различия, заставляющего характеризовать юридическую область как минимум общественных предписаний. Вторая черта различия состоит в том, что нравственность не удовлетворяется, подобно праву, требованиями высших действий, но вменяет людям в обязанность также и добрые чувства, без которых исполнение ее заветов лишается истинной цены”².

В основе обособленности права и нравственности Новгородцев видит объективные процессы общественного развития: “Отделение права от нравственности вызывается развитием общественной жизни, когда более сложные отношения и более частые столкновения отдельных лиц заставляют позаботиться об установлении более твердых основ юридического оборота. Обособление нравственности от права обуславливается развитием личности, когда пробудившееся индивидуальное сознание отказывается следовать во всем принудительному руководству общества и требует для своей духовной жизни свободы убеждений и действий”³.

Границей, отделяющей право и нравственность, представляется Новгородцеву черта, ведущая к установлению правил, определяющих отноше-

---

¹ Там же. С. 105

² Новгородцев П.И. Право и нравственность. С. 106.

³ Там же. С. 107.

ния лиц друг к другу, иными словами, он различает правовые и нравственные нормы. Нормы нравственности указывают лишь общее направление человеческой воли, предоставляя нравственному чувству каждого отдельного человека определить подробности и избрать меру исполнения нравственных велений. “Высказывая заповедь любви к ближним, нравственность не определяет точно способов и размеров проявления этой любви. Все это предоставляется нравственной свободе. Отсюда постоянные и вполне допустимые колебания в исполнении нравственного закона, который у одних вызывает лишь слабую дань признания к его требованиям, у других – пожертвование всех своих сил и средств на служение нравственным целям. Внести сюда какие-нибудь точные требования – значит, извратить самую сущность нравственности, которая необходимо предполагает свободу каждого в исполнении нравственного закона”¹.

В противоположность нравственности право должно усвоить для себя твердые и определенные нормы, принудительно господствующие в обществе. Призвание права – устранять споры, возникающие в среде людей, поэтому оно должно вырабатывать точные и подробные правила, определяющие устои общественной жизни: “Предназначенное для того, чтобы создавать надежную почву для разрешения споров, право само должно быть бесспорным. Имея своей целью охранять отдельных лиц от произвола, оно не может зависеть от субъективного усмотрения судей. Оно должно быть свободным от изменчивых и временных колебаний личного чувства, ибо только в этом случае может оно служить задаче установления общественного мира. Оно должно установить определенные нормы, наделенные авторитетной непререкаемостью и неизменной последовательностью, применяющиеся ко всем случаям, которые под них подходят. В этих качествах – твердости и определенности – заключается главный залог успешного действия права в жизни; без них оно лишается своего существенного значения”².

Другой важнейший отличительный признак права и нравственности Новгородцев видит в их отношении к власти. “Беря на себя охрану права, власть снабжает его той силой организованного принуждения, которая составляет одну из основных черт его отличия от нравственности. Имея в виду обеспечивать наиболее важные и основные условия общежития, без которых сама жизнь в обществе была бы невыносима, право не может быть предоставлено в своем осуществлении свободному усмотрению частных лиц. Оно должно находиться под охраной общественных органов, которые, формируя его положения в виде общеобязательных норм, следят за их исполнением и карают за их нарушение. Угрозы, содержащиеся в законах, прямое побуждение к осуществлению юридических норм, наказание за их неисполнение – таков аппарат внешних средств, в которых выражается

---

¹ Там же.

² Новгородцев П.И. Право и нравственность. С. 107.

принудительный характер права и с помощью которых поддерживается его обязательное значение”. Идеалом же нравственности является “свободное осуществление закона независимо от контроля власти и силы принуждения”¹.

Таким образом, резюмирует Новгородцев, право всегда стремится к точным определениям и всегда связано с возможностью принуждения; нравственность требует для своего развития свободы. В истории случаются переходы юридических требований в моральные и наоборот. “Это объясняется, - указывает Новгородцев, - как постоянной победой принципа нравственной свободы над началом юридического принуждения, так и изменением взглядов общества на известные действия, которые то предоставляются чисто нравственному усмотрению, то берутся под охрану права”². Общие признаки, обуславливающие единство права и нравственности, вытекают, по мнению Новгородцева, из того разграничения двух областей, которое сделано выше. Новгородцев задается вопросом: в какой мере присущ праву нравственный элемент? – и дает довольно аргументированный и пространственный ответ.

С самого начала праву присущ известный примирительный характер между различными общественными силами с их разнообразными притязаниями. Из этой примирительной миссии права в обществе, развившемся в государство, возникает особый государственно-правовой интерес, который действует наряду с интересами отдельных общественных групп. Правящий класс, олицетворяющий государственный интерес, стремится сохранить союз с более могущественными общественными силами, в то же время принимая во внимание интерес других, более слабых общественных групп. Этой целью движет простой инстинкт самосохранения. “Этот страх перед будущим, сочетаясь с исконной примирительной миссией права, и создает ту систему взаимоотношений и сдержек, которую мы называем правовым порядком. Здесь-то, в этой неуверенности силы перед будущим и в этой потребности упрочить общественный мир на более твердых началах, и заключается источник для нравственных элементов в праве. Это делает возможным говорить о связи права с нравственностью и об отличии его от силы”, - указывает Новгородцев³. Ограничивающая и умеряющая роль права проявляется в том, что право вносит принципы ограничения и уравнения во взаимные отношения общественных классов и частных лиц. “Если бы право всецело прониклось началом справедливого уравнения всех, - отмечает Новгородцев, - оно воплотило бы в себе чистую идею правды. Право действительное никогда не может стать подобным чистым отражением справедливости, но столь же мало может обойтись без известного осуществления нравственных начал, которые составляют его существен-

---

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 109.

³ Новгородцев П.И. Право и нравственность. С. 110-111.

ную принадлежность. Без нравственных понятий взаимоограничения и обязанности нет права, а есть только сила, проявляющаяся произвольно и стихийно, подобно силам природы”¹.

Нравственный элемент права выражается у Новгородцева через этическую категорию справедливости, которая сама по себе есть сила, имеющая свойство подкреплять своим авторитетом другие силы, которые с ней соединяются. “Присутствие в праве этого нравственного элемента объясняет нам, - пишет Новгородцев, - почему оно постоянно приводится в связь с нравственностью и почему оно способно пользоваться не одним внешним, но также и внутренним авторитетом как явление, сопричастное нравственному миру... Юридический закон вообще не требует со стороны подчиняющихся ему лиц внутреннего настроения и удовлетворяется одним внешним исполнением; но если бы в известном обществе право осуществлялось исключительно из страха принуждения, если бы оно никогда не подкреплялось внутренним сознанием его справедливости, оно было бы в высшей степени непрочное и ненадежное”².

Глубокая взаимосвязь нравственных и правовых начал особенно прослеживается в публичном праве: “Все публичное право, вся область общественно-политических прав и обязанностей проникается при нормальных условиях известным нравственным духом, вносящим животворные начала в общественную жизнь. Этот нравственный дух, возводящий чисто юридическое исполнение закона до степени нравственного служения долгу, не может быть вызван, конечно, законодательными предписаниями и принудительными мерами; он обуславливается наличием в обществе сознания обязанности и чувства преданности общему делу”³. В поддержке нравственного сознания нуждается и частное право.

Будучи историком философии права, Новгородцев с полным основанием утверждает, что исторически можно проследить, как нравственное начало уважения и любви к ближнему, влияя на законодательство, постепенно видоизменяло действующее право: “Сочетая свое действие с действием других прогрессивных сил истории, оно способствовало усовершенствованию права в смысле приближения его к нравственному идеалу”⁴. Не только нравственность оказывает разнообразное и могущественное воздействие на право, но и право, в свою очередь, имеет чрезвычайно важное значение для развития нравственности: “В общем развитии человеческой культуры праву принадлежит та великая заслуга, что оно вносит в общественные отношения твердость и устойчивость, неизвестные ранее... Только организация твердого правового порядка вносит в общество прочное и устойчивое замирение различных общественных элементов...Под

---

¹ Там же. С. 111.

² Там же.

³ Новгородцев П.И. Право и нравственность. С. 112.

⁴ Там же.

охранительной сенью закона, обеспечивающего внешний порядок, утверждаются и упрочиваются и связи нравственные”¹.

Право и нравственность раскрываются во всей своей сущности и действительности в прочном взаимодействии и взаимовлиянии: “Там, где право отказывается давать какие-либо предписания, выступает со своими велениями нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей является право со своими средствами внешнего принуждения”².

Из идеи нравственного категорического императива и учения о естественном праве с необходимостью вытекало и следующее положение Новгородцева. Между личностью, которая вечно связана обществом и вне его не существует, и обществом имеются вместе с тем неустранимые антинормативные противоречия, а это значит, что никогда нельзя достичь их гармонии. Не от общества – к личности, но от личности – к обществу – вот реальный путь освобождения. Свобода личности есть предпосылка и условие освобождения общества. Соглашаясь со своим современником и во многом единомышленником Н.А. Бердяевым, Новгородцев постоянно подчеркивал, что совершенствование общества с необходимостью предполагает нравственное совершенствование личности, расширение и укрепление ее свободы, ее стремление к абсолюту.

С точки зрения политической оптимальные условия для такого совершенствования создаются правовым государством. Именно оно способно объединить все классовые и групповые интересы в той мере, конечно, в которой это вообще возможно. Правовое государство способно обеспечивать юридически и охранять интересы каждого члена общества. Все это осуществить правовое государство может потому, что не только граждане, но и само государство в лице своих органов следует высшим нравственным принципам, в равной мере распространяя их на всех без исключения.

Именно в таком государстве достигается максимально возможная “противоречивая гармония” личности и общества: “Если теоретики и сторонники правового государства признают его бессилие немедленно и до конца разрешить общественные противоречия, удивительно ли, что его критики и противники говорят о его полной непригодности для идеальных целей. Если историческое развитие государства в его отношении к запросам личности обнаруживает его неспособность удовлетворить все эти запросы, надо ли удивляться тому, что мысль ищет этого удовлетворения в представлениях об иных формах жизни, что пылкие человеколюбцы снова хотят увлечь людей блаженством социалистического рая, свободой анархического федерализма, подвигом свободной теократии”³.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 113.

³ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 256-257.

Идеи естественного права и правового государства П.И. Новгородцева органически вошли и значительно обогатили отечественную дореволюционную правовую мысль.

14. Петражицкий Лев Иосифович

Мысль о том, что юриспруденция есть явление, связанное с человеческой психикой, что в душах людей или психологии различных социальных групп формируется или отражается право – не нова. Но только в начале XX века складывается самостоятельное направление юридической науки – психологическая школа права. Наиболее ярким представителем этого течения в юриспруденции является Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931). Лев Иосифович Петражицкий родился в 1867 году в польской дворянской семье в Витебской губернии¹. Первоначально Л.И. Петражицкий учился на медицинском факультете Киевского университета, затем перешел на юридический.² По окончании университета Л.И. Петражицкий продолжает образование в Германии. Он был учеником Дернбурга, крупнейшего специалиста по римскому праву, обучаясь в так называемой "римской семинарии", готовившей профессоров римского права. Магистерская диссертация Л.И. Петражицкого 1892 г. была посвящена некоторым аспектам учения о доходах с точки зрения догмы римского права. Научным итогом работы в Германии в этой отрасли правоведения стала его монография "Учение о доходах". От догмы римского права через современную ему цивилистику Л.И. Петражицкий подошел к вопросам общей теории права. Построением этой теории он занялся по возвращении в Россию. В 1896 году он преподавал в Киевском университете. В 1897 году он защитил тезисы докторской диссертации по теме "Акционерные общества" и стал ординарным профессором права в Петербургском университете, возглавив кафедру энциклопедии права. Молодой правовед пришел на смену Н.М. Коркунову, чей курс "Лекций по общей теории права" считался одним из лучших в Европе.

По возвращении в Россию Л.И. Петражицкий включился в активную политическую деятельность. Он стоял у истоков партии кадетов и до 1915 года входил в ЦК этой партии. Избранный от этой партии депутатом Первой Государственной Думы он активно участвовал в законопроектной деятельности. Л.И. Петражицкий, как и многие депутаты Государственной Думы после ее разгона, подписал известное "Выборгское воззвание". Оно призывало граждан России протестовать против беззакония посредством неуплаты налогов и отказа от воинской повинности. Как и все подписав-

---

¹ Карбонье Ж. ошибочно указывает, что Л.И. Петражицкий родился в Польше. См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 112.

² Медушевский А.И. ошибочно указывает, что Л.И. Петражицкий получил образование в Польше. См.: Медушевский А.И. История русской социологии. М., 1993. С. 206.

шие воззвание, Л.И. Петражицкий был осужден на три месяца тюремного заключения и лишен политических прав. Научная и политическая деятельность Л.И. Петражицкого, тем не менее, развивалась очень интенсивно. До 1915 года он оставался членом ЦК партии кадетов, продолжал преподавать в Санкт-Петербургском университете, будучи первым избранным деканом юридического факультета. За период 1898-1907 гг. Л.И. Петражицкий завершил оформление своей научной концепции, построив ее на принципе единства психологии и юриспруденции с учетом традиций естественного права. В сфере психологии Л.И. Петражицкий проявил себя незаурядным исследователем и уверенно занял самостоятельную тщательно проработанную позицию в учении об эмоциях. Существенно, что современная отечественная психология анализирует положения Л.И. Петражицкого, признавая их ценность. Поставив вопрос о необходимости новой теории права, которая преодолела бы традиционно-ремесленный уклон в юриспруденции, Л.И. Петражицкий утверждал, что новые идеи в области права может дать такая наука, как психология в процессе возрождения естественного права.

К 1909-1910 гг. можно с определенностью говорить о “школе Л.И. Петражицкого”. Ни одна из крупных концептуальных работ, посвященных праву, принадлежащих к иным направлениям, не обходится без анализа доктрины этого юриста. Таковы труды представителей неокантианского направления – П.И. Новгородцева, С.Н. Трубецкого, представителей юридического позитивизма – Г.Ф. Шершеневича, В.И. Сергеевича. Активной была издательская деятельность Л.И. Петражицкого в Санкт-Петербурге. С 1901 по 1915 гг. он входит в редакционную коллегию еженедельной газеты “Право”. На ее страницах в 1902 году он развертывает дискуссию с В.М. Гессеном и П.И. Новгородцевым по вопросу о том, какой должна быть методология естественного права в XX в. Активно работал редактором журнала “Юридический вестник” с 1900 по 1917 гг. Им было организовано издание сборников “Новые идеи в правоведении” периода 1914-1916 гг., на страницах которых излагали свои идеи не только последователи Л.И. Петражицкого (П. Сорокин, П.Е. Михайлов, Г.А. Иванов), но и сторонники социологической концепции права (Ю.С. Гамбаров), юридического позитивизма (П.И. Люблинский), печатались молодые авторы. После Февральской революции Министерство юстиции Временного правительства назначило с 1 мая 1917 года Л.И. Петражицкого (наряду с другими юристами Ф.Ф. Кокошкиным, Ю.С. Гамбаровым) сенатором первого департамента Правительствующего сената с оставлением ординарным профессором Петроградского университета. Первый департамент сената предполагалось превратить в высший кассационный орган административной юстиции, т.е. в Высший административный суд. Однако Л.И. Петражицкий не проявил активности в этой должности. После Октябрьской революции в 1921 году Петражицкий принял польское гражданство на основе Рижского договора 1921г. об оптации. Университеты Германии и Чехословакии

предлагали ему кафедры, однако он предпочел Варшавский университет, где для него была специально создана кафедра социологии. В эти же годы Россию покидает группа его учеников, среди них будущая звезда социологии П. Сорокин, завоевавший мировую известность, а также такие известные специалисты в области социологии права как, Г. Гурвич, Н. Тимашев. Л.И. Петражицкий в годы реакционного военного режима занимался сугубо преподавательской деятельностью. Номинально он числился членом комиссии по кодификации. Тяжелая болезнь и, возможно, общий ход развития исторических событий породили в Л.И. Петражицком настроения глубокого пессимизма. В 1931 году он покончил с собой. В период второй мировой войны при разгроме Варшавского восстания погибли рукописи Л.И. Петражицкого. Однако созданного им оказалось достаточно, чтобы на протяжении всех десятилетий XX в. привлекать внимание мировой юриспруденции.

Столкнувшись с многообразными выражениями права, Петражицкий решил сделать современным фундаментом правоведения психологию. По-видимому, известную роль в этом выборе сыграло влияние немецкой психологической школы, с которой российский ученый познакомился во время проживания в Германии. В первую очередь здесь следует упомянуть Вильгельма Вундта, одного из основателей экспериментальной психологии, на труды которого Л.И. Петражицкий ссылался очень часто. Петражицкий исходит из мысли о праве как психологическом феномене. Для него право – субъективное явление, коренящееся в душах индивидов. Как позитивист Л.И. Петражицкий начинает строить свою концепцию с психики индивида, поскольку нравственность и право непосредственно запечатлены не в текстах юридических догм, а в психических состояниях субъекта – прямом источнике всех поступков человека. Петражицкий разработал собственную концепцию, в которой ключевыми понятиями стали эмоции. Он определил эмоцию как специфический, нерасторжимый процесс возбуждения – торможения в человеческом организме, возникающий при взаимодействии людей по поводу духовных и материальных благ. Эмоции "могут быть охарактеризованы как пассивно-активные, страдательно-моторные переживания, или как моторные импульсивные раздражения"¹.

Сложный двусторонний состав эмоций Петражицкий показал сначала на тех из них, которые обеспечивают жизнедеятельность, поддержание существования человеческого организма: это, например, эмоции голода, жажды, потребность во сне, полового возбуждения. Претерпевательное состояние организма (ощущение недостатка в пище, воде, сне) является сигналом, импульсом к приведению человеческого организма в состояние активности, возбуждения (моторности, по словам Л.И. Петражицкого). Эмоция, как состояние "претерпевания – возбуждения", взывала к действию, к поиску пищи, воды, убежища для сна. Указав на первичные, жизнеобеспечительные эмоции, которые "играют в жизни животных и человека роль

---

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 21.

главных и руководящих психических факторов приспособления к условиям жизни" (первая группа эмоций), Петражицкий выделил вид эмоций, более сложных по содержанию и, следовательно, по компонентам: "односторонние переживания, распадающиеся, в свою очередь, на: а) односторонние – пассивные, познавательные и чувственные и б) односторонние – активные, волевые".¹

Более сложный вид эмоций существенно отличается по содержанию тем, что это не потребности физического организма, а особые состояния в социальной среде, направленные на другого человека или социальный организм, т.е. "этические эмоции". Активная сторона таких эмоций заключается в том, что человек находится в состоянии моторного возбуждения, переживает побуждение к действию в пользу другого человека или общественного учреждения. "Специфическое эмоциональное состояние личности, - указывает С.А. Пяткина, - характеризуется наличием импульсов к действию в пользу индивида, социальной группы, общества, было возведено Л.И. Петражицким в степень права"². Этические эмоции, побуждающие к действию в пользу индивида и носящие активный характер и определяющие соответственно поведенческую основу, Петражицкий связывает с нормативным регулированием, называя их абстрактными или бланкетными эмоциями, вызывающими нравственное и правовое поведение"³. "Все императивные моторные раздражения, - продолжает далее Петражицкий, - представляют бланкетные, абстрактные импульсии. Они сами по себе не определяют нашего поведения, а действуют подобно импульсиям, возбуждаемым просьбами, приказами и т.д., в пользу или против того поведения, представление которого переживается в конкретном случае в связи с императивной (аппульсивной или репульсивной) эмоцией"⁴.

Бланкетные эмоции порождают два вида переживаний, которые ведут к выполнению нравственных и правовых переживаний. Те переживания, в связи с которыми человек свободен по отношению к другим, в связи с которыми другим лицам ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, являются нравственными. Те же обязанности, в связи с которыми человек сознает себя несвободным по отношению к другим, в связи с которыми то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне как нечто должное, являются правовыми.

Эти положения облачены у Петражицкого в следующие слова: "Сильные, заметные и поддающиеся (непосредственному или воспоминательному) наблюдению и изучению правовые моторные возбуждения имеют место в тех случаях, когда в нашей психике происходит борьба

---

¹ Там же. С. 22.

² Пяткина С.А. Лев Иосифович Петражицкий. Жизнь и творчество // История русской правовой мысли... С. 232.

³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства ... С. 29.

⁴ Там же. С. 53.

между сознанием нашего правового долга по отношению к другому – права другого по отношению к нам (соответствующих импульсий), с одной стороны, и какими – либо искушениями (иными импульсиями), действующими в пользу нарушения долга, попрания долга другого, с другой стороны... Иной специфический характер, нежели правовые эмоции, имеют моторные возбуждения, входящие в состав нравственных переживаний. Если мы приписываем себе обязанность к известному поведению как к таковому, а не как к доставлению другим им причитающегося, к удовлетворению их притязания, то подлежащие импульсии представляют не преходящие, авторитетно-экстрактивные эмоции, не авторитетные добывания предоставляемого другим от нас, а внутренние (в установленном выше смысле) авторитетные побуждения к соответствующим действиям без представительного по отношению к кому-либо характера"¹.

Петражицкий так представляет отличие правовых переживаний от нравственных: "Правовые переживания, - отмечает он, - в которых отсутствуют атрибутивные интеллектуальные дополнения – представления субъектов права и того, что им причитается, - по своему интеллектуальному составу ничем не отличаются от нравственных. Единственное различие состоит в характере эмоций, в атрибутивной природе переживаемого моторного возбуждения"². С его точки зрения, правовая эмоция возникает лишь у субъектов, имеющих право требовать выполнения обязанностей. Моральное переживание односторонне, оно – лишь чувство обязанности; правовая эмоция двусторонняя, притязательна, она – переживания, связи, объединяющие правомочие и обязанность. Результатом правового переживания является определенное мысленное содержание – правовая норма, выражающая заключенную в правовой эмоции "реально-психологическую связь обязанности и правомочия. Сообразно с этим, заявляет Л.И. Петражицкий, "мы под правом в смысле особого класса реальных феноменов будем разуметь те этические переживания, эмоции которых имеют атрибутивный характер"³. "Наши права суть закрепленные за нами, принадлежащие нам, как наш актив, долги других лиц, - указывает Л.И. Петражицкий. – Права и правоотношения в нашем смысле не представляют, таким образом, чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей... То, что с точки зрения обременения, пассива одной стороны называется ее правовой обязанностью, с точки зрения активной принадлежности другому называется ее правом, а с нейтральной точки зрения называется правоотношением между той и другой стороной"⁴. Понимаемые таким образом правоотношения и составляют, по мнению Л.И. Петражицкого, ядро права.

---

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства ... С. 68, 73.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 58.

В своем исследовании В.Д. Зорькин отмечает, что в целом теория права Л.И. Петражицкого несостоятельна: “Это проявляется прежде всего в том, что он отрицает объективный характер права как определенного, не сводимого к индивидуальной психике общественного порядка, как объективного социального явления. В его теории право трактуется всецело как элемент субъективной психики”¹. В подтверждение этого приводятся слова самого Л.И. Петражицкого: “Из совсем иной точки зрения, а именно из отрицания реального существования того, что юристы считают реально существующим в области права, и нахождения реальных правовых феноменов, как особого класса сложных, эмоционально – интеллектуальных психических процессов, в совсем другой сфере (в сфере психики индивида, совершающего упомянутые проекции) исходит наше понятие права и вообще излагаемое учение о праве”².

Возвращаясь к вопросу о соотношении права и нравственности в теории Петражицкого, отметим следующее. В сущности, различия между ними сводятся к одному главному – между чисто императивным характером нравственных импульсов и соответствующих им норм и императивно-атрибутивным характером права. “Императивность”, согласно мнению Петражицкого, это сознание обязанности, долга, “атрибутивность” – притязание, сознание “своего права”. В нравственности важен императив, т.е. мотивы обязанности, в праве же главную роль играет атрибутивность, т.е. момент удовлетворения от исполнения обязанности, поэтому нравственность зависит от субъективных намерений человека, тогда как в праве на первое место выходят объективные результаты. Право допускает возможность представительства, участие в делах других лиц, тогда как нравственность это исключает. Нравственно ориентированная психика ожидает добровольного выполнения обязанностей и поэтому реагирует мирно на их неисполнение, правовая – рассчитывает на непременно исполнение и на неисполнение реагирует гневно, мстительно, требуя принудительного исполнения.

Главной особенностью теории Петражицкого является вывод, что именно поэтому роль права в общественной жизни гораздо важнее роли нравственности. С точки зрения массового поведения, рассуждал автор, активная этическая мотивация (т.е. сознание правомочности) имеет большее значение, чем пассивная этическая мотивация (сознание нравственного долга). Только благодаря правовой психике создается “прочная координированная система вызываемого правом социального поведения, прочный и точно определяемый (социальный) порядок, на который можно полагаться и рассчитывать в области хозяйственных и иных планов и предприятий”. Нравственность ориентирует человека на личное совершенствование и тем самым не может быть фундаментом социальной дисциплины и хо-

---

¹ Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. С. 200.

² Петражицкий Л.И. Теория права и государства ... С. 86.

зайственного, рыночного расчета. Между тем, у собственника должна быть твердая уверенность в своих правах.

То обстоятельство, что задолго до появления внешних нормативных регуляторов наша психика фактически регулировала человеческие поступки, которые являли собой реализацию прав и обязанностей людей относительно друг друга, для Петражицкого было важнейшим доказательством духовной сущности права. Право, существовавшее до появления нормативных регуляторов и помимо них, он предложил для большей точности определить не термином “естественное право”, а термином “интуитивное право”.

Интуитивному праву как первичному внутреннему регулятору человеческого поведения было дано следующее определение: “Человеческой психике свойственна тенденция вырабатывать и давать определенные интуитивно-правовые решения на те вопросы, которые сознаются как вопросы причинения добра или зла другим или получения известных благ, известных плюсов, или испытания зол, обременения известными минусами со стороны других”¹. Противоположностью интуитивному праву, по мнению Петражицкого, является позитивное право. Позитивное право предполагает соответствующие императивно-атрибутивным переживаниям ссылки на “нормативные факты”, т.е. внешние источники (кодексы, законы, обычаи и т.д. правила, установленные или санкционированные государством или какой-либо другой организацией, группой, обществом). В интуитивном праве отсутствует какая-либо ссылка на такие нормативные факты. Это право – результат как бы чисто внутреннего, интуитивного самоопределения индивида. Логически это приводит к тому, что существует столько систем интуитивного права, сколько существует индивидов. Деление на интуитивное и позитивное право в теории Л.И. Петражицкого напоминает деление на положительное и естественное право. Интуитивное право является как бы лабораторией всего права и критерием оценки и эффективности, действительности позитивного права.

Вообще концепция интуитивного права является фактически основным звеном теории права Л.И. Петражицкого. Именно интуитивное иррациональное право составляет глубинную основу всего права. По мнению Л.И. Петражицкого, официальное право представляет “совершенно микроскопическую величину” по сравнению с тем необъятным множеством житейских случаев, которые регулируются неофициальным и тем более интуитивным правом. Именно последнее с его неопределенными масштабами и расплывчатыми предписаниями “действовать по справедливости”, “без лицепрятия”, “по доброй совести” и т.п. является в рассматриваемой теории подвижным, живым, гибко реагирующим на запросы жизни правом, и поэтому его роль в жизни общества должна все более увеличивать-

---

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства ... С. 389.

ся. Напротив, позитивное право устойчиво, шаблонно, склонно к окамене-нию и отставанию от духовных, экологических и других потребностей общества. Отсюда следовал категорический вывод, что официальное право, как в целом и позитивное, нарушающее аксиомы интуитивного права, утрачивает справедливый и действенный характер и подлежит отмене. В этих взглядах отразился критический подход ученого к тогдашнему праву царской России. Для преобразования последнего, считает Петражицкий, необходима особая научная политика – “политика права”, которая вклю-чала бы в себя план постепенных государственно-правовых реформ в сфе-ре педагогики правовых эмоций, борьбу за право, высокую юридическую культуру чиновников и простых граждан. “Страницы о важности создания политики права, - отмечает в своем исследовании Н.М. Азаркин, - как аль-тернативы идеям возрождения естественного права в работах Петражицко-го, без сомнения, носят новаторский характер”¹.

Теория Л.И. Петражицкого приобрела широкое признание в начале века в России, а позднее – и за ее пределами. Наиболее известными его учениками в Польше стали Е. Лянде, Г. Пионтка и А. Подгурецкий; в Ки-тае – Г.К. Гинс; в США – П. Сорокин и Н. Тимашев”².

15. К истории российской науки полицейского права

Закон РФ от 24 июня 1993 г. "О федеральных органах налоговой по-лиции" восстановил в правах в отечественном законодательстве и в адми-нистративно-правовой науке понятие "полиция". Вслед за этим в отече-ственных научных исследованиях были поставлены вопросы об органах полиции, полицейской функции государства, полицейской деятельности и полицейском праве³. Известно, что полицейское право в Российской импе-

---

¹ Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С.433.

² Спиридонов Л.И., Честнов. И.Л. Л.И. Петражицкий: жизнь и научное наследие // В кн.: Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск, 1993; Его же. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. №6; Полицейское право как подотрасль админи-стративного права // Бельский К.С. Феноменология административного права. Смо-ленск, 1995; Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998; Полицейское право в дореволюционной России: Сборник. СПб., 1998; Русский период генезиса административно-правовой науки // Агапов А.Б. Учебник административного права. М., 1999; Горожанин А.В. Взаимосвязь учения о полиции и государстве в истории правовой мысли. СПб., 1999; Российское полицейское (админи-стративное) право. Конец XIX – начало XX в.: Сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999; Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И. Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. №12; Тихомирова М.Л. К вопросу о сущности полицейского права // История государства и права. 2001. №5; Старилов Ю.Н. Вместо введения. К истории развития административного права //

рии являлась отраслью законодательства и научной дисциплиной¹. Полицейское право стало прообразом современного административного права, его предметом являлось изучение внутреннего управления государства.

Российский полицейист П. Шеймин в своей статье отмечает, что "в московский период не было сочинения по вопросам внутреннего управления. В XVIII столетии сочинения Вольтерского, Татищева, Посошкова, Абрамова, трактовавшие о делах внутреннего управления, были достоянием тесного кружка. Литература о полиции развивалась у нас лишь в XIX в."². Здесь следует отметить, что к началу XIX века были переведены и опубликованы работы известных зарубежных полицейистов³, а в 1809 г. профессором Харьковского университета Якобом на немецком языке была опубликована работа "Принципы полицейского законодательства".

Первый российский труд, касающийся полицейского права, принадлежит П. Гуляеву⁴. Представив во введении краткий исторический очерк русской полиции, автор в первой части систематически излагает законы, определяющие устройство полицейских органов, и перечисляет вверяемые им предметы ведомства, а во второй части – права, предоставляемые гражданам. Точность и верность выбора материала в то время, когда еще полного собрания законов не было, довольно логичное изложение фактов и умение лаконично представить обширные законоположения сделали книгу П. Гуляева в то время не только полезной, но и необходимой.

Государственный совет 10 января 1832 г. рассмотрел 15 томов Свода законов и 46 томов Полного собрания законов Российской империи. Было

Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002.

¹ См.: Шеймин П. Задача, содержание и история науки полицейского права. Одесса, 1887; Окольский А.С. О понятии полицейского права // Варшавские университетские изв. 1894. Т.6; Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897; Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Т.1: Обзор истории административного права и истории его литературы. Вып.1. Ярославль, 1898; Шеймин П. Полиция // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Полутом 47. СПб., 1898; Ивановский В.В. Наука административного права в ее прошлом и настоящем // Журнал министерства юстиции. 1903. №11; Загряцков М. Полицейское право // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Изд. 11-е, стереотипное. Т.32. М., [Б.г., настоящий том составлен до Октябрьской революции и печатан по матрицам].

² Шеймин П. Полиция... С. 324-325.

³ Юсти И. Принципы полицейской науки. Рус. пер. А.С. Волкова. СПб., 1770; Юсти И. Основания силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. В 3 т. Рус. пер. И. Богаевского. СПб., 1772-1778; Зонненфельс И. Начальные основания полиции или благочиния. Рус. пер. Гаврилова. М., 1787.

⁴ Гуляев П. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российской империи по их состояниям в отношении к полиции. М., 1824. (2 изд., М., 1827; 3 изд., СПб., 1832).

принято решение ввести в действие Свод законов с 1 января 1835 года. Первое издание Свода законов было осуществлено в 1832 г., за ним последовали два полных (1842, 1857) и шесть неполных (1833, 1876, 1885, 1886, 1889) изданий. Свод был издан в 15-ти томах, объединенных в 8 книг. В частности, книги 6-я и 7-я включали законы полицейские: 6-я ("Уставы государственного благоустройства") – уставы духовных дел иностранных исповеданий, кредитный, торговый, промышленный (т.11); уставы путей сообщения, почтовый, телеграфный, строительный, положения о взаимном пожарном страховании, сельском хозяйстве, найме на сельские работы, трактирных заведениях, благоустройстве в казачьих селениях, колониях иностранцев на территории империи (т.12); 7-я ("Уставы благочиния") – уставы о народном продовольствии, об общественном призрении, врачебный (т.13); уставы о паспортах, о беглых, цензурный, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, ссыльных (т.14). С самого начала законодатель установил, что структура Свода должна оставаться неизменной, даже если меняется содержание отдельных законов. Этот принцип соблюдался на всем протяжении истории Свода, т.е. до 1917 года¹.

В 1835 г. в российских университетах было введено преподавание полицейского права в виде самостоятельной кафедры законов государственного благоустройства и благочиния. Учебный курс полицейского права в соответствии с общим уставом университетов Российской империи подразделялся на два основных раздела: государственное благоустройство (благосостояние) и государственное благочиние (безопасность).

В 1840 г. в переводе Н.Ф. Рождественского (1802-1872) выходит из печати книга Р. Моля "Полицейская наука в соответствии с принципами правового государства" (1832). В том же году Рождественский опубликовал свою работу, в которой поставил себе задачей сопоставить сочинение Р. Моля с главными началами русского полицейского законодательства, имеющимся в Своде законов Российской империи². Спустя несколько лет был издан еще одна работа полицейиста, посвященная законам государственного благоустройства и благочиния³.

В 1856 г. появляется исследование профессора Харьковского университета И.В. Платонова (1803-1890)⁴. В результате своего исследования он приходит к выводу о том, что целью государства необходимо признать не только обеспечение права, но и достижение "общественного блага", и что меры правительства, "направляемые для доставления народу благосо-

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков. Т.6. М., 1988. С. 18-20; Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 2-е изд. М., 2001. С. 392-395.

² Рождественский Н.Ф. Основания государственного благоустройства с применением к российским законам. СПб., 1840.

³ Он же. Законы государственного благоустройства и благочиния. СПб., 1847-1848.

⁴ Платонов И.В. Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. Харьков, 1856.

стояния", должны составить особую ветвь законодательства. Далее, Платонов рассмотрел вопрос о том, какое место занимают русские законы о "благоустройстве и благочинии" в своде законов, и, соответственно, какое место должна занимать наука о благоустройстве и благочинии в ряду других юридических наук в России.

В 1858 г. профессор Московского университета В.Н. Лешков¹ (1810-1881) опубликовал капитальный труд². Основная идея, положенная в основу этого сочинения, заключалась в том, что начала самоуправления и самодеятельности составляют краеугольный камень истории русского народа. Центром самоуправления на Руси являлась община, и книга содержала разбор этого важнейшего социального института в его отношении к коренным устоям национальной государственности. В.Н. Лешков исследовал, прежде всего, организационно-управленческие аспекты в деятельности русской общины, достаточно рельефно показал ее место в системе складывавшегося на Руси государственного управления. Занимая кафедру полицейского права в Московском университете, он выступил в своих работах против полицейского права в трактовке ученых полицейстов XVIII – первой половины XIX вв. и их русских последователей, среди которых наиболее заметным был И.Е. Андреевский. Центр полицейской и управленческой деятельности В.Н. Лешков предлагал перенести в общину. В его представлении община должна стать основной управленческой структурой, а общинные отношения регулироваться действиями тех правовых норм, которые у него образуют так называемое общественное право. Таким образом, В.Н. Лешков разрабатывает правовую составляющую учения славянофилов об общине.

В общей части "Общественного права" исследовалось воздействие материального и духовного бытия народа на публично-правовые институты, соотношение общегосударственных институтов и личных прав. Среди источников учебного курса упоминались не только нормы действующего отечественного и зарубежного права, но и памятники духовной и исторической науки, отражающие быт и психологию народных масс. Проблемы отношения церкви и государства, влияние источников вероучения на развитие народа и общества рассматривались в качестве важнейшего атрибута предлагаемого курса. По мнению В.Н. Лешкова, министерство народного просвещения должно заменить преподавание университетского курса по-

---

¹ О В.Н. Лешкове и его творчестве см.: Емельянова И.А. "Общественное право" В.Н. Лешкова // Правоведение. 1987. № 6; Бельский К.С. Выдающийся русский ученый-полицейст В.Н. Лешков // Государство и право. 1996. № 11.

² Лешков В.Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М., 1858. См. также: Лешков В.Н. Общинный быт древней России. СПб., 1856.

лицейского права, предлагаемой им учебной дисциплиной общественного права¹.

Полемизируя по вопросам полицейистики с В.Н. Лешковым, Андреевский считал наиболее крупным недостатком работ своего оппонента смешение понятий, которое происходит из непонимания сущности полиции и государства. Андреевский, разбирая понятие «общественное право», введенное В.Н. Лешковым, указывает, что "под общественным или публичным правом в истории юриспруденции понимали совокупность прав, не относящихся к частным интересам индивидуумов как членов общества, т.е. совокупность государственного, финансового, полицейского и уголовного"².

Очередной этап в становлении российской полицейско-правовой науки наступил в 1860-е годы. В 1863 г. российские кафедры законов государственного благоустройства и благочиния были переименованы в кафедры полицейского права. Спустя несколько лет были опубликованы полицейские постановления Франции и Пруссии³, а также работы Я. Степанова о зарубежной полицейской науке⁴. В первой половине 1870-х годов были опубликованы работы выдающихся немецких правоведов⁵. Российские полицейисты второй половины XIX в. Н.Х. Бунге, И.Е. Андреевский, М.М. Шпилевский, И.Т. Тарасов, В.В. Ивановский были приверженцами концепции Р. Моля, который относил к предмету полицейского права всю деятельность государственных органов за исключением сфер финансового регулирования и военного строительства. Другой выдающийся немецкий правовед Лоренц Штайн⁶ основной задачей деятельности полиции считал обеспечение общественной безопасности. В основе его семитомной работы "Учение об управлении" (1865-1868) дан сравнительно-правовой анализ законодательства о государственном управлении Германии, Австрии, Франции и Англии. Л. Штайн и Р. Моль отождествляли полицейскую деятельность с функционированием исполнительной власти. Их концепция

---

¹ См. подробнее: Лешков В.Н. Общественное право. М., 1871; Его же. О праве самостоятельности как основе для самоуправления; Его же. Опыт теории земств. М., 1865.

² Андреевский И.Е. Разбор сочинения Лешкова "Русский народ и государство". СПб., 1859. С. 225.

³ Полицейские постановления иностранных государств. В 2 т. СПб., 1866.

⁴ Степанов Я. Первые два периода самостоятельного существования науки о полиции в Германии. 1868; Его же. О полиции, как науки, во Франции, в Англии и в Германии. 1868-1869.

⁵ Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. СПб., 1871; Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии / Под ред. В.Н. Андреевского. СПб., 1874.

⁶ Тарасов И.Т. Основные положения Л. Штайна по полицейскому праву. Киев, 1873; Блок А. Государственная власть в европейском обществе. Взгляды на политическую теорию Л. Штайна. М., 1880.

полицейского права базировалась на доминирующем значении публично-правовых интересов государства во всех сферах общественной жизни.

Одним из первых адептов немецкого полицеизма в России стал профессор полицейского права Киевского университета Н.Х. Бунге (1823-1895), который излагал полицейское право, рассматривая его как прикладную часть политической экономии¹. Такого же направления придерживался и профессор Киевского университета И.А. Антонович², называющий полицейское право юридической экономией: "Полицейское право есть наука, изучающая правооснования для хозяйственного содействия со стороны общества и государства, сохранению и развитию народного блага". Они оба хотели представить науку о государственном благоустройстве как науку точную, использующую эмпирические методы.

Выдающийся вклад в развитие полицейского права внес профессор Петербургского университета И.Е. Андреевский (1831-1891). В своей капитальной работе³, выдержавшей несколько изданий, им была творчески осмыслена и обобщена концепция полицеистики. Значительное внимание в своем исследовании автором уделено генезису полицейского права. Андреевский ставит перед собой цель возможно более глубокого философско-правового исследования вопроса о назначении полиции, о характере ее деятельности. Он считал, что наука полицейского права должна "изучить положительное полицейское законодательство, т.е. представить его систематически, с показанием обстоятельств и причин, вызывающий именно такие-то законы и предписания, разъяснить их началами, представляемыми наукой полиции". Предметом науки полиции Андреевский называет "социологию истины", под которой он понимает законы области, в которой переплетаются политэкономические и социологические закономерности, а также закономерности политики как теории искусства государственного управления. "Родившаяся среди метафизических представлений о правах человека и государстве, при неясном понимании законов экономических и социальных, наука полиции долгое время не могла отыскать надлежащей для себя почвы, сознательно очертить свою орбиту", но, "применяя знания экономических законов (политическая экономия), понимание законов, управляющих общественными силами, консолидацией этих сил в определенные союзы - семьи, общины, ассоциации (социология и политика), - наука полиции смогла развиваться, и с каждым годом ее успе-

---

¹ Бунге Н.Х. Полицейское право. В 3 вып. Киев, 1869; его же. Полицейское право. В 2 т. Киев, 1873-1877.

² См.: Антонович А.Я. Полицейское право и политическая экономия // Киевские университетские известия. 1883. Т.2; Его же. Курс государственного благоустройства (Полицейского права). В 2 ч. Киев, 1889-1890.

³ Андреевский И.Е. Полицейское право. В 2 т. Т.1. Полиция безопасности. Т.2. Полиция благосостояния. СПб., 1871-1873; Его же. Лекции по истории полицейского права и земских учреждений. СПб., 1870.

хи становятся более очевидными, более убедительными". Андреевский указывает на главный закон науки полиции: "...во всех случаях, когда отдельное лицо собственными своими силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна явиться деятельность других, называемая полицейскою".

Опубликование "Полицейского права" Андреевского вызвало полемику в научных кругах. Одним из оппонентов концепции Андреевского был заслуженный профессор В.М. Лешков, который подверг сомнению всеобъемлющие свойства полицейской деятельности государства, прежде всего, в сфере духовного благосостояния¹. В своем предисловии ко второму изданию "Полицейского права" Андреевский отметил: "Все возражения профессора полицейского права Лешкова вытекают из того, что он не признает науки полицейского права... отсюда уже логически вытекает, что все, касающееся полицейского права, а потому и все мои сочинения, представляются почтенному профессору невозможными"².

В момент своего зарождения термином "полиция" охватывалась практически вся деятельность государства, и поэтому предметом полицейского права являлась совокупность "государственных и общественных мер, направленных к споспешествованию интересам (материальным и духовным) народа"³. Чрезмерно широкий круг объектов исследования не позволял науке полицейского права занять четко определенное место в системе отраслей знаний о государстве и праве. По справедливому замечанию одного из юристов прошлого, эта наука "всегда ехала на запятках законодательства"⁴. К концу XIX в. представление о полиции в общественном сознании уже ассоциировалось лишь с принудительной деятельностью государства по обеспечению публичной безопасности и порядка, а равно осуществляющими такую деятельность органами, и поэтому "полицейское право" воспринималось как "не особенно приличное название, вызывающее в публике столь неприятные для преподавателей этой дисциплины недоразумения"⁵.

Неудовлетворенность аморфным состоянием полицейско-правовой теории, невыгодно отличавшим ее от уголовно-правовой и гражданско-правовой доктрин, была столь велика, что некоторые ученые высказывались даже за полное ее упразднение. Так, известный правовед Л. Петражицкий полагал, что современная ему "наука полицейского права является смесью разнородных суждений на разные темы, без определенного едино-

---

¹ Лешков В.Н. Критика работы Андреевского "Полицейское право". М., 1874.

² Андреевский И.Е. Полицейское право. В 2 т. 2-е изд. СПб., 1874-1876. Т.1.

³ Шеймин П. Полиция... С. 322.

⁴ Цит. по: Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права. Харьков, 1925. С. 22.

⁵ Горбунов А.В. Курс лекций по полицейскому праву. Варшава, 1901. С. 4, 6.

го метода, без ясных научных рамок и границ; эта смесь, называемая полицейским правом, действительно должна быть исключена из преподавания"¹. Компрометирующей рассматриваемую отрасль теоретических знаний было уже само обилие ее наименований - полицейское право, наука о полиции, учение о внутреннем управлении, наука об управлении, общественное право, политическое управление². Развитию науки полицейского права препятствовала также не оспариваемая в прошлом традиция отождествлять понятие "полиция" (часть) с понятием "администрация" (целое).

Уже в 1880-е гг. вместо названия "полицейское право" появляются наименования "внутреннее управление" и "административное право"³. На рубеже XIX-XX веков происходит трансформация науки полицейского права в науку административного права, что было связано с концептуальным поворотом к правовому государству, совершившимся под влиянием французской школы административного права. Под административным правом во Франции "разумеется политико-юридическая наука, изучающая вопросы государственного управления, включаемая некоторыми французскими учеными прямо в государственное право"⁴. Французская и немецкая доктрины административного права складывались в полемике друг с другом, обмениваясь идеями, гипотезами, построениями. Обе доктрины прямо и косвенно влияли на развитие русской науки административного права⁵, видными представителями которой в конце XIX – начале XX вв. были И.Т. Тарасов, В.В. Ивановский, В.Ф. Дерюжинский, Н.И. Лазаревский, Э.Н. Берендтс, А.И. Елистратов.

Профессор Московского университета И.Т. Тарасов был одним из первых ученых, обосновавших разграничения предметов полицейского и административного права. По мнению Тарасова, регламентация общественных отношений, не обусловленная деятельностью полиции, должна быть предметом самостоятельной науки административного права. Он писал: "...необходимо научно определить правоотношения, возникающие из совместной полицейской деятельности органов правительственных и общественных... сузить границы науки полицейского права согласно с новыми условиями правоведения"⁶. И.Т. Тарасов выступает как приверженец концепции "права внутреннего управления" Л. Штайна, именно этого

---

¹ Цит. по: Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1907-1908. С. 17.

² См.: Шпилевский М.М. Указ. соч. С. 3.

³ См.: Ивановский В.В. Вступительная лекция в курс учения о внутреннем управлении. Казань, 1883; его же. Преподавание административного права в берлинском университете. Казань, 1884.

⁴ Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1890. Полутом 1. С. 179.

⁵ См., например: Шёнберг Г. Учение о государственном управлении. Пер. с нем. П. Шеймина. 1889-1891; Майер О. Германское административное право. (На нем. яз.). 1895; Бартелеми Г. Элементарный трактат об административном праве. (На фр. яз.). 1901.

⁶ Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897. С. 3.

немецкого полицейиста ученый относил к основоположникам административно-правовой науки.

Согласно взглядам В.В. Ивановского (1854-1926), ординарного профессора по кафедре полицейского права Казанского университета, административное право распадается на две главные части: полицейское право и право внутреннего управления. Полицейское право - это совокупность правовых норм, регулирующих государственную деятельность, направленную на полицию безопасности в житейском смысле этого слова. Право же внутреннего управления есть совокупность правовых норм, регулирующих вид государственной деятельности, направленный на поддержание и охрану народного здоровья, на развитие духовных сил личности и на особую хозяйственную деятельность¹.

Особое место в русской науке административного права занимает Э.Н. Берендтс (1860-1925), который в книге "Опыт системы административного права" (1898) большое внимание уделил теоретической части административного права. Анализируя полемику немецких полицейистов и административистов, автор приходит к выводу о постепенном пере рождении полицейского права, творчески осмысленного и обоснованного представителями германской административно-правовой науки. "Эта новая школа заменила собрание рецептов полицейской деятельности, преподанных кабинетными учеными для просвещения практических деятелей, учащихся и читающей публики, - строго объективными трудами по догматике административного права, именно права, а не политики управления"². По мнению ученого, полицейское право представляет собой разновидность проблем внутриполитической деятельности государства.

Завершающую работу в России по переходу от науки полиции к науке административного права осуществил А.И. Елистратов, один из самых крупных ученых-административистов первой трети XX в.³ Как подчеркивал Елистратов, полицейское и административное право "коренным образом разделяет неодинаковое положение личности в полицейском и правовом государстве"⁴. Превращение полицейского права в административное, с его точки зрения, осуществляется "в формах перехода от системы властеотношений к системе правоотношений". "Между режимом полицейского произвола и системой властвования, приспособляющегося, в той или иной мере, к формам гражданского права и процесса, административное право занимает посредствующее место. Исторически в административном

---

¹ См.: Ивановский В.В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 4 изд. Казань, 1911. С. 60.

² Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Т.1: Обзор истории административного права и истории его литературы. Вып. 1. Ярославль, 1898. С. V-VI.

³ Кутафин О.Е., Бельский К.С. Елистратов – выдающийся русский государствовед и административист // Государство и право. 1993. № 12.

⁴ Елистратов А.И. Административное право. М., 1911. С. 38.

праве наблюдается переходная форма от старого полицейского права к праву гражданскому. Административное право – это есть некоторая смесь полицейского права с гражданским"¹.

Таким образом, в начале XX в. в России происходил переход от полицейского права к праву административному²; при этом до 1917 года полицейско-правовая наука так и не сформировалась. М. Загряцков отмечает, что "кафедры полицейского права занимают специалисты по государственному праву, по политической экономии, и руководства по этой науке имеют самый разнообразный характер"³. Что касается определения науки о полиции, то в литературе начала XX в. их насчитывалось более ста формулировок⁴. Российская полицеистика, усвоившая основные принципы теории правового государства, явно контрастировала с полицейским законодательством России, которое, как и сама полиция, нуждалось в серьезных демократических преобразованиях, к сожалению, так и не осуществленных в имперский период.

Доктора и магистры полицейского права Российской империи

Всего в дореволюционной России, по данным Г.Г. Кричевского и А.Н. Якушева⁵, по полицейскому праву 21 диссертантом были защищены 30 диссертаций, из которых 11 диссертаций докторских и 19 – магистерских. Первая и последняя диссертации по полицейскому праву были защищены в Казанском университете: в 1867 году Я.С. Степановым и в 1913 году М.Д. Загряцковым. Больше всего диссертаций было защищено в Казанском университете – семь (3 докторских и 4 магистерских), по пять диссертаций (по 2 докторских и 3 магистерских) защищены в четырех университетах – Московском, Харьковском, Санкт-Петербургском и Св. Владимира (г. Киев), две магистерские диссертации были защищены в Новороссийском (г. Одесса) и одна магистерская – в Томском университетах.

---

¹ Он же. Очерк административного права. М., 1922. С. 27, 26.

² Полицейское право как предмет преподавания на юридических факультетах российских университетов сохранялось вплоть до 1917 года.

³ Загряцков М. Указ. соч. С. 507-508

⁴ См.: Палибин М.К. Повторительный курс полицейского права. 2 изд. СПб., 1900. С.2-4.

⁵ См.: Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755-1918). Библиографический указатель / Сост., предисловие и научная редакция А.Н. Якушева. Ставрополь, 1998. 201 с.

Ведров С.В. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. 232 с. (Магистерская дисс., СПб. ун-т).

Гаген В.А. Право бедного на призрение. 1907. 661 с. (Магистерская дисс., СПб. ун-т).

Гаген В.А. Западноевропейский бедняк. Варшава, 1912. 752 с. (Докторская дисс., Харьковск. ун-т).

Гаттенбергер К.К. Влияние русского законодательства на производительность торгового банковского кредита. Харьков, 1870. 163 с. (Магистерская дисс., Харьковск. ун-т).

Гаттенбергер К.К. Законодательство и биржевая спекуляция. Харьков, 1872. 262 с. (Докторская дисс. - Киевск. ун-т).

Гольцев В.А. Государственное хозяйство во Франции XVII века. Исторический очерк. М., 1878. 175 с. (Магистерская дисс., Моск. ун-т).

Горбунов А.В. Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. М., 1906. 1. Часть историческая. Вып. 1. Исторический очерк немецкой литературы. 226 с. (Магистерская дисс., Моск. ун-т).

Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. 343 с. (Магистерская дисс., Киевск. ун-т).

Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. 395 с. (Докторская дисс., СПб. ун-т).

Дерюжинский В.Ф. Habeas corpus акт и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временное ограничение. Юрьев, 1895. 428 с. (Магистерская дисс., Харьковск. ун-т).

Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909. 499 с. (Докторская дисс., Казанск. ун-т).

Загряцков М.Д. Земельная политика городского самоуправления в Германии. Т. 1. Строительное право, как фактор городского землеустройства. М., 1913. 498 с. (Магистерская дисс., Казанск. ун-т).

Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань, 1881. 320с. (Магистерск. дисс., Казанск. ун-т).

Коссовский Н.Н. Ценность и цена (Теория денежного обращения). Харьков, 1883. 272 с. (Магистерская дисс., Харьковск. ун-т).

Матвеев В.Ф. Право публичных собраний. Очерк развития и современной постановки права публичных собраний во Франции, Германии и Англии. СПб., 1909. 407 с. (Магистерская дисс., СПб. ун-т).

Матвеев В.Ф. Государственный надзор за общинным самоуправлением во Франции и в Пруссии. Казань, 1915. 443с. (Докторск. дисс. Казанск. ун-т).

Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. СПб., 1907. (Магистерская дисс., Томск. ун-т).

Окольский А.С. Об отношении государства к народному образованию. СПб., 1872. 630 с. (Докторская дисс., СПб. ун-т).

Пихно Д.И. Коммерческие операции государственного банка. Вып. 1. Киев, 1876. 123 с. (Магистерская дисс., Киевск. ун-т).

Пихно Д.И. Железнодорожные тарифы. Опыт исследования цены железнодорожной перевозки. Киев, 1888. 374 с. (Докторск. дисс., Киевск. ун-т).

Раевский А.А. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1903. 345 с. (Магистерская дисс., Моск. ун-т).

Степанов Я.С. О полиции, как науке, во Франции. Казань, 1867. 97 с. (Магистерская дисс., Казанск. ун-т).

Степанов Я.С. Первые два периода самостоятельного существования науки о полиции в Германии. Казань, 1868. (Докторск. дисс., Казанск. ун-т).

Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Киев, 1975. 243 с. (Магистерская дисс., Киевск. ун-т).

Федоров А.Ф. Фабричное законодательство в цивилизованных государствах о работе малолетних и женщин на фабриках. СПб., 1884. 410 с. (Магистерская дисс., Казанск. ун-т).

Федоров А.Ф. О промышленном ученичестве вообще и о договорах промышленного обучения в особенности. Одесса, 1892. 503 с. (Докторская дисс., Харьковск. ун-т).

Чистяков И.И. Образование народа во Франции. Эпоха третьей республики (1870-1902). М., 1904. 397 с. (Магистерск. дисс., Новорос. ун-т, в 1910 году).

Чистяков И.И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912. 434 с. (Докторская дисс., Моск. ун-т).

Шпилевский М.М. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Ч. 1. Одесса, 1871. 178 с. (Магистерская дисс., Новорос. ун-т).

Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875. 200 с. (Докторская дисс., Моск. ун-т).

III. ЭМИГРАЦИЯ

16. Вводный очерк

Возникновение русской эмиграции явилось прямым следствием поражения белых армий и окончательного установления границ РСФСР по Рижскому мирному договору 1921 г. Однако процесс создания Зарубежной России продолжался еще несколько лет, по крайней мере, до середины 20-х годов. Потоки эмиграции устремились через все границы. Зарубежная Россия в географическом смысле не представляла собой единого целого. Ее представители были рассеяны по разным странам и континентам. Центры Русского Зарубежья сформировались там, где значительные по численности группы творчески активных в науке или искусстве эмигрантов находили более или менее стабильные условия для своей деятельности. Центрами Русского Зарубежья были Берлин, Париж, Прага, Харбин, в меньшей степени и в течение более короткого срока – Белград, Рига и София.

Первым центром русской эмиграции стала Германия, где собрались беженцы из Санкт-Петербурга и те, кто служил в войсках Юденича. В январе 1920 г. на железнодорожной станции Харбин возник целый город из тех, кто покинул родину после падения правительства Колчака. В декабре того же года пароходы вывезли в Мраморное море часть армии Врангеля и часть беженцев, сосредоточившихся на юге России в период действий Добровольческой армии. Помимо этого сотни тысяч русских, проживавших на территориях некогда Российской империи – в Польше, Финляндии, Прибалтийских республиках, оказались в сложном положении эмигрантов, никогда не покидавших родные места.

Оценить численность эмиграции весьма сложно, но несомненно, что дело шло не менее чем о полутора миллионах, а по самым высоким оценкам число эмиграции приближалось к трем миллионам¹. Так, на цифру в два миллиона человек единодушно ссылались лидеры двух противоположных лагерей – В.И. Ленин и П.Н. Врангель. Именно эта цифра наиболее часто употреблялась в эмигрантской печати. Своеобразным был демографический состав эмиграции: в основном - молодые люди, мужчин было больше чем женщин, так как значительную часть эмиграции составляли военные. Среди них преобладали бывшие студенты, только окончившие гимназию, те, кто вступил в армию. Именно эта прослойка, оказавшись в эмиграции, остро нуждалась в завершении своего образования. Среди эмигрантов были профессора университетов бывшей Российской империи, а также другие квалифицированные специалисты во всех областях знания.

---

¹ Савицкий И., Савицкая Э. Грустный юбилей: К 70-летию со дня открытия Русского юридического факультета в Праге // Государство и право. 1992. № 6. С. 96.

Однако горькая действительность заключалась в том, что не только русским студентам, но и профессорам сложно было устроиться в университеты и другие высшие учебные заведения иностранных государств. Побежденная Германия, находившаяся в глубоком экономическом кризисе, с трудом устраивала свои многочисленные научные кадры и поддерживала своих студентов. Победившая Франция была в лучшем положении, однако французы не отличались особой широтой в приеме беженцев. В результате, по данным Объединения русских студенческих эмигрантских организаций, которое в 1921 г. возникло на съезде в Праге, в Германии училось около 1200 русских студентов, во Франции – 400. В других же странах языковой барьер был трудно преодолим как для преподавателей, так и для студентов. Менее остро он, конечно, ощущался в славянских государствах, где приему русских способствовала близость славянских культур. Так, в Сербии училось 1500 человек, в Болгарии – 1200, в Польше – 700¹. В этих странах, особенно в Сербии и Болгарии, где ощущался недостаток собственных квалифицированных кадров, к преподаванию в университетах привлекались и русские профессора.

Совершенно иное положение сложилось в Чехословакии. Этому способствовал целый ряд факторов. Во главе новой Чехословацкой республики, возникшей после распада Австро-Венгрии, встал Т.Г. Масарик, убежденный демократ и первоклассный знаток русской культуры, автор фундаментального труда "Россия и Европа", в течение полувека переиздававшегося на Западе в качестве одного из лучших обзоров русской мысли XIX в., человек с широкими личными связями в русской либеральной академической среде. Чехословацкое правительство отнеслось к русской эмиграции не как к досадной случайности, а как к возможности оказать влияние на подготовку кадров для будущей демократической России². Уже к апрелю 1922 г. в чехословацких вузах обучалось 1800 студентов на полном иждивении (общее же количество учащихся приближалось к трем тысячам). Вместе с тем изыскивались возможности для привлечения видных русских ученых на работу в Прагу. Среди приглашенных из Берлина был и профессор П.И. Новгородцев.

Исторически первым пристанищем российской интеллигенции в Европе стал Константинополь. Именно он приютил на первых порах многих русских юристов. В марте 1921 г. была создана Русская академическая группа. Члены группы организовывали систематические лекции по гуманитарным наукам. Однако по многим причинам и, главным образом, в силу временности пребывания в Константинополе российская научная диаспора серьезным образом себя не проявила. Хотя, например, Н.Н. Алексеев

---

¹ Быстров Н.В. Русское студенчество в эмиграции // Крестьянская Россия. Сб.4. Прага, 1923. С. 158-161.

² См.: Савицкий И., Савицкая Э. Указ. соч. С. 97.

вым предпринимались попытки создания в Константинополе русского университета, которые оказались безрезультатными.

В составе первых эмиграционных волн из России было немало правоведов, представлявших разные учебные заведения и регионы империи. Юридические школы, сложившиеся в России в дореволюционный период, оказывали заметное воздействие на развитие правовой теории в эмигрантской научной среде. Особым явлением стало образование в зарубежье русских юридических учебных заведений и научных центров. Их целями были сохранение российской традиции, создание условий для научной и педагогической деятельности ученых – выходцев из России, подготовка юридических кадров для "будущей России", профессиональное образование молодых эмигрантов с целью приобщения к практической деятельности в странах пребывания. В начале 20-х годов центрами сосредоточения юридических кадров из России стали Прага, Харбин, Берлин, Париж. Эмигранты-юристы развернули за рубежом активную издательскую работу, публикуя монографии, учебные курсы, сборники статей и трудов, специальные журналы. Проводились съезды русских юристов, а также съезды деятелей науки. В области научных исследований русские правоведы наряду с развитием традиционных направлений разрабатывали новые темы.

К 1922 г. были созданы харбинская, константинопольская, болгарская, германская, парижская, чехословацкая, английская, итальянская, эстонская и югославская научные организации российской эмиграции. С 1921 года стали регулярно издаваться научные труды и проводиться научные съезды. Организационной формой сотрудничества интеллектуальных сил русской эмиграции и центральным органом русских ученых стал «Союз Русских академических организаций за границей». С 10 по 17 октября 1921 г. в Праге прошел I съезд Союза, на котором было представлено около 400 русских ученых. Среди них видную роль играли правоведы. Так, в составе академической группы, образованной в Париже летом 1920 г. при финансовой поддержке МИД Франции, входили проф. П.П. Гронский, читавший курс истории русского права; профессор Б.Э. Нольде, читавший курс «Институции русского публичного права»; проф. М. Винавер, читавший курс русского гражданского права. Берлинская академическая группа, также образованная летом 1920 г. по инициативе Белградской, включала таких видных юристов, как проф. В.Б. Ельяшевич, один из крупнейших цивилистов русского зарубежья, проф. Каминка, приват-доц. из Киева Л.М. Зайцев, специализировавшийся на проблемах советского государственного права, бывший министр юстиции В.Д. Набоков. Академическая группа, созданная в марте 1921 г. в Константинополе, имела в своем составе юристов Н.Н. Алексеева, С.К. Гогеля, М.А. Циммермана и др.

На I съезде Союза русских академических организаций за границей в Праге некоторые из русских правоведов выступили с докладами на секции права и экономики. А.Д. Билимович сделал доклад на тему «Общество,

государство и хозяйство», Н.Н. Алексеев – «К феноменологии явлений властвования». Ф.В. Тарановский прочитал доклад «Историко-юридические конструкции русской государственности Московского периода» и сообщение «Предмет и метод так называемой внешней истории права», К.И. Зайцев – «Государство как единство и как система» и «Понятие правового государства», М.В. Шахматов – «Идея многодержавия в политических учениях русской литературы XI-XII вв.».

Меньшей представительностью отличался II съезд Союза русских академических организаций за рубежом, проходивший 9-16 октября 1922 года. В состав его почетных членов вошли правоведы П.И. Новгородцев и Д.Д. Grimm. Всего на съезде присутствовали 32 человека от русских академических организаций, 5 членов с правом совещательного голоса и 8 почетных членов. С 16 по 23 сентября 1928 г. в Белграде проходил IV Съезд русских академических организаций за границей, чьи труды были опубликованы в 1929 г. Большая часть докладов была посвящена вопросам правовой истории. Ф.В. Тарановский сделал доклад на тему «Славянство как предмет историко-юридического изучения», Д.М. Одинец – «Княжое и земское право Древней Руси». П.Б. Струве – «Правовое положение крестьянства в Киевской Руси». Специальный доклад о методологии права «Основные течения в науке о праве в связи с вопросом о реальности юридического познания» прочитал Г.В. Демченко.

Остановимся более подробно на истории русских Пражского и Харбинского юридических факультетов, а также на развитии русского правоведения в Софии, Берлине и Париже.

Пражский юридический факультет

Русский университет в Праге состоял из двух факультетов – юридического и гуманитарного (историко-филологического по старой русской терминологии). В него входили также Технический институт и Сельскохозяйственная школа. Прагу, благодаря существованию Русского университета, посещали многие лекторы: из Берлина приезжали философы С. Франк, Ф. Степун и П. Струве – из Белграда, П. Милуков и другие – из Парижа. Студенты университета и русская научная общественность Праги были в центре наиболее активной жизни и научных связей Русского Зарубежья.

Русский юридический факультет Карлова университета в Праге был образован 18 мая 1922 г. Первым деканом факультета стал профессор П.И. Новгородцев, после его смерти, с 1924 г., – профессор Д.Д. Grimm. Факультет открылся как частное высшее учебное заведение с оплатой за полугодие в 60 чешских крон. Вобрав в себя цвет петербургской и московской профессуры, факультет стал интеллектуальным и духовным центром русского зарубежья. Факультет располагал выдающимися преподаватель-

ским составом – 13 бывших профессоров русских университетов и других высших учебных заведений, а рядом с ними работала значительная группа молодых ученых, многие из которых получили впоследствии широкое международное признание.

В основу обучения студентов было положено русское национальное право, которое преподавалось в России до 1917 г. Всего преподавалось 23 предмета, в том числе чешский язык. Сохраняя русскую юридическую традицию в своих курсах и исследованиях, его преподаватели предлагали слушателям много идей из области философии, культуры и литературы. Не ограничиваясь работой на факультете, они читали курсы, циклы и отдельные лекции в различных русских научных и культурных центрах (Чехословакии, Германии, Франции), в "народных университетах" и на курсах.

На факультете сформировались следующие кафедры: истории философии права (проф. П.И. Новгородцев, проф. Е.В. Спекторский, доц. Г.Д. Гурвич, приват-доц. Г.В. Флоровский); общей теории права (доц. А.И. Фатеев); истории и догмы римского права (проф. Д.Д. Grimm, проф. М.М. Катков); государственного права (доц. Н.Н. Алексеев, он же секретарь факультета); международного права (приват-доц. М.А. Циммерман, приват-доц. Г.Н. Михайловский); административного права (приват-доц. К.И. Зайцев); церковного права (проф. С.Н. Булгаков); гражданского права и процесса (проф. С.В. Завадский, приват-доц. М.Л. Заболоцкий); торгового права (проф. М.М. Катков); уголовного права (проф. А.В. Маклецов); уголовного процесса (приват-доц. Н.С. Тимашев, приват-доц. С.И. Варшавский); истории русского права (проф. Г.В. Вернадский, приват-доц. М.В. Шахматов, приват-доц. И.И. Марков); русской истории (проф. А.А. Кизеветтер); философии права (проф. А.А. Вилков); политической экономии (проф. В.А. Косинский, акад. П.Б. Струве, проф. В.Ф.Тотомианц, приват-доц. П.Н. Савицкий, приват-доц. Н.С. Жекулин, приват-доц. П.А. Остроухов); статистики (проф. П.И. Георгиевский, доц. Д.Н. Иванцов, приват-доц. С.С. Кон); логики (проф. Н.О. Лосский); психологии (профессор И.И. Лапшин); судебной медицины (профессор Г.Я. Трошин); латинского языка (приват-доц. П.А. Остроухов, приват-доц. П.Н. Савицкий, приват-доц. М.В. Шахматов, приват-доц. А.В. Стоилов) и счетоведения (А.В. Зеньковский).

В 1925 г. в Праге вышел фундаментальный труд "Право Советской России" в двух томах под редакцией Н.Н. Алексеева и Н.С. Тимашева. Авторский коллектив состоял из преподавателей Русского юридического факультета в Праге (Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев, А.В. Маклецов, С.В. Завадский, К.И. Зайцев) и представителей русской юридической науки в Берлине (А.А. Богомоллов, А.П. Марков), Париже (А.А. Пиленко) и Риге (М.И. Гонфман). В предисловии к объемистому труду составители писали: "Призыв к знанию советского права..., само собою разумеется, отнюдь не означает призыва к его признанию. Из всего содержания сборника

является той основой, на которой может и должен строиться здоровый созидательный процесс правового возрождения России. Но самое отрицание советского права, по нашему убеждению, действительную свою силу и внутреннюю убедительность должно основывать на точном и объективном знании его". В книге давался анализ всей системы и отдельных отраслей советского права¹.

Для понимания отношения к советскому строю на факультете следует привести еще одно положение, сформулированное профессором Н.С. Тимашевым: «Советский строй в его реальной данности и его идеальном задании является недемократическим, но может быть претворен в демократический путем определенного комплекса реформ, не разрушающих его основных организационных схем»². Этим определяется не только постоянное внимание к советскому праву, но и объективность. Профессора факультета часто отмечали не только пороки советского права, но и факт, что право, чем дальше – тем больше расходится с действительностью. Так что в ряде случаев, по их мнению, нужно было стремиться не к ликвидации этого права, а к его претворению в жизнь.

Более цельное представление о духе и темах факультета дают Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Здесь печатались, по существу, труды и даже лекции профессоров факультета. Например, III выпуск открывается вступительной лекцией отца С. Булгакова "Церковное право и кризис правосознания", за ней следует статья проф. Гримма "Основные предположения и задачи социальных наук", представляющая собой переработанный вариант речи, прочитанной на торжественном годовом акте факультета в мае 1923 г.

Анализ правовой системы Советской России и детальное изучение ее отдельных отраслей и институтов представителями пражской юридической школы сочетались с разработкой качественно новых направлений правовых исследований. Наиболее заметной стала геополитическая государственно-правовая тематика. Геополитические аспекты государственно-правовой теории были заимствованы русской школой юристов у германской научной традиции (К. Хаусхофер). Их начал разрабатывать А. Фатеев еще в конце 20-х годов под несомненным влиянием идеологии евразийства. В 1928 г. в пражском сборнике трудов русского народного университета он опубликовал работу "Об управлении", в которой подчеркивал идею неразрывности государства и территории. В 1933 г. в сборник научных трудов русского народного университета в Праге А. Фатеев включил свою работу "Введение в геополитику славянства". В ряду других "направлений

---

¹ Подробнее см.: Исаев И.А. Русская юридическая наука за рубежом: 20-е – начало 30-х годов // Государство и право. 1994. № 7. С. 169-170.

² Тимашев Н. Советский строй и демократия // Русский экономический сборник. Т. XI. Прага, 1927. С.32.

борьбы за пространство" автор развивал юридическое направление, названное им панномизмом. Геополитическая трактовка государственно-правовых проблем будет использована в политической практике евразийским движением, НТС и партией русских фашистов.

16 октября 1923 г. в Праге открывается Русский народный университет с семью отделениями, в котором были образованы отделения общественных наук и историко-философское. Университет действовал при Пражском отделении Земгора ("Союз земств и городов", учрежденного еще в России в годы войны). Основателями университета стали видные ученые А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев, Н.М. Новиков. Русские правоведы активно участвовали в работе университета. С 1928 г. университет начал издавать "Научные труды" под редакцией проф. Н.М. Новикова. В 1933 г. в связи с основанием при университете Русского научно-исследовательского объединения он был переименован в Русский свободный университет. Сокращение числа слушателей привело к переориентации университета на научно-исследовательскую работу. В 1933 г. при университете был создан Русский заграничный музей, библиотека которого насчитывала 3000 томов, изданных за границей. Последним годом работы университета стал 1938 г.¹

Факультет начинал работу с 255 слушателями, в 1923 г. число слушателей увеличилось до 488 и осталось неизменным и в следующем году. Но уже в 1925 г. на первый курс поступили всего 54 человека, окончили же - 78 и несколько еще выбыло, общая численность упала до 439 человек, в 1926 г. прием был прекращен. Значительную роль в этом играло то обстоятельство, что многочисленный контингент потенциальных студентов, накопившийся к 1922 году, уже исчерпался, а подрастающее поколение было относительно малочисленным. Но еще большее значение имело то, что среди молодежи оставалось уже очень мало людей, желающих делать "ставку на Россию". Старшее поколение эмигрантов все еще "жило на чужбине", но подрастающее в чужих краях поколение уже более трезво смотрело на вещи. С другой стороны, прекращается и "русская акция" чехословацкого правительства. Поддержка не прекратилась до конца первой республики, но с 1927 г. осуществлялись уже в несравненно меньших размерах². В 1929 г. факультет прекратил образовательную деятельность, выпустив за весь период своего существования 384 дипломированных специалиста. Последующие годы он функционировал как научное и координационно-методическое юридическое учреждение. Официально он был упразднен в 1933 году.

Русский юридический факультет в Праге – венец международно-правовой науки российской эмиграции. Здесь было опубликовано наибольшее количество научных трудов в области международного права;

¹ Подробнее см.: Исаев И.А. Указ. соч. С. 171.

² См.: Савицкий И., Савицкая Э. Указ. соч. С. 104-105.

здесь возшла звезда наиболее плодовитого юриста-международника русского зарубежья М.А. Циммермана, который именно в Праге в 1926 г. защитил первую и единственную в русском зарубежье магистерскую диссертацию по международному праву.

Активная деятельность Русского университета в Праге прекратилась года за два до Мюнхенского соглашения 1938 г., нанесшего решающий удар по независимой Чехословакии. До тех пор лекции по-прежнему посещались, хотя и небольшим числом студентов – тех, кто приезжал учиться под руководством признанных специалистов – А. Кизеветтера, Е. Шмурло, В. Францева, В. Зеньковского, Н. Лосского и других. Некоторые выпускники сделали в будущем блестящие научные карьеры, в основном в области истории – Г. Катков, С. Пушкарев, А. Фатеев, Г. Флоровский. В 1979 г. скончался отец Г. Флоровский, последний из профессоров юридического факультета, и неизвестно, жив ли кто-либо из примерно четырехсот его выпускников.

Харбинский юридический факультет

В начале 1920 г. в Харбин приехала группа профессоров из Сибири, где была установлена Советская власть. 1 марта 1920 г. эта группа создала в городе Высшие экономико-юридические курсы, первым деканом которых стал профессор Н.В. Устрялов. Он вел лекционные курсы теории права, политических учений, международного права. В конце 1920 г. его сменил профессор Н.И. Мироллюбов. 3 июля 1922 г. курсы были преобразованы в юридический факультет в Харбине, деканом которого осенью 1924 г. был избран видный ученый в области гражданского права В.А. Рязановский. С 1929 г. факультет переходит под управление китайской администрации, назначается китайский директор, и факультет из частного учреждения становится государственным. 2 марта 1929 г. в исполнение обязанностей декана вступил профессор В.В. Энгельфельд, а 30 января 1930 г. профессор Н.И. Никифоров. В июле 1934 г. профессора факультета (имевшие гражданство СССР) уволились с работы. Распад факультета совпал с его слиянием в 1936 г. с педагогическим институтом. За время своего существования Русский юридический факультет в Харбине смог собрать вокруг себя группу талантливых обществоведов и правоведов.

Программа юридического факультета носила строго научный характер и в целом копировала программы русских дореволюционных юридических учебных заведений. На юридическом факультете были созданы 12 кафедр: римское право; гражданское право и гражданское судопроизводство; торговое право и торговое судопроизводство; уголовное право и уголовное судопроизводство; история русского права; государственное право; международное право; административное право; финансовое право; каноническое право; политическая экономика и статистика; энциклопедия и

история философии права. С 1923 г. на факультете ввели преподавание китайского права, а в связи с восстановлением связей с СССР было введено преподавание и советского права. Обучение на юридическом факультете было платное. Плата составляла 150 иен.

25 января 1924 г. состоялось публичное заседание факультета, посвященное первому выпуску студентов (1923 год). Из 98 слушателей, поступивших на факультет в 1920 г., дипломы получили только 6 человек. Для справки отметим, что первый выпуск Государственного Дальневосточного университета в 1921 г. составил 7 человек, а первый выпуск Русского юридического факультета в Праге – 3 человека. 1925-1928 гг. составили наиболее эффективный период в жизни факультета. С открытием экономического и восточного отделений оказалось возможным привлечь ряд новых научных сил, а профессора В.В. Энгельфельд, Г.К. Гинс и Н.И. Никифоров напечатали и защитили диссертации на степень магистра. Осенью 1929 г. приема русских студентов не было, и к концу этого года юридический факультет окончательно разделился на два отдела: китайский и русский.

1 июля 1934 г. профессора и преподаватели, принявшие советское гражданство, или приехавшие из СССР, оставили факультет. С начала 1934/1935 учебного года начинается последний период жизни факультета. Отчасти этот определялось уходом советской профессуры, а отчасти продажей КВЖД с вытекающими отсюда последствиями. Отъезд русского населения из Харбина резко уменьшило количество студентов и свело на нет перспективы для дальнейшего существования факультета. 1 июля 1937 г. он был ликвидирован. Всего юридический факультет закончило 297 человек, из них по юридическому отделению – 170 человек.

Известный знаток культуры российской эмиграции М.И. Раев пишет: «Харбинский юридический факультет, несмотря на свое изолированное положение, внес заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США... Уровень, на котором проводились исследования, был столь велик, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и по сей день». Становление и развитие факультета получили отражение в издании, которое на протяжении 14 лет выходило в Харбине¹.

Н.В. Устрялов, работавший до эмиграции в МГУ и в Пермском университете, в самом начале 20-х годов становится одним из главных идеологов "сменовеховского" движения. Во второй половине 20-х годов вышел ряд его исследований, посвященных проблемам этики, национализма и фашизма. В.А. Рязановский, до Харбина работавший в Ярославле и Томске, стал одним из ведущих специалистов по проблемам монгольского

---

¹ Известия юридического факультета. Харбин, 1925-1938. № 1-12.

права и сравнительного правоведения. Проф. Г.К. Гинс (ранее преподававший в Санкт-Петербургском университете), относится к представителям психологической школы права. Важнейшие работы Гинса: "Право и сила" (1929 г.), "На путях к государству будущего" (1930 г.), "Новые идеи в праве и основные проблемы современности" (1931 г.). Проф. В.В. Энгельфельд (также работавший в Санкт-Петербургском университете) много внимания уделял анализу систем государственного управления и устройства Советской России и Китая, был одним из крупных авторитетов в области административного права. М.Н. Ершов, бывший профессор Казанской духовной академии, на факультете работал над историей философии в России. В начале 20-х годов он опубликовал во Владивостоке "Введение в философию" и исследование "Идеология и технология в духовной жизни современной эпохи". Один из самых молодых преподавателей – Н.Е. Эсперов занимался вопросами политической идеологии в истории России, а также правом собственности. Н.И. Никифоров (ранее работавший в Китае) изучал политические процессы периода Реформации, французскую и английскую революции, психологические феномены истории.

В методологии правоведения преобладали психологические аспекты. К середине 30-х годов в трудах харбинских правоведов наметились явные заимствования из консервативных политических теорий корпоративизма и солидаризма, быстро развивавшихся в Италии, Германии и СССР. Темы "юридического солидаризма" становятся ведущими в исследованиях харбинской юридической школы. Идеалом солидаризма является "индустриальная демократия", в которой сочетаются договорные и принудительные начала управления. Г. Гинс и В. Рязановский переехали в США, где продолжили свои исследования, тогда как Н. Устрялов вернулся в 1934 г. в Россию, где был репрессирован.

София. Берлин. Париж.

В силу ряда причин в Софии, Берлине и Париже не образовалось специальных юридических учебных заведений для русских. Юридическое образование и правовые исследования осуществлялись здесь в рамках более широких культурных институтов. Так в Болгарии существовали планы создания Русской высшей школы. Она должна была состоять из двух факультетов – юридического и филологического. На них предполагалось обучать примерно 1200 студентов, набранных в Болгарии и Турции. В октябре 1921 г. болгарское Министерство народного просвещения разрешило открыть в Софии такую школу. Однако в последний момент отказали в средствах представители стран Антанты и американские благотворители. Неудачно завершилась и предпринятая спустя год попытка открыть Рус-

ские высшие юридические курсы. Эмиграции в Болгарии удалось лишь создать Русский народный университет – учреждение культурно-просветительского характера. Он был открыт 3 апреля 1927 г. Университет ставил своей задачей расширить общее образование русской молодежи в области знакомства с культурной Россией. Ученый комитет университета возглавил П.М. Бицилли. Последнее упоминание о нем относится к августу 1931 года.

В 1920-1924 гг. интеллектуальной «столицей» русского зарубежья был Берлин. Выдающееся научно-общественное значение в культурной жизни российской эмиграции имел съезд русских юристов, состоявшийся в Берлине с 1 по 4 октября 1922 г. С вступительным словом выступил почтенный судебный деятель Я.Л. Тейтель (1851-1940) – участник 1-го съезда русских юристов, состоявшегося в мае 1875 г. в Москве. Основной вопрос съезда – правовое положение русских эмигрантов в разных странах мира. Здесь, в частности, выступил Н.С. Тимашев с докладом "О правотворчестве и применении права в Советской России". На съезде был учрежден постоянный комитет русских юристов за границей.

17 февраля 1923 г. состоялось открытие Русского научного института в Берлине. Его ректором стал В.И. Ясинский, проректором – С.Л. Франк, ученым секретарем – С.И. Гессен. В состав правового отделения института вошли Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, А.А. Боголепов, С.К. Гогель, И.А. Ильин (председатель), А.И. Камин, А.А. Кизеветтер, А.М. Кулишер, П.Б. Струве, К.И. Соколов, М.А. Таубе, Н.С. Тимашев, С.Л. Франк. Цели правового отделения были сформулированы следующим образом: "Посвятить все силы исследованию проблем права и государства в свете того нового опыта, который принесли и раскрыли последние годы". Отраслевые курсы, над которыми работали сотрудники института, включали: русское государственное право (В.И. Соколов), историю русского права (И.А. Стратонов), церковь и государство в России (И.А. Стратонов), русские судебные уставы (С.К. Гогель), учение о правосознании (И.А. Ильин). Темами семинаров были избраны: анализ советского законодательства (А.М. Кулишер), изучение советского строя (Н.С. Тимашев). Отдельные курсы в институте читали П.И. Новгородцев и Н.Н. Алексеев.

В самом начале образования русской диаспоры в Париже Сорбонна согласилась принять на работу нескольких русских ученых из числа беженцев для чтения курсов по русской литературе и истории. Русская академическая группа в Париже организовала особый дополнительный курс на русском языке по юридическому отделению, главным образом для русских студентов, обучавшихся в парижском университете. Занятия были открыты 17 января 1921 г. в присутствии всех русских профессоров. Курсы были прочитаны без перерыва до конца семестра. Кроме дополнительных

курсов по юридическому факультету академическая группа создала еще народный университет в виде ряда отдельных лекций.

Начиная с середины 20-х годов русские ученые иногда вели специальные курсы в парижском университете, главным образом на юридическом факультете, где преподавали советское право (Б. Нольде, П. Тагер), международное право (Б. Миркин-Гецевич), социологию и философию права (Г. Гурвич) и печатались в журналах, выходивших под эгидой факультета. Многие юристы-эмигранты консультировали частных граждан по правовым вопросам и представляли интересы своих клиентов в суде, но лишь некоторые из них стали членами Французской коллегии адвокатов¹.

Парижские правоведы русского происхождения публиковались в одном из интереснейших русских изданий – «Современных записках». Здесь, например, в седьмом томе П.Г. Виноградов опубликовал статью "Перспективы исторического правоведения, где проанализировал новую методологию историко-правовой науки. В 32 томе С.И. Гессен опубликовал большое исследование "Проблема правового социализма", в котором проанализировал эволюцию важнейших правовых понятий современности. В том же журнале Г.Д. Гурвич поместил свою статью "Будущность демократии", в которой связывал развитие этой формы государственности с социалистическими перспективами.

Русская юридическая наука за рубежом в течение 20-х – начала 30-х годов смогла поднять ряд научных и политико-правовых проблем, недоступных для исследователей в Советской России. Ощутимым было влияние новых течений западной юридической мысли на русскую эмиграцию, хотя эти веяния ощущались и в самой России. Собственно российская правовая традиция не прерывалась ни на родине, ни в диаспоре. Русские правоведы обучали студентов и писали научные труды, основываясь на принципах государственной, психологической, социологической и других школ. Их идеи и публикации легли в основу дальнейшего развития как отечественной, так и зарубежной юриспруденции.

17. Тарановский Феофил Вальтасарович

Тарановский Федор Васильевич (1875-1936) – ученый–юрист. Ординарный профессор Петроградского университета, профессор Белградского университета, член Сербской Королевской академии, член-корреспондент Болгарской академии наук и Славянского института в Праге, действительный член научного общества в г. Львове (занимался историей сербского права). В своих трудах Ф.В. Тарановский обосновывал объективный характер правовых отношений, показывал их опосредованность социальной

---

¹ См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции (1919-1939). М., 1994. С.86.

практикой, выступал с критикой субъективистских и психологических интерпретаций сущности права. Внес значительный вклад в исследование истории отечественного и зарубежного права. Одним из первых в России разработал курс по энциклопедии права и подготовил учебник. В разработанном им «Учебнике энциклопедии права» (1912) высказал много ценных суждений о существующем положении в состоянии тогдашней юридической науки, о сущности права, правовых нормах, соотношении права и нравственности и т.д.

Отмечая сущность, задачи и цели философии права в системе юридических дисциплин, Ф.В. Тарановский полагал, что она является составной частью более обширной сферы юридических знаний – энциклопедии права. Несмотря на разнообразие взглядов о понятии философии права в работах русских юристов, можно выделить среди них два ведущих направления. Одно из них, как отмечалось Ф.В. Тарановским, «полагает задачу и особенность философии права в построении метафизического (сверхопытного) учения о праве; другое направление сводит философский элемент к так называемой гносеологии, т.е. теории познания, и полагает особую задачу философии права в исследовании особенностей теории познания правовых явлений»¹.

Центральное место в правовой теории Ф.В. Тарановского занимает понятие права и представления о нормах права. Определение права, считает Тарановский, может быть двоякое: рационалистическое и позитивное. «Первое, - пишет он, - выводится дедуктивно из известных предпосылок, которые по тем или иным основаниям принимаются разумом за непреложные истины, указывают, каким право должно быть с точки зрения требований нашего разума и потому служит практически целям преобразования права. Второе получается индуктивным путем через наблюдение, отвечает на вопрос, что такое право, как оно есть в действительности, и потому служат теоретической цели познания права». Так как задачей науки является познание явлений посредством наблюдения над ними, то «не подлежит сомнению, что научной задаче соответствует установление позитивного понятия права»².

Определение права или понятие о нем достигается указанием родового признака и видового отличия: «Установление понятия о праве будет заключаться в последовательном отыскании указанных признаков правовых явлений...»³. И здесь Ф.В. Тарановский подводит нас к определению права: «Право есть ни что иное, как один из видов социальной нормы. Ближайшее определение права заключается, следовательно, в установлении того признака, по которому право отличается от всех прочих социальных норм». В составе социальных норм Ф.В. Тарановский различает два

---

¹ Цит. по: Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 54.

² Хрестоматия... С. 279.

³ Там же.

основных вида: нравственность и право. Не давая здесь определения нравственности, он указывает, что “право есть социальная норма, т.е. правило должного поведения людей в общественной среде”, или, иначе говоря, “право имеет нормативный характер, исполняет нормативную функцию в обществе”.

Юридические нормы регулируют поведение людей и, следовательно, осуществляются в человеческих поступках. Такая задача права, считает Ф.В. Тарановский, достигается благодаря тому, что юридическая норма становится одним из мотивов, толкающих личность к действию. Для того, чтобы такое мотивационное действие проявилось в надлежащем виде (должным образом, законно), необходимо, чтобы юридическая норма была усвоена как интеллектуальным, так и моральным сознанием человека: “Человек должен воспринять разумом логическое содержание нормы и определить свою волю к действию в соответствии с той обязанностью, которая на него налагается”, – отмечает Ф.В. Тарановский. Из содержания нормы, с одной стороны, и из усилий воли, направляющих поведение в соответствие с этим содержанием, с другой стороны, складывается процесс осуществления права. Логический процесс осуществления права называется, в свою очередь, применением права”¹.

Для того, чтобы применять право в конкретных случаях, необходимо, поясняет Ф.В. Тарановский, прежде всего, знать наличные юридические нормы. “Несмотря на фактическую утрату обществом осведомленности в наличных юридических нормах и умение применять их, – продолжает Ф.В. Тарановский, – право по-прежнему обращало и обращает свои нормы ко всем и к каждому, требуя их исполнения, а, следовательно, и необходимых для того знания и умения. Настаивает на этом требовании современное право, когда, невзирая на обилие и сложность законов, провозглашает в виде общего правила, что никто не может отговариваться неведением закона”².

Целям применения и внедрения положительного права в массовое сознание служит правоведение, считает Ф.В. Тарановский, или так называемая догматическая юриспруденция. Будучи ученым – юристом, Ф.В. Тарановский не мог обойти проблемы с источниками права, спорами вокруг естественного и положительного права, правовыми отношениями и т.д. Нужно подчеркнуть, что в юридической литературе того периода вопрос о видах положительного права смешивается с вопросом о его источниках. В частности, Л.И. Петражицкий, основатель психологической теории права, видный социолог и правовед, писал: “Некоторые определяют источники права как формы создания права, другие – как основания возникновения права, третьи – как факторы, обосновывающие право в объективном смысле, четвертые, как признаки обязательности юридических норм, пятые –

---

¹ Хрестоматия... С. 280.

² Там же. С. 281.

как различные формы выражения права, т.е. общей воли, и т.д.”¹. Не в состоянии дать определение источников права, Ф.В. Тарановский предлагал смириться с этой путаницей, объясняя это “невыработанностью терминологии”. Он писал, что “эта недостаточно дифференцировавшаяся терминология освящена столь долгой, многовековой традицией, что ее невозможно устранить и потому нам остается только следовать ей, памятуя, что под одним и тем же термином может подразумеваться, смотря по контексту, то источник, то вид на положительное право”².

Историческое противопоставление положительного права как установленного государственной властью, действующего в пределах этого государства, естественному праву, постулируемому разумом, отметил и Тарановский: “Благодаря указанному профессионально-юридическому пониманию положительности, еще в XVII веке противопоставлялась школе естественного права школа положительная, которая занималась разработкой действующего права для целей его практического применения на суде. Благодаря вековой традиции последней школы, позитивная наука о праве смешивается с позитивной юриспруденцией. Между тем на самом деле это далеко не одно и то же. Положительная юриспруденция не исследует правовых явлений в научном смысле; она только приспособляет наличный материал действующего права путем толкования и систематизации для практического его применения”³. Таким образом, положительная догматическая юриспруденция служит для науки о праве только материалом, но не тождественна с нею. Что же касается естественно-правовой теории, то ее Ф.В. Тарановский характеризует следующим образом: “К чему бы не сводилось обоснование естественно-правовой идеи, к вере ли или к метафизическому построению, существенным для естественного права признается, во всяком случае, его рациональный характер. Естественное право неизменно является разумным правом. Вера и метафизическое построение допускаются в естественном праве лишь постольку, поскольку они рациональны, т.е. приемлемы для познающего ума”⁴.

Правоведение конца XIX и начала XX вв. приходит к признанию, что право является сложным и многосторонним образованием, обладающим целым рядом отдельных сторон и форм “бытия”. При всем многообразии позиций тезис о том, что право есть норма или совокупность норм, имел, пожалуй, всеобщее признание юристов – теоретиков. Это обстоятельство подчеркивалось многими юристами. Говоря о праве, юристы-теоретики имели в виду два общих и основных его значения: право в объективном смысле и право в субъективном смысле. Под “объективным” правом подразумевались обыкновенно юридические обязанности. В узком

---

¹ Цит. по: Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 115.

² Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 115-116.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 73-74.

понимании “субъективное право” означало притязание. Однако субъективная сторона права выражалась не в одном лишь притязании, она означала сочетание обязанности и притязания (права), из которых формировались юридические отношения. Таким образом, наука о праве предполагала в области субъективного права существование трех различных реальностей: правоотношений, прав и обязанностей.

Под правовыми, или юридическими, отношениями понимались бытовые отношения, регулируемые правом. Юридическое отношение в структурном плане состоит из субъектов, прав и обязанностей объекта. Субъектами юридических отношений признавались люди, наделенные правоспособностью, которая могла иметь различный объем, быть более или менее ограниченной. В литературе писали о двоякого рода субъектах юридических отношений – физических и юридических лицах. Ф.В. Тарановский пишет о юридических отношениях этих двух групп лиц: “Юридические отношения устанавливаются только тогда, когда одно лицо, встречая на своем пути другое и вступая с ним в отношение, признает равноценность чужой личности и своей или, во всяком случае, такую самоцельность и самоценность чужой личности, которые считает необходимым уважать. Соответственно этому и отношения правительственных органов к населению стали подчиняться началу правомерности только с тех пор, как государственная власть перестала смотреть на население как на объект воздействия и признала в человеческой личности нечто самоцельное и самоценное. Такое положение создалось под влиянием нарастания общественного самосознания и общественной самодеятельности и выразилось в признании за населением не только всегда несомненной обязанности подчинения, но и целого ряда прав по отношению к государственной власти”¹.

Возникновение, изменение или прекращение правоотношений было обусловлено юридическими фактами. По волевому признаку юридические факты делились на события и юридические действия. По их отношению к норме объективного права различали юридические факты правомерные и неправомерные. Указанные различия относились как к событиям, так и к действиям, поэтому в общем плане, по мнению Ф.Г. Тарановского, юридические факты делились на: 1) правомерные юридические события или юридические факты в тесном смысле этого слова; 2) правомерные юридические действия или просто юридические действия; 3) неправомерные юридические события; 4) неправомерные юридические действия или правонарушения”².

С точки зрения юридического позитивизма право рассматривалось как продукт деятельности государства. Однако и здесь наблюдается стремление “ограничить” государство действием права. Эта особенность отмечалась и Ф.В. Тарановским, отмечавшего следующее: “Чтобы внушить

---

¹ Хрестоматия... С. 284.

² Там же. С. 121.

подданным беспрекословное повиновение праву не за страх, а за совесть, и чтобы сообщить юридическим нормам устойчивость, государственная власть из разумного расчета сама подчиняется действию ею же устанавливаемого права. Благодаря этому, право приобретает обязательность двустороннюю, - и для подвластных и для самой власти. Указанная двусторонняя обязательность юридических норм вытекает не из приоритета права перед государством и вообще не из метафизической сущности права, а из эмпирического самоограничения государства, руководимого разумным расчетом”¹.

Препятствием на пути к теоретическому обоснованию приоритета права над государством являлась концепция “государственного суверенитета”. Поэтому в новых теоретических конструкциях определяются возможные пути для устранения этого препятствия. В соотношении с этим роль государственного суверенитета либо снижается, и на первое место ставится “суверенитет права”, либо вовсе отрицается, и обосновывается действие права на началах “общественной солидарности”.

Представители теории “суверенитета права” исходили из того, что всякая власть в обществе является неизбежно правовой. Сама организация государства покоится на праве, и поэтому государственные функции должны быть подчинены “началу правомерности”. В силу этого “абсолютизм власти устраняется и над суверенитетом государства надстраивается суверенитет права”². Провозглашая приоритет права над государством, Ф.В. Тарановский отмечает: “Законность правления создает правовые формы для проявления государственной власти, система субъективных публичных прав устанавливает правовые пределы для проявлений государственной власти. Необходимо отметить, что облечение деятельности государственных органов в правовые формы подзаконности само по себе является уже некоторой правовой сдержкой проявлений государственной власти. Но устанавливаемый таким образом предел не может быть ни достаточно точным, ни в должной мере прочным, так как он вытекает только из объективных требований закона и не опирается на субъективные права подданных”³.

Сторонники теории солидарности вообще отрицали понятие государственного суверенитета так же, как и само государство, полагая, что общественная среда в целях собственной охраны и развития создает силы “правлящих” и “управляемых”. И управляемые, и правящие в равной мере подчиняются праву. Одни правящие отличаются от управляемых лишь “наличностью превосходства силы, но не назначением и способом употребления силы”. Действия правящих вне предела правовых требований

---

¹ Цит. по: Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 78-79.

² Там же. С. 79.

³ Хрестоматия... С. 287.

должны рассматриваться как акты тиранического насилия, и в этих случаях управляемые не обязаны повиноваться.

Одно из центральных мест в философско-правовых воззрениях Ф.В. Тарановского занимает идея правового государства. “Государство, в котором для проявления власти установлены правовые формы и правовые пределы, - указывает он, - принято называть в государствоведении и в правоведении правовым государством (Rechtsstaat)”¹. Ф.В. Тарановский отмечает, что первоначально о правовом государстве говорили в противоположность полицейскому и понимали под правовым государством “ограничение задачи государственной власти культурой права в смысле правотворения в законодательстве и защите права в суде; задачу управления сводили при этом к обеспечению внешней безопасности личности”². Впоследствии задачи государственного управления свелись к содействию – культуры общества; “по вопросу о задачах и компетенции государственной власти правовое государство было заменено понятием государства культурного (Kulturstaat)”. Ф.В. Тарановский выступал против такого узкого понимания правового государства. Он понимал под правовым такое государство, которое обеспечивает верховенство права и закона, максимальную гарантию прав и свобод человека, равенство всех перед законом и судом, взаимную ответственность гражданина и государства, судебную и иную защиту личности. По своему содержанию у него было близкое к современному представлению сущности правового государства: “Специфическим признаком правового государства в современном его понимании является безусловное признание правовых форм и правовых пределов для всех проявлений государственной власти. Существенное для правового государства значение имеет вопрос не о том, на что направляется деятельность государства, а о том, как она осуществляется или, говоря иначе, вопрос о том, как государство правит”³.

Законность правления обозначает такой порядок, при котором закон признается высшей нормой для деятельности государства, и отправление всех функций государственной власти в принципе совершается на точном основании существующих законов. Закон, далее указывает он, определяет порядок и содержание деятельности судебных учреждений и устанавливает компетенцию, порядок и образ деятельности административных органов. Суд и управление становятся, таким образом, подзаконными и по форме, и по содержанию своей деятельности.

“Законность правления, - писал Ф.В. Тарановский, - неразрывно связана с верховенством закона над всеми остальными источниками и видами положительного права. Поэтому законность правления водворяется вместе

---

¹ Хрестоматия... С. 285.

² Там же.

³ Там же.

с упрочением указанного верховенства закона”¹. Законность правления неразрывно связана с системой субъективных публичных прав граждан, в которой устанавливается следующая родовая структура: 1) право на участие во власти; 2) право на свободу от власти; 3) право на содействие власти. Таким образом, Ф.В. Тарановский выстраивает конструкцию, в которой “законность правления и система субъективных публичных прав взаимно восполняют друг друга и в своей совокупности обеспечивают полное осуществление идеи правового государства”².

Несмотря на отмечаемую многими учеными-правоведами близость правовых и моральных регуляторов человеческого поведения, противоречия между правом и нравственностью (моралью) полностью не устранялись. Это отмечал и Ф.В. Тарановский, когда писал о трех видах этих противоречий: 1) предписание права противоречит субъективной морали этого лица; 2) они противоречат морали того общественного класса, к которому принадлежит лицо, призываемое к исполнению определенной юридической обязанности, и 3) предписания права противоречат той морали, которую признает сам законодатель”³. К этому добавились и противоречия между нравственностью и устаревшими правовыми положениями. Нравственность рассматривалась как более динамичная система, чем право. “Правовое творчество не всегда поспевает за этим поступательным движением в жизни, нередко отстает от него, и таким образом возникают коллизии между повышенным нравственным уровнем общества и его отсталым правом. Эти коллизии дают толчок изменениям в области права и содействуют возведению его на уровень нравственных воззрений общества”⁴.

В составе социальных норм, которые связывают человеческую волю, по мнению Ф.В. Тарановского, различают два их основных вида – нравственность и право. Ученый-правовед, обозначив это разделение, задается вопросом – “каким образом связываем мы нашу волю нравственностью и каким образом правом...?”. Во внутреннем процессе волевого действия, определяемого законом, отмечает Ф.В. Тарановский, различаются три основных момента: побуждение к действию, или мотив, правило и поступок. Этическим законом определяются правило и поступок. Что же касается побуждения, или мотива, то он не всегда определяется этическим законом. Нормы, определяющие правило и поступок, составляют нравственность; нормы, определяющие побуждение к действию (волю), – право⁵.

Связывая нормы с человеческой волей, Ф.В. Тарановский различает нравственную волю и правовую волю: “Нравственной, или доброй, будет только та воля, для поступков которой нравственный закон составляет не

---

¹ Там же. С. 286.

² Хрестоматия... С. 286.

³ Кузнецов Э.В. Указ. соч. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Русская философия права. Антология. С. 346-347.

только правило, но и побуждение. Нравственная, или добрая, воля не только исполняет нравственный закон, но и стремится исключительно к его соблюдению. Если воля принимает нравственный закон за правило своей деятельности и исполняет его в поступке, но исходит при этом из иных побуждений, а не из чистого стремления к соблюдению закона, то она совершает деяние только закономерное, а не моральное; воля в этом случае не нравственна, не добра, а только легальна”¹.

Нравственная обязанность, отмечает Ф.В. Тарановский, заключается не только в том, чтобы совершить деяние, требуемое законом, но и в том, чтобы совершить его ради самого закона. Юридическая же обязанность, напротив того, исчерпывается совершением деяния, требуемого законом, и не простирается на душевное внутреннее настроение, побудившее нас к совершению деяния. Говоря иначе, нравственность нормирует и внешние поступки, и внутреннее настроение человека, право – только внешние поступки². Кроме того, отличие нравственности и права проводится через категорию обязанности следующим образом: “Нравственность устанавливает лишь одностороннюю обязанность действующего лица. Право сверх установления обязанности действующего лица воздает еще другому, приписывает ему как должное то, чего требует от первого лица как исполнения обязанности”³.

Сущность норм нравственности заключается в одном велении (*imperare*); нормы нравственности – это исключительно повелительные, или императивные, нормы. Сущность юридических норм не исчерпывается велением; к велению присоединяется еще воздаяние. Право, по мнению Ф.В. Тарановского, представляет собой совокупность норм императивно-атрибутивных: “Еще древнеримское изречение гласило, - отмечает он, - что право предписывает нам: жить честно, никому не причинять ущерба и воздавать каждому свое”⁴.

Общим началом, присущим и нравственности и праву, является цель: “Обеспечение общих и личных интересов и установление пределов индивидуальной свободы, несомненно, входит в задачу нравственности так же, как и в задачу права. Разница заключается лишь в средствах и путях разрешения этой задачи”⁵.

18. Спекторский Евгений Васильевич

Имя и творчество видного социального философа, правоведа, теоретика культуры Е.В. Спекторского (1875-1951) несколько оттенено коло-

---

¹ Там же. С. 347.

² Русская философия права. Антология. С. 347.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 354.

ритными фигурами, представляющими российскую правовую мысль – Б.Н. Чичериным, С.А. Муромцевым, Н.М. Коркуновым, Л.И. Петражицким и др. Тем не менее, творческое наследие Е.В.Спекторского оказалось чрезвычайно насыщенным интересными идеями в области нового “образа права”. Современный исследователь отмечает: “В русской философии конца XIX – начала XX вв., по справедливому замечанию А.Ф. Лосева, особое внимание было приковано к конкретной человеческой жизни. Это определение примечательной особенности русской философии сейчас общепризнанно. Одно из подтверждений этой мысли дает деятельность социально-правового направления в отечественной философии этого периода”¹. К этому направлению и принадлежал оригинальный философ права Евгений Васильевич Спекторский. Родился он в г. Остроге Волынской губернии в семье мирового судьи, двоюродного брата известного психиатра С.С. Корсакова. Благодаря матери, французской швейцарки, Спекторский с детства хорошо знал французский и немецкий языки и питал интерес к европейской культуре. В 1893 г. с отличием окончил классическую гимназию в Радоме и поступил на юридический факультет Варшавского университета. Спекторский был учеником профессора А.Л. Блока (отца поэта А.А. Блока), о котором позднее написал брошюру “А.Л. Блок, государствовед и философ” (1910). В 1898 г., по окончании университета, получил степень кандидата права за работу “Жан-Жак Руссо как политический писатель” и был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессуре. В 1901 г. Спекторский был командирован за границу, работал в библиотеках Парижа, Берлина, Геттингена и Гейдельберга. В 1903 году избран доцентом кафедры энциклопедии и истории философии права. После защиты магистерской диссертации в Юрьевском университете (1910) был приглашен профессором в университет Св. Владимира в Киеве (1913). В 1917 г. получил степень доктора государственного права в Московском университете; в 1918 г. был избран деканом юридического факультета, затем ректором Киевского университета. В начале 1920 г. эмигрировал в Югославию, где до 1930 г. был профессором Белградского университета с перерывом в 1924-1927 гг., когда Спекторский был профессором и деканом юридического факультета (основанного П.И. Новгородцевым) Русского университета в Праге² и в течение одного семестра преподавал в Карловом университете. С 1930 г. – профессор в Люблянском университете, председатель Словенского общества философии права и социологии. В 1945 г. Спекторский перебрался в Италию, где два года провел в лагерях для “перемещенных лиц”. В 1947 г. был приглашен в Нью-Йорк для организации Св.Владимирской православной духовной академии, профессором

---

¹ Шамшурин В.И. Указ. соч. С. 132.

² Исаев И.А. Русская юридическая наука за рубежом 20-е – начало 30-х годов // Государство и право. 1994. № 7. С. 169.

которой он был до своей смерти. Спекторский был также первым председателем Русской академической группы в США.

Наиболее важной работой Е.В. Спекторского является труд “Проблемы социальной физики в XVII веке” (Т.1. Варшава, 1910; Т.2. Киев, 1917), в которой он показывает, что идеалы механического объяснения рассматривались мыслителями того времени как универсальные, применимые и к социальной сфере. О программной статье Е.В. Спекторского “Юриспруденция и философия” (1913) с очень большим уважением отзывались П.И. Новгородцев и С.И. Гессен¹. В 1925 г. в Праге Спекторский опубликовал книгу “Христианство и культура”, в которой обосновал положительное значение христианства для философии, науки, искусства, для развития права и государства, для укрепления идеи личности, поэтому несколько необоснованной представляется оценка, данная этой книге В.В.Зеньковским, как “малоценной”².

Спекторский являлся ученым академического типа, его работы насыщены ссылками на редкие источники и демонстрируют исключительную эрудицию. Большая часть его жизни была связана с университетским преподаванием, он написал несколько учебников, из которых наиболее важны двухтомная “История социальной философии” (Любляна, 1932; на славянском языке) и “Начала науки о государстве и обществе” (Белград, 1927, на сербском и русском языках). В названном выше учебнике, касаясь современного состояния юриспруденции, Спекторский указывает на те положительные сдвиги, которые произошли в ней. “Отрадно, - отмечает он, - то, что колеблется догматизм и чересчур упрощенное мировоззрение той еще недавно безгранично господствовавшей юриспруденции, которую можно назвать юриспруденцией повелений. Эта та юриспруденция, которая признает государственную власть не только издательницею правовых норм, но так же и их созидательницею, и сообразно с этим признает только ее волеизъявления положительным правом и, наоборот, положительное право только ее волеизъявлением”³. На смену юриспруденции повелений приходит юриспруденция справедливости или юриспруденция социальных отношений, которая отказывается отождествлять право с законом, исходящим от суверенной власти. “Она помещает право не под государственной властью, а вне ее и даже над нею”, - подчеркивал Спекторский.

Спекторский дает определение права с этической точки зрения: “Право – это объект специфически морального познания. В этом состоит величие юриспруденции, как теоретической, так и практической... Величие состоит в том, что всех людей, здоровых и дегенератов, уравновешенных и слабых, она ставит на номенальную, этическую высоту моральных лиц, обладающих моральною волею, но также и ответственных

¹ Шамшурин В.И. Указ. соч. С. 133.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2. Ч.2. Л., 1991. С. 227.

³ Хрестоматия... С. 273.

пред деонтологическим законом”¹. Таким образом, взаимосвязь права и морали проходит у Спекторского через понятие деонтологии, раздел этической теории, в котором рассматриваются проблемы долга, моральных требований и нормативов и вообще долженствования как специфической для нравственности формы проявления социальной необходимости (термин введен английским философом И. Бентамом). Данное положение Спекторского о взаимосвязи морали и права весьма созвучно современному взгляду на эту проблему. “Социальная этика напрямую соотносится с правом, порождает право, также как право инициирует социально-этические нормы”, – указывают современные исследователи². Трагизм современной юриспруденции состоит, по мнению Спекторского, в том, что понятия ответственности и вины вытесняются понятиями причины и следствия; этическая подзаконность вытесняется психической и физической. Мир права в представлении Спекторского – “это особый мир, мир идеального с целым рядом презумпций, конструкций и фикций”, надстраиваемый над эмпирической действительностью. Вся работа юридической мысли совершается в каком-то особом надэмпирическом мире.

Спекторский поднимал вопросы, касающиеся теории познания в юриспруденции. “Главный вопрос теории юридического познания – это вопрос о реальности того специального мира, с которым имеет дело юриспруденция” “Какова же реальность юридического мира?” – задается вопросом Спекторский. Она заключается, по его мысли, в реальности норм положительного права, учреждений, их применяющих и юридических актов. В свою очередь реальность правовой нормы состоит в том, что она действует, т.е. что она применяется судом или иными органами применения права. “И сообразно с этим действительность юридического мира – не физическая и не психическая, а моральная”, – указывает Спекторский. Такова же и реальность нравственных истин. “Но в отличие от нравственности в тесном смысле, мир права познается путем совершенно осязаемых внешних признаков, сообщающих юридическому опыту весьма конкретный характер. Так, у норм положительного права есть вполне осязаемые документальные источники. Наличие большинства юридических актов и фактов опять-таки устанавливается путем документов, показаний свидетелей и т.п.”, – таким видится отличие права и нравственности в правовом учении Спекторского³.

Для Спекторского в понятии “юридическая культура” неотъемлемым является такая этическая категория, как “справедливость”. “Справедливость для настоящего юриста действительно является предметом почитания. Он верит в нее, верит в ее объективное существование. Он преклоняется перед ней и требует от других, чтобы они тоже преклонялись. При-

---

¹ Там же. С. 274.

² Букреев В.И., Римская И.М. Указ. соч. С.15.

³ Там же. С. 277-278.

меняя ее, он священнодействует, выполняет как бы таинство, обряд”, – отмечает философ в своем труде “Христианство и культура”¹.

Юридическая культура активно воздействует на человеческую природу и сущность человека, его инстинкты. После юридической переработки такого неустранимого природного факта, каким является эгоизм, вытекающий из инстинкта самосохранения и потребности питания, получается лицо, физическое или юридическое, с теми или иными субъективными правами, а также собственность. Переработанный юридически инстинкт размножения дает семейное и наследственное право. Переработанный юридически природный факт господства одних людей над другими дает публичное право. Переработанный юридически природный факт массового общения людей дает или должно дать социальное право. Вся эта переработка производится под знаменем справедливости, юстиции, чего-то для правовой культуры священного².

Спекторский насчитывал в современной ему юриспруденции три крупные проблемы права: объективное право, юриспруденция отношений и социальное право. “Объективное право – это основная проблема всякой философии права, всякой юридической теории, - отмечает Спекторский. Она состоит в том, существует ли действительно такой объективный правовой критерий, который не является случайным порождением усмотрения, воли людей, если даже не произвола, меняющегося в зависимости от обстоятельств”³. Проблема объективного права, указывает социальный философ и правовед, по традиции, идущей от древности, ставится в виде проблемы так называемого естественного права, которое претерпело с античности до конца XIX века четыре редакции.

Проблема юриспруденции отношений – это частный случай общей проблемы науки об отношениях. Социальный смысл науки об отношениях в том, указывает Спекторский, что человек и все, с ним связанное, рассматриваются здесь не изолированно, индивидуалистически, а в общении и взаимодействии с другими людьми. Проанализировав систему взглядов на сущность правовых отношений Вольфа, Боэция, Конта, Мальбранша, Бодена, Вейгеля, Пуфендорфа, Савиньи, Спекторский пришел к следующему выводу: “Только христианская философия права вполне свободна как от частноправного идолопоклонства перед “единственным и его собственностью” Макса Штирнера, т.е. перед отдельным лицом и отдельной вещью, так и публично-правового идолопоклонства перед государством и теми, кто от его имени приказывают, запрещают и разрешают”⁴.

И наконец, третья важная проблема, которую ставит Спекторский – проблема социального права, которая является естественным порождени-

¹ Русская философия права. Антология. С. 357.

² Русская философия права. Антология. С. 357-358.

³ Там же. С. 368.

⁴ Там же. С. 375.

ем различия и противоположности частного и публичного права. “Система частного права строится на трех китах: на личности как изолированном эгоистическом существе, для которого легальное своекорыстие считается уже добродетелью юридической, Ульпиановой добродетелью; на собственности как неограниченной власти (*dominium*) лица над вещью безотносительно к государству и обществу; наконец, на договоре как добровольном и свободном соглашении отдельных лиц, которым никто не помогает, но также и не мешает взаимно обязываться о чем угодно. Система публичного права строится на трех других основаниях: на государстве как особой надличной и надобщественной вещи (*res publica*) или личности; на власти (*imperium potestas*) как возможности приказывать, запрещать и разрешать населению; и, наконец, на политических правах граждан как предоставлении, патенте, терпимости со стороны государственной власти”¹, – пишет Спекторский.

“Полная и законченная юриспруденция - юриспруденция братства – возникнет только благодаря христианской культуре”, - утверждал в своем труде Спекторский. Таким образом, христианская философия права была призвана разрешить, по мысли Спекторского, проблемы взаимоотношений между личностью и государством, между эгоизмом отдельных людей, укрепления идеи отдельной личности. Е.В. Спекторский, на наш взгляд, по праву вошел в плеяду блистательных имен, составив, наряду с кн. Е.Н.Трубецким (1863-1920), как бы “вторую линию” в философии русского права, но чрезвычайно уважаемую за ясность, принципиальность и четкую системность во взглядах.

19. Вышеславцев Борис Петрович

Вышеславцев Борис Петрович (1877-1954) – философ, публицист, литературный критик. Закончил в 1899 году юридический факультет Московского университета и занялся адвокатской практикой. После сдачи магистерского экзамена был направлен в Германию, где учился в Марбурге на семинарах П. Наторпа и Г. Когена. Вскоре после возвращения в Россию в качестве приват-доцента начал читать в Московском университете курс политических учений, который до него вел П.И. Новгородцев. В предвоенные годы был известен как "один из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов"²(Степун Ф.А.). Защитил диссертацию "Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии". В 1922 г. вместе с большой группой ученых, писателей, деятелей культуры был выслан за границу, где его философское дарование достигло подлинного расцвета. До 1924 года жил в Берлине, где чи-

¹ Русская философия права. Антология. С.375.

² Цит. по: Сапов В. Философ преображенного Эроса // В кн.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 6.

тал лекции в Религиозно-философской академии, а после переезда академии в Париж был приглашен на должность ректора в издательство ИМКА-Пресс. В 1925 году вместе с Н.А. Бердяевым основал журнал "Путь". В 1934 году в Париже вышел основной философский труд Б.П. Вышеславцева "Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати".

"Когда в октябре 1954 года в Женеве умер Борис Петрович Вышеславцев, - пишет современный исследователь его творчества, - мало кто из современников понимал, что с его смертью подошла к своему концу и многовековая традиция в истории русской религиозной мысли. Конечно, в истории, как говорил Ф.М. Достоевский, ничто никогда не кончается и ничто не начинается с самого начала. И все же с той долей условности, с какой можно говорить о начале русской религиозной философии, можно говорить и о ее конце, точнее, о конце того ее направления, которое восходит к "Слову о Законе и Благодати" митрополита Илариона и завершается "Этикой преображенного Эроса" и "Вечным в русской философии" Вышеславцева. Какой-то, пусть предварительный, итог почти тысячелетнему развитию русской религиозно-философской мысли в этих работах подведен, и хотя подведен он, увы, вдали от родины, к счастью, настало время и нам познакомиться с ним"¹.

Интерпретация права и закона в труде Б.П. Вышеславцева представляет собой религиозную систему, в которой с позиций религиозного философствования освещаются эти социальные элементы. При исследовании этих явлений "Рахманинов русской философии", как назвал Вышеславцева С.А. Левицкий, задается вопросами: почему Закон как принцип этики должен быть отвергнут? Этика Благодати отвергает ли Закон? В чем смысл права и государства с точки зрения метаномической и метаполитической этики Благодати (т.е. этики, стоящей "за", "выше" закона (букв. перевод греч. *nomos*), и политики (по греч. *politics*).

Прежде всего, Вышеславцев различает две системы ценностей: 1) Закон как высшая ценность ветхозаветной религиозной этики, а может быть, и всей дохристианской этики вообще; 2) Благодать как более высокая праведность, без которой нельзя войти в Царство Небесное. "Противопоставление закона и благодати, закона и любви, закона и Царства Божия проходит через все Евангелия и точно формулируется, как основной принцип христианства, в Прологе Ев. Иоанна: "закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа"².

Закон есть прежде всего норма внешнего поведения, получившая религиозное значение. Это постановления: "не прикасайся", "не вкушай", "не дотрагивайся". Религиозные законы всех религий, утверждает Вышеславцев, а особенно еврейской, поражают своим мелочным материализмом — это суетная религия. "Закону" противопоставляется "вера" как непосред-

¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 5.

² Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 17.

ственное отношение между богом и человеком, не через посредство приказов и запретов Закона, а в интимно-сердечном соприкосновении любви; с нею связано ответное воздействие Божества, дарующего радость, "благодарить" и утешение. "Закон" преграждает путь в Царство Божие, он есть преграда между людьми и преграда между Богом и человеком. Бог закрыт для сердца человека, отделен завесою Закона. В Благодати – отношения между всеми людьми и между людьми и Богом; в Законе – отношения подчинения, субординации и подавления. Пребывание под Законом определяется как рабство, а Благодать Христова как свобода¹.

"Закон Моисеев (и, в сущности, всякий закон), - пишет Б.П. Вышеславцев, - касается сфер человеческого поведения и человеческой деятельности – религиозно – ритуальной, моральной и правовой. В нем есть важное и неважное, ценное и неценное, божественное и небожественное. Самое ценное в нем – это борьба со злом и запрещение преступления ("не убий", "не укради", "не прелюбодействуй"... Но закон не есть высшая творческая сила, высшая творческая сила есть любовь. Больше того, любовь есть высшая ценность и святость, венец достижений, ибо "Бог есть любовь"².

Закон может быть нарушен, если конкретное творчество любви разрывает формальные рамки нормы, как общего правила, не могущего предусмотреть всего богатства конкретных ситуаций жизни. В этом случае закон может оказаться "мертвой буквой", убивающей жизнь. Но есть и другое, более полное отрицание нормы закона, когда сама норма отныне признается дурной и несправедливой. Закон, "законодательство", никогда не есть непосредственная встреча человека с Богом, никогда не есть непосредственное общение между человеком и Всевышним, не есть единство человеческой и божественной воли. Закон опосредован, дается через посредника, через законодателя. Закон трансформируется через ум и сердце дающего его толкование. "В силу этого, - объясняет Вышеславцев, - если в законе есть элемент божественного, то в нем еще непременно есть элемент небожественного. Закон – это "заповедь человеческая", "предание человеческое", как говорит апостол Павел. Закон "номотетичен", он должен быть установлен людьми и принят людьми, хотя бы они старались выразить в нем идею божественной справедливости. Это то, что юристами называется "положительным правом", момент "позитивности" в праве. Он и есть сфера несправедливости в праве. Закон всегда есть законодательство, законоположение, устав. И этот момент установления и принятия есть творческий акт человеческой природы, которая всегда погрешает. Нет непогрешного положительного права и непогрешного закона. Положительное право склонно подменять заповедь Божию "заповедями человеческими". "Слово

---

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 20.

Божие" устраняется установленным "преданием" и казуистическими толкованиями"¹.

Закон никогда не содержит в себе непосредственно божественных ценностей, так как между ним и этими ценностями есть посредник – человеческая природа, и природа, искаженная первородным грехом. Греховная человеческая природа формулирует норму искаженно, опосредованно, поэтому нет совершенного права и совершенных норм. Несовершенство положительного закона проистекает также не только по несовершенству законодателя и "посредника", но может быть налицо иное несовершенство закона, вытекающее из несовершенства тех, к кому обращен императив закона.

Явление богаче закона, конкретная полнота жизни никогда не охватывается и не создается законом: "Творчество истории человека, народа и человечества ускользает от всякой нормы уже просто потому, что творчество истории индивидуально и неповторимо в каждой своей исторической ситуации и творит вечно новое и небывшее; а норма всякого закона – есть общее правило, абстрагирующее от отдельных конкретных случаев, правило консервативное, требующее соблюдения того, что установлено, что принято"². История творится верою, а не законом, утверждает Вышеславцев как один из "интереснейших представителей философского персонализма" (Зеньковский В.), добавим, христианского. Бесполезно искать спасения в законе, оно лежит только в вере; вера есть творческая сила, она творит жизнь, "животворит"; закон, напротив, есть "мертвая буква", он не может "животворить", созидать жизнь, он творчески бессилен, ибо никогда не указывает конкретного деяния, а лишь ставит границы и запрещения. Проклятие закона снимает только Христос; человек спасается верой во Христа, а не делами Закона, "человек оправдывается верою независимо от дел Закона", получает оправдание "независимо от Закона", "даром, по благодати". "Но если закон не создает жизни, - продолжает Б.П. Вышеславцев и как религиозный философ доводит свою мысль до вершины теологического обоснования сущности Абсолюта, - не созидает веры, то, напротив, вера, жизнь, история созидают закон. Установление закона, законодательство – есть исторический факт и конкретное творчество, которое определяется интуицией Абсолютного и не может быть вычитано ни из какой буквы закона, внешнего или внутреннего. Законодательство Моисея есть акт веры Моисея, творческий акт, имеющий своей основой интуицию Абсолютного и выражение этой интуиции в норме, опосредованной человеческой природой ("посредник")³.

Центральным понятием ветхозаветной этики и религии, отмечает Вышеславцев, является самое понятие "Завет", т.е. понятие "союза" и "до-

---

¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 25.

говора". В основе всего лежит союз, верность союзу и договору, обосновывающему союз между Богом и народом, между индивидами, образующими нацию. Нация обосновывала социальную жизнь, право и государство на договоре, создавалась юридическим актом: "Мы получаем настоящий "общественный договор", обосновывающий союз..., договор, вводящий в правовые отношения и Бога, подобно договору римского народа с цезарем. Но всякий договор и всякий союз, построенный на договоре, есть правоотношения и, следовательно, кладет в основу норму поведения, иначе говоря, "закон дел". Понятие "Завета" необходимо утверждает закон и жизнь в законе"¹.

Напротив, в Царстве Божьем, продолжает религиозный философ, в Царстве не от мира сего, не может быть договорного начала, оно метаюридично; нельзя становиться в договорные начала к абсолютным ценностям: небо, землю, жизнь человека, храм, жертвенник, Иерусалим – нельзя их делать как бы залогом договора, "закладывать". Ибо любовь к Богу, как Отцу, не есть договор, и любовь к братьям не есть договор и потому не есть "закон дел", норма правоотношения.

С точки зрения божественного предопределения рассматривается у Вышеславцева и идея естественного права, которое стоит над любыми законами. Естественный закон признается имеющим значение "для всех времен и народов" как закон совести, закон, написанный в сердцах. Естественный закон отождествляется у Вышеславцева с божественным законом и лежит в основе положительного закона, является мерилем его ценности.

При взгляде на соотношение права и нравственности Вышеславцев придерживается позиции Л.И. Петражицкого: "Если мы возьмем то различие права и нравственности, которое устанавливает Петражицкий (право есть императивно-атрибутивная норма, т.е. норма, предоставляющая субъективные права и налагающая обязанности и не предоставляющая прав), то станет ясным, что "закон" объемлет и закон права, и нравственный закон, ибо и право, и нравственность здесь мыслятся посредством категории императивной нормы"².

Естественно, что религиозный философ ставит естественное право, естественный закон выше положительного. Можно еще перенести, отмечает Вышеславцев, когда обесценивается положительное право, или положительный этос, но когда у нас отнимается естественный закон, закон совести, написанный в сердцах, лучшее и высшее, что есть в законе, - тогда кажется, что всякая нравственная почва уходит из-под ног и всякая этика исчезает.

Будучи яркой фигурой в созвездии мыслителей русского религиозно-философского Ренессанса, чьи философские построения сохраняют свою

---

¹ Там же. С. 32.

² Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 37.

значительность и поражают изящностью слога, ясностью мысли, четкостью анализов, Б.П. Вышеславцев считал, что человечество спасется тем, что последует по пути в царство творческой любви – Христовой любви. "Ошибаются те, - отмечает он, - кто думает, что справедливое устройство человечества ("оправдание") разрешается системой справедливых законов, идеальным государством – монархией, или республикой, или коммунизмом, как думал античный мир и как думает современное в нехристианское человечество, ошибаются и те, которые хотят устроить человеческую душу и сделать ее праведной, связав своеволие страстей сетью моральных императивов и запретов. Ни усовершенствование законов, ни организации властей, ни постоянное моральное суждение и осуждение (любимые занятия толпы) не устраниют и даже не уменьшают количества зла и преступления на протяжении исторического пути. По-прежнему "мир весь во зле лежит", и порою кажется, что он становится еще злее. Трагедия "закона" в том, что он хочет и не может, требует и не выполняет, обещает и не дает"¹.

В.П. Вышеславцев, оставаясь на позициях христианского персонализма, рассматривал проблемы соотношения светской и духовной власти. В статье "Проблема власти и ее религиозный смысл" (1934) понятие и сущность власти получили у него оригинальное звучание. "Власть есть нечто наиболее проблематичное и загадочное, - указывает философ. – Она загадочна в своей сущности, в своей социальной и психологической природе, и проблематична в своей ценности. Власть есть то, что наиболее притягивает и отталкивает людей, то, что они обожают и вместе с тем ненавидят – "эти бунтовщики, ищущие перед кем преклоняться". Во власти есть нечто божественное и нечто демоническое. Есть мистика власти, эта жуткая мистика двуликого демона. Вот почему властители двуличны"².

Вышеславцев пытается дать феноменологический анализ власти. Власть, считает он, предполагает особое взаимодействие сознательных существ и есть социальный акт и при этом двусторонний: акт приказа и исполнения, связывающий слугу и господина, подданного и властителя. К феномену власти относятся такие понятия, как "неповиновение", "бездействие власти", "попустительство", "злоупотребление властью", "восстание". Власть не совпадает ни с силой, ни с авторитетом, ни с иерархическим преимуществом. Преимущество силы само по себе никогда не создает власти – только какая-то особая апелляция к силе при известных условиях создает власть, но отнюдь не всякое насилие. Авторитет также вовсе не совпадает с властью: можно обладать высоким научным, нравственным или религиозным авторитетом (например, Сократ, Будда, Христос) и вовсе не обладать властью.

Христос отверг государственную власть, дважды ему предложенную, в пустыне и Иерусалиме, как искушение от дьявола. Христос не был власт-

---

¹ Там же. С. 40-41.

² Хрестоматия... С. 292-293.

вующим мессией. Власть вовсе не совпадает в этом смысле и с иерархией. В Индии брахман иерархически стоит выше кшатрия, т.е. властителя. Отношение власти и подчинения не есть, таким образом, ни просьба, ни совет, ни подчинение авторитету, ни иерархическое преимущество, ни сила, ни подкуп. Власть – есть акт внушения, внушения абсолютной зависимости, когда чужое "Я" в некоторых отношениях занимает место моего собственного "я"; совершается как бы временная потеря своего "Я", "самоотчуждение", превращение себя в орудие чужой воли (слушаю и повинуюсь).

Вышеславцев поднимает проблемы взаимоотношения власти и права. Абсолютный произвол власти принципиально несправедлив и никогда не признавался правом. Несправедливо подчиняться приказу, независимо от его разумности и ценности. Потеря самости, самоотчуждение, характерное для всякого властвования, не может признаваться правом. Идея права есть свободный субъект, *homo sui juris*, автономная личность, которая сама рассуждает, сама оценивает, сама выбирает направление действий¹.

Отстаивая автономию личности, которая приобретает у него некоторое самодовлеющее начало, он писал: "Закон должен предстать на суд самости, ибо самость выше закона. И, только если я сам признаю закон и склоняюсь перед ним, только тогда закон начинает действовать для меня и налагать обязанности". "Самость", по утверждению Б.П. Вышеславцева, всегда выступает в двух аспектах, нераздельно и неслиянно существующих: "Я сам" и "Мы все". "Власть есть субординация", - продолжает Б.П. Вышеславцев в крупном социально-философском исследовании "Кризис индустриальной культуры" (1953), которое вызвало острую полемику в "Новом журнале" (Женева). В противовес власти сущность права состоит в координации, а не субординации; "право, прежде всего, покоится на принципе взаимности прав и обязанностей: *do ut des, facio ut facias*."... Эта сторона права с особенной силой была выражена в так называемой договорной теории права: право есть как бы сговор свободных лиц. Смысл права состоит в том, чтобы один человек не властвовал произвольно над другим"².

Отношение властвования необходимо и с самого начала принимает некоторую форму права, нормативную форму. Властвует тот, чьи приказы всегда исполняются, т.е. закономерно, нормально, а не в виде исключения. Иначе говоря, утверждает Вышеславцев, властитель тот, кто имеет право приказывать, а подчиненный есть тот, кто обязан подчиняться. Внушение зависимости, на которую психологически опирается всякая власть, есть, вместе с тем, внушение обязанности, внушение некоторого правоотношения. Законная власть, т.е. настоящая и подлинная власть, это та, которую не только я признаю властью, но которую все признают властью. В этом есть момент социального, коллективного внушения в феномене власти; не-

---

¹ Там же. С. 294-295.

²Хрестоматия... С. 297-298.

достаточно единичного признания и единичной властности: не только я сам, но мы все должны признать власть имеющей право властвовать, чтобы она действительно была властью. Связь права и власти прослеживается в том, что всякое право есть устав, постановление, оно всегда позитивно, номотично, предполагает законодательство и, следовательно, веление законодательной власти. Но если право есть приказ власти, то это совсем особый приказ, особое ее проявление. Право, и только право делает власть организующей, объединяющей и потому осмысленной и сублимированной (выражение Вышеславцева – К.У.) силой. В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобщепобязательной нормой. Закон перестает быть простым личным обращением властителя и подвластного: он обращен ко всем, его императив всеобщ и потому безличен.

Противоречие между правом и властью состоит в том, что право отрицает всякое властное принуждение и вместе с тем право абсолютно требует реализации при помощи властного принуждения. Это противоречие, по мнению Вышеславцева, разрешается двояким образом: во-первых, власть сублимируется правом, властеотношение превращается в правоотношение; во – вторых, власть есть цель, право есть средство укрепления власти и осуществления власти.

Решение проблемы антиномии власти и права Б.П. Вышеславцев в своей книге "Кризис индустриальной культуры" увидел в идее правового государства. "Решение антиномии власти и права при помощи сублимирующей силы права есть решение в духе правового государства, решение, противоположное диктаторскому принципу"¹. Правовое государство, отмечает он, связано с демократической формой субстанционально и существенно, потому что правовое государство требует в той или другой форме самоуправления, т.е. автономии личности и автономии общества.

"Правовое государство и демократия, - указывает философ, - есть наиболее полное развитие самости, доведенной до реального самоуправления". В правовом государстве человек осознает равноправие и равноценность личности и общества, индивидуальности и всеобщности, ибо только оно признает автономию личности и автономию народа, из которых ни одна не должна подавлять другую. В этом состоит принцип, идея, сущность демократии.

В указанном выше исследовании, посвященном проблемам социальной философии, дана критика как социализма, так и капитализма и вознесение демократии как совершенной формы управления: "Демократия есть непрерывная правоорганизация народов, правовым образом организованный народ, самоуправление, солидарность, соборность, - в этом ее сущность и оправдание"². Отвечая своим оппонентам, Б.П. Вышеславцев еще

---

¹ Хрестоматия... С. 299.

² Хрестоматия... С. 297.

раз подчеркнул, что выступает за демократию, "которая исключает центрально управляемое плановое хозяйство, исключает всякий хозяйственный и политический тоталитаризм и утверждает свободный рынок, свободу торговли, товарное и денежное обращение, принимая и утверждая при том частичное планирование, частичное ограничение хозяйственной автономии со стороны суверенного, правового, демократического государства"¹.

20. Алексеев Николай Николаевич

Алексеев Николай Николаевич (1879-1964) – философ права, один из идеологов евразийства. Наряду с такими замечательными учеными как П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Н.Н. Алексеев принадлежал к Московской школе философии права. Николай Николаевич Алексеев родился в 1879 году в Москве в семье профессионального юриста. Окончив гимназию, он поступает на юридический факультет Московского университета. В феврале 1902 года Алексеев исключается из числа студентов за революционную деятельность и приговаривается к шести месяцам тюремного заключения. После освобождения он уезжает за границу, в Дрезден, где продолжает свое образование. В связи с всеобщей амнистией министра Святополк-Мирского после первой революции в России Алексеев возвращается в Москву и в 1906 году успешно заканчивает факультет. За отличные успехи в учебе он оставлен на кафедре философии права, а в 1908 году избран ее приват-доцентом. С 1908 по 1910 годы Н.Н. Алексеев стажировался за границей в Берлине, Гейдельберге и Париже, где изучает новейшие философские и правовые теории, большое влияние на него оказывает неокантианство Марбургской и Баденской школ. Неокантианская методология надолго становится для него образцом научности. Затем наступает увлечение феноменологией Э. Гуссерля. Однако с годами в позиции Алексеева все более и более усиливаются религиозно-нравственные мотивы отчасти под влиянием обстоятельств личной жизни и в связи с тяжело пережитой им российской трагедией.

После возвращения из-за границы Алексеев защищает магистерскую диссертацию "Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов" и в 1911 году получает степень магистра государственного права. В 1917 году его избирают экстраординарным профессором на кафедре философии права. На протяжении всего 1917 года Н.Н. Алексеев активно сотрудничает с Временным правительством и участвует как специалист в подготовке Учредительного собрания. Дальнейшая судьба Алексеева во многом совпадает с судьбами других русских

---

¹ Цит. по: Гаврюшин Н.К. Б.П. Вышеславцев и его "философия сердца" // Вопросы философии. 1990. №4. С.59.

интеллигентов, ученых - тех, кто выступает противниками партии большевиков после Октябрьской революции. Алексеев принимает участие в Белом движении, после разгрома Добровольческой армии Деникина уезжает в Сербию, затем возвращается в Крым, где начинает преподавать право в Таврическом университете Симферополя и в Юридическом институте Севастополя. В 1920 году, после поражения генерала Врангеля, Н.Н. Алексеев эмигрирует в Константинополь, где некоторое время работает инспектором русской школы.

В 1922 году Алексеева приглашают в Русский университет Праги на должность профессора Юридического факультета, основателем которого был учитель Н.Н. Алексеева – П.И. Новгородцев. Здесь происходит сближение Алексеева с евразийцами, здесь же он пишет и издает свои новые работы и статьи. Одновременно Н.Н. Алексеев сотрудничает с Русским научным институтом в Берлине. После того, как в 1931 году Юридический факультет в Праге прекращает свое существование, а в Германии к власти приходят фашисты, Алексеев переезжает в Страсбург, преподает на русских юридических курсах Сорбонны. В 1940 году Н.Н. Алексеев переезжает в Белград, принимает участие в движении Сопротивления в годы Второй мировой войны и стремится восстановить контакты с Россией. В 1945 году ему удается получить советское гражданство, но из-за ухудшения отношений СССР и Югославии Н.Н. Алексеев живет в Женеве, где продолжает занятия правом и философией. Его не оставляют мысли о России и ее судьбе, о чем свидетельствуют его последние публикации. Свой жизненный путь Николай Николаевич Алексеев заканчивает в 1964 году в Женеве.

В годы крушения в России старой системы государства и права Алексеев публикует одну за другой свои работы по философии права: "Введение в изучение права" (М., 1918); "Очерки по общей теории государства." (М., 1919); "Общее учение о праве" (Симферополь, 1919); "Основы философии права" (Прага, 1924)¹. В заключительной работе цикла достаточно четко обозначается философское содержание политико-правовых идей, в которых автор видел выражение внутренней сущности права. Едва ли можно согласиться с В.В. Зеньковским в том, что философское творчество Н.Н. Алексеева ограничено его самой первой научной работой, а остальные посвящены только проблемам права². Для большинства работ Н.Н. Алексеева характерно исследование вопросов права и государства в их взаимосвязи с общефилософскими проблемами.

Работа "Основы философии права" написана в русле общих интересов исследователей конца десятых – начала двадцатых годов XX века: в этой работе особенно ясно чувствуется влияние феноменологической шко-

---

¹ Библиографию работ Н.Н. Алексеева см.: Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 17.

² Зеньковский В.В. История русской философии Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 129.

лы, которая пользовалась особым авторитетом. Влияние ее основателя, немецкого философа Эдмунда Гуссерля, на развитие философской мысли начала XX века трудно переоценить. Им увлекались такие известные мыслители, как Хайдеггер, Сартр, Шпет, Лосев. Чуткий современным философским направлениям, Алексеев первым в Европе попытался применить феноменологический метод в области философии права (до него А. Рейнах и Ф. Кауфман прилагали его лишь к решению частных вопросов). Сам Алексеев в предисловии к "Основам философии права" отмечает, что его метод можно назвать феноменологическим только с рядом оговорок: "Книга моя есть результат некоторого умственного опыта, стремящего усмотреть и вразумить внутреннее существо права. Но путь такого опыта указан был не только германской феноменологической школой. Я учился идти этим путем, следуя и французу Бергсону и нашему русскому философу Н.О. Лосскому"¹. Однако влияние феноменологии на взгляды Н.Н. Алексеева не столь велико, например, как на взгляды Шпета или Лосева. Он остается оригинальным мыслителем, глубоко и по-своему осмысляющим философскую сущность права.

Как и в предыдущих трудах, русский правовед исходит прежде всего из обобщения и осмысления современных ему теорий и взглядов на философию и теорию права. Затем он строит свою систему, основой которой являются темы, которые всегда были традиционны в русском правоведении: субъект права, ценность в праве, идеал правоотношений. "Все определения права, - указывает Алексеев, - построенные и общей юридической теорией и философией права, одинаково имеют характер некоторой одномерности". Эмпирические и априорные теории, ищущие определение права и сводящие к одному основному моменту, не могут удовлетворить современные потребности. И для эмпиризма и для рационализма одинаково одномерны такие определения, как "право есть норма", "право есть воля", "право есть интерес", "право есть свобода", "право есть порядок" и т.д. Главное затруднение, указывает правовед, заключается в том, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться². Право не сводимо к одному измерению. "Чтобы уяснить сущность воззрения на многомерную природу права, нужно вообще покинуть почву определений", - в этом Алексеев категоричен. Стремясь посредством "некоторого умственного опыта, сосредоточенного на предметной данности", чисто описательным путем усмотреть и выразить внутреннее существо права, он приходит к выводу, что "феноменальная структура права предстает перед нами, как некоторое многообразие, как единство нескольких измерений, подобное единству пространства, измерения которого представляются, в

---

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 17.

² Там же. С. 73.

конце концов, некоторыми основными данностями, определяющими его структуру"¹.

Элементы структуры права в ее ценности таковы: 1. Субъект или носитель обнаруживающихся в праве ценностей, - в частности актов признания. 2. Сами обнаруживающиеся в праве ценности. 3. Основные определения, которыми характеризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей, как между собою, так и к их носителям. Эти определения, или предикаты, являются неотделимыми от любого правового феномена, и ими как раз и характеризуются правовые явления².

Прежде чем указать на высшую ценность в иерархическом порядке ценностей, Алексеев дает свое понимание их классификации: "Так, например, чисто метафизическую основу имеет известное деление ценностей на два основных класса, на ценности чувственные (приятное - неприятное) и ценности духовные. Существование духовных ценностей и их преимущество перед чувственными основывается, в конце концов, на идее духа и духовной жизни, - идее религиозно-метафизической, предполагающей целое мировоззрение"³. Такую же метафизическую основу имеет известное деление ценностей на ценности личные и сверхличные. "Утверждение, что личные ценности выше, чем сверхличные, - продолжает Алексеев, - едва ли отделимо от общего метафизического или религиозного вопроса о природе высочайшего существа. Если мы будем мыслить его, как личность, то, конечно, мы будем считать высшими ценностями ценности личные, и, наоборот, высшее место займут безличные ценности при предположении, что высшее существование безлично"⁴.

Наиболее распространено мнение, указывает правовед, что основной правовой ценностью является человеческая личность. "Истина, что право существует для человеческой личности и для ее охраны, является как бы философско-правовой аксиомой", - ссылаясь на одного из новейших философов права, Густава Радбруха, отметил Алексеев. В мировоззрении правоведения до сих пор, по крайней мере, бывшем персоналистическим, нет и не может быть ровно никакой логически необходимой связи между эмпирическим фактом живой человеческой личности и идеей права, категорически утверждает Алексеев. "Материальные, нравственные, культурные и всякие иные потребности личности всегда являются чисто исторически-изменчивыми величинами. При одних условиях они могут способствовать развитию права, при других - могут прямо препятствовать ему. При одних условиях благосостояние личности может зависеть от права, при других - право может быть прямой помехой этому благосостоянию. Антропологизм в философии права так же, как и в других областях филосо-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 74-75.

³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 110.

⁴ Там же. С. 111.

фии, всегда приводит к точке зрения полной относительности, - к релятивизму"¹.

Отталкиваясь от имперсоналистической теории права в новой философии, примером последовательного проведения которой является взгляд Тренделенбурга на право как совокупность таких общих правил поведения, при помощи которых достигается сохранение и развитие нравственно-целого, Алексеев выводит следующее: "Отношение права к идее целого приводит нас к установлению основной правовой ценности, - к справедливости".² Справедливость мыслится Алексееву как некоторый порядок отношений, в котором каждому члену принадлежит то, что ему принадлежит. "Идея такого порядка мыслится, как некоторая целостность, как органическая связь. Нет никакой особой органической справедливости, как это в настоящее время иногда утверждают, но каждый справедливый порядок есть идеальный организм. В нем каждый член, имея причитающееся ему, не может не стоять в отношениях ко всем другим, не может быть не связан с ними органической связью"³.

Глубочайшей основой идеи справедливости, по утверждению Алексеева, является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, - мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства, правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое. Справедливость по идее своей есть истинная мера относительного достоинства ценностей. Эти последние и суть элементы всякого справедливого порядка.

Каким видится Алексееву справедливое общество как справедливый порядок. В реальном обществе, воплотившем в себе ценности, указывает он, мы имеем дело уже не с их чистым идеальным смыслом, но с его реализацией, - имеем дело, другими словами, с благами. "Реальное справедливое общество есть общество, построенное на правильном соотношении благ, - соотношении, в основе которого лежит, как образец, идея справедливости"⁴.

"Всякая ценность и соответствующее ей благо, - подчеркивает Алексеев, - может быть элементом истинно справедливого порядка - нравственная и эстетическая, личная и сверхличная, индивидуальная и коллективная, чувственная и духовная"⁵. Смысл идеи справедливости становится особенно ясным тогда, когда мы отвлекаемся от чисто нравственных и чисто личных ценностей. Понятия эгоизма, свободы и равенства, продолжает русский правовед, не могут дать, сколько-нибудь исчерпывающих характеристик существа права. Все они по своему смыслу относятся к явлениям

---

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 119

³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 119.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 124.

межличностным, а не к отношениям сверхличных ценностей. Установленное право должно определять одинаковые способы защиты и одинаковые способы признания ценностей. Ценностные отношения по существу своему иерархичны, и поэтому идея равенства менее всего к ним подходит. Поэтому правовой порядок, основанный на отрицании степеней ценностей и стремящийся вменить каждому равное, был бы просто искажением идеи справедливости. И, наконец, различные культурные блага не могут быть по существу своему вполне равными, и только справедливое признание степени их ценности сообразно и соответствует идее права. "Существование реализованных ценностей, на почве общего взаимного признания, и есть порядок общественной справедливости, служащий основой для идеи права", - резюмирует по существу определения права Алексеев¹.

Русский философ и правовед ставит вопрос о возможных носителях идеи справедливости. "Воплощаться справедливость может прежде всего в личности, - оттого она и является одной из добродетелей. С точки зрения носителя справедливость есть личная ценность. Но в то же время носителем справедливости может быть также и коллектив, - общество, например, или государство. "Справедливое государство" не столько есть излучающая из себя добродетель личности, сколько образец объективного социального устройства"².

Алексеев исходит из убеждения, что на огромной территории Евразии справедливый порядок, стабильность и устойчивость можно обеспечить только в таком государстве, в котором сочетаются преимущества аристократического и демократического способов правления. Эта идея органично присуща народным массам. Страной должно управлять высокообразованное, сознательное меньшинство в интересах широких народных масс. Такое меньшинство должно представлять собой что-то вроде духовного ордена, способного на моральное руководство народом. Оно вырабатывает государственный идеал и формирует высшую религиозно-философскую истину, причем должно учитывать, что "раз государство логически немыслимо без права, немыслимо также усовершенствование государства без соответствующего усовершенствования права и осуществления идеала правового"³. Право в таком обществе – это, прежде всего, возможность осуществления тех или иных действий (в отличие от правовых систем, подменяющих понятие "права" понятием "долга", "обязанности"). Идеалом государственного устройства становится древнерусское "государство – правда", подчиненное началу "вечности". В него органически включаются и субъективное право, и нормы справедливости. Во всяком правовом строе должны быть налицо субъективные права.

---

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 124.

² Там же. С. 123.

³ Там же.

Разнообразные попытки определения субъективного права, в которых имеется в виду только один элемент субъективных явлений в праве, - право, а не обязанность – являются однобокими¹. "Или субъективные явления в праве представляют собою некоторое единство, - тогда должно быть создано общее определение, охватывающее собою и момент правомочия и момент правообязанности; или право и обязанности суть совершенно первоначальные модусы, которые нельзя привести к одному определению, - тогда вообще не следует говорить о субъективных явлениях в праве, как о чем то целом... В этом отношении наиболее удачным является чисто формальное определение субъектного права, условно устанавливающее, что считает правомочием какое-либо конкретное законодательство"².

Субъективные права не во всяком обществе могут быть реализованы в полной мере. "Сомнительно, например, чтобы социалистическое общество, даже в самых его умеренных формах, могло допустить широкое распространение частноправовых юридических сделок. А в сколько-нибудь развитой форме социалистической строй, несомненно, изгонит из своего юридического обихода всякую возможность юридических сделок, вытекающих из воли отдельной личности. Допущение возможностей частноправовых юридических сделок в пределах социалистического общества равносильно было бы допущению такого влияния частных лиц на хозяйственные отношения, которое совершенно противоречит началам обобществления хозяйственных отношений. Сделать частное лицо источником права может только свободно хозяйственный, не социалистический строй", - отмечает Алексеев.

Будучи идеологом евразийства, Алексеев много внимания уделяет в эти годы разработке его социально-экономической системы, стержнем которой была идея "государственно-частной системы хозяйствования", способной ликвидировать расслоение общества на чрезмерно богатых и бедных. Социализм, по мнению Алексеева, не в состоянии решить этой проблемы, т.к. лишь устраняет большое число субъектов собственности, не меняя при этом ее структуру.

Алексееву, как и многим выдающимся мыслителям России XIX – начала XX вв. не были чужды проблемы соотношения права и нравственности. "Обсуждая вопрос об отношении права и нравственности, - отмечают современные исследователи, - русская философская и юридическая мысль решала проблему истоков национального права и даже шире – национального бытия"³. Алексеев различает в этой системе связей два принципиально разные понятия - "положительно установленное право" и

---

¹ Там же. С. 173-174.

² Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 174.

³ Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права. Антология. С. 17.

"положительно установленная нравственность". "Современные философские теории нравственности, - указывает он, - сводят этику исключительно к самоопределению воли, не признают возможности положительно установленной нравственности, покоящейся на авторитете и, следовательно, гетерономной. То, что установлено, в качестве положительного порядка по свойству своей установленности считается правом, а не нравственностью. Так что установленная система общественных обязанностей, односторонне определяющая отношение личности к обществу, должна быть признана системой правовой... Раз нравственные обязанности, вытекающие из внутренней автономии, санкционировались бы каким-либо установлением, они превращались бы в правовые. Но, по нашему мнению, между нравственностью и правом лежат гораздо более принципиальные и существенные различия. Система нравственных обязанностей, закрепленная установлениями и даже вытекающая из какого-либо внешнего авторитета, по существу своему образует систему положительной морали, а не права"¹.

Выдающийся русский ученый Н.Н. Алексеев до сих пор остается малоизученным и почти неизвестным в нашей стране. Заново открыть творчество замечательного отечественно правоведа – задача современного исследователя.

21. Ильин Иван Александрович

Видный русский философ, политический мыслитель, правовед, теоретик и историк религии и культуры Иван Александрович Ильин, родился 16 марта 1883 г. в Москве. По окончании гимназии в 1901 г. Ильин получил аттестат и золотую медаль. Примечательно, что в аттестате только две четверки – по логике и русскому языку. 15 июля 1901 г. Ильин пишет прошение ректору императорского Московского университета о зачислении его на юридический факультет. На юридическом факультете преподавали тогда выдающиеся профессора П.И. Новгородцев и кн. Е.Н. Трубецкой. Ильин стал студентом и вошел в научную школу П.И. Новгородцева. Платон, Руссо, Кант, Гегель – таковы были идейные центры школы П.И. Новгородцева. Его лекции по истории философии оставили глубокий след в сознании Ильина.

Сдав экзамены 25 мая 1906 г., Ильин был удостоен диплома первой степени, а 22 сентября – на заседании юридического факультета князь Е.Н. Трубецкой предложил оставить Ильина при университете для приготовления к профессорскому званию. В этом же году Ильин женился на Наталии Николаевне Вокач, которая занималась философией, искусством, позже историей и была духовно близка Ильину.

---

¹ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 117-118.

В 1909 г. Ильин сдал экзамены на степень магистра государственно-го права и после двух пробных лекций был утвержден в звании приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права своего родного университета. С осени этого же года он читал на Высших женских юридических курсах "Историю философии права" и вел семинар по "Общей методологии юридических наук". В 1910 г. он начинает читать свой первый курс в Московском университете, тогда же становится членом Московского психологического общества и в "Вопросах философии и психологии" печатает первую научную работу "Понятие права и силы". В конце года он вместе с женой уезжает за границу в научную командировку и проводит там (Германия, Италия, Франция) два года. С этого времени Ильин начинает активно публиковать свои работы. В целом научная командировка Ильина оканчивается успешно, и он возвращается в Москву продолжать работу в университете.

22 февраля 1914 г. Ильин выступает с докладом "Учение Гегеля о сущности спекулятивного мышления". Именно с этой работы начинается серия из шести его работ о Гегеле, составивших диссертацию "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека", вышедшую в 1918 г. в печати в двух томах: 1-й – «Учение о Боге», 2-й – «Учение о человеке».

Война России с Германией 1914 г. вызвала патриотический подъем, и Ильин не только проникся им, но и сыграл немаловажную роль в его упрочении. В этот период появляются две работы Ильина - "Основное нравственное противоречие войны" и "Духовный смысл войны".

После февральской революции 1917 г. Ильин из кабинетного ученого превращается в активного политика, борца и идеолога правого дела. "Оставаясь в Москве, – писал позже генерал А. фон Лампе, – И.А. Ильин тотчас же установил связь с генералом Алексеевым (организатором Белого движения на Юге России – С.М.) и беззаветно отдался делу Белых"¹. В 1918 г. его трижды подвергали аресту и содержали в застенках ВЧК в общей сложности около двух месяцев. Ильин, в частности, обвинялся в том, что вступил в московскую организацию "Добровольческой армии", заведовал ее Петроградским отделением и снабжал таковое деньгами, полученными от американского гражданина В.А. Бари. Его дважды судили, и оба раза он был оправдан за недоказанностью обвинения.

18 мая 1918 г. Ильин защитил магистерскую диссертацию. Его оппонентами были П.И. Новгородцев и князь Е.Н. Трубецкой. Диссертация Ильина была столь безукоризненна, что факультет единогласно присудил ему сразу две степени: магистра и доктора государственных наук. В те годы Ильин и не думал об эмиграции, его позиция была четко определена: "Уходят ли от постели больной матери? Да еще с чувством виновности в ее болезни? Да, уходят – разве только за врачом и лекарством. Но, уходя за

---

¹ Цит. по: Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин: Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 18.

лекарством и врачом, оставляют кого-нибудь у ее изголовья. И вот у этого изголовья мы и остались"¹. И жизнь в России продолжалась. Она была для Ильина упорной работой в университете, в Московском коммерческом, музыкально-педагогическом, Философско-исследовательском институтах. Помимо преподавательской деятельности, он занимается переводами, выступал с докладами в Психологическом обществе, председателем которого он был избран после смерти профессора Л.М. Лопатина.

4 сентября 1922 г. Ильин был арестован большевиками в шестой раз, допрошен и немедленно судим. На второй день ему было предъявлено "обвинение в том, что он с момента октябрьского переворота до настоящего времени не только не примирился с существующей в России – рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР, свою контрреволюционную деятельность усиливал, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 57 Уголовного Кодекса РСФСР"². А 11 сентября последовало заключение по его делу, в котором, в частности, говорилось: "На основании п. 2 лит. Е. Положения о ГПУ от 6/II с/г. полагаю: в целях пресечения злостной антисоветской деятельности Ильина Ивана Александровича выслать из пределов РСФСР за границу"³.

Вместе с другими учеными, философами и литераторами Ильин был выслан в Германию 26 сентября на пароходе "Обер-бургомистр Хакен". "Пять лет, – писал Ильин, – прожил я в Москве при большевиках: я видел их работу, я изучал их приемы и систему, я участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожники, бесстыдники, жадные, лживые и жестокие властолюбцы... Белая Армия была права, подняв на них свой меч и двинув против них свое знамя, – права перед лицом Божиим"⁴.

В феврале 1923 г. в Берлине открылся Русский научный институт. Ильин состоял профессором при этом институте, прочел ряд курсов – энциклопедия права, история этических учений, введение в философию, введение в эстетику, учение о правосознании и другие на двух языках – русском и немецком. В 1923-1924 годах он был деканом юридического факультета этого института, в 1924 г. был избран членом-корреспондентом Славянского института при Лондонском университете.

В 1923 г. Ильин выступил на студенческом национальном вечере с большой речью о Белой армии. Аудитория была полна: отмечали шестую годовщину Белого движения. В 1926 г. была опубликована статья Ильина "Белая идея", "вместо предисловия" помещенная в первом томе сборника

---

¹ Там же. С. 20.

² ЦА КГБ СССР, д.18778, архив Н-1554, л.15.

³ Там же. Л. 15-16.

⁴ Ильин И. Родина и мы. Белград, 1926.

"Белое дело" ("Летопись Белой борьбы"). В этом же году выходит в свет его знаменитая брошюра-призыв "Родина и мы" - героическая песнь Белой армии и Белому движению. С 1925 г. появляются его большие работы: "Религиозный смысл философии", "О сопротивлении злу силою", "Путь духовного обновления", "Основы художества. О совершенном в искусстве" и не менее значимые по содержанию брошюры: "Яд большевизма", "О России. Три речи", "Кризис безбожия", "Основы христианской культуры", "Пророческое призвание Пушкина", "Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера", "Основы борьбы за национальную Россию" и другие.

Особое внимание и в среде русской эмиграции, и в тогдашней России привлекла книга Ильина "О сопротивлении злу силою". Читатели разбились на два враждебных лагеря: не принимающие идеи Ильина и принимающие их. К первым, естественно, принадлежали большевики и их окружение. З. Гиппиус назвала книгу "военно-полевым богословием". Н.А.Бердяев сказал, что "чека" во имя Божие более отвратительно, чем "чека" во имя дьявола", примерно в том духе высказывались Ф.А. Степун, В.В. Зеньковский и др. Поддержали Ильина Русская зарубежная Церковь, в частности, митрополит Антоний, архиепископ Анастасий и другие иерархи, философы и публицисты, среди них П.Б. Струве, Н.О. Лосский, А.Д. Билимович.

Разнообразны, глубоки, чарующи его лекции о русских писателях, о русской культуре, об основах правосознания, о возрождении России, о религии и церкви, о советском режиме и др., с которыми он в 1926-38 годах выступил около 200 раз в Германии, Латвии, Швейцарии, Бельгии, Чехии, Югославии и Австрии, читая на русском, немецком и французском языках. Это давало ему скромный, но достаточно независимый источник существования. Но главным в жизни Ильина остается политика и философское творчество. С 1927 по 1930 гг. Ильин издает журнал "Русский колокол" с характерным подзаголовком "Журнал волевой идеи" (вышло девять его номеров). За Ильиным прочно закрепилось звание вне и надпартийного идеолога Белого движения.

Своеобразно отношение Ильина к фашизму и, в частности, к национал-социализму, которому он посвятил несколько своих статей, в которых он показывает природу, источник и смысл фашизма как рыцарского начала и отклик человечества на разверзшуюся бездну безбожия, бесчестия и свирепой жадности; как борьбу с интернационализмом, коммунизмом и большевизмом; как естественную реакцию на организованное безволие и организованный беспорядок, когда "люди ищут волевого и государственного выхода из организованного тупика безволия". В России это было белое движение. Ильин считал, "что белое движение в целом – гораздо шире фашизма и по существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: белое

движение есть родовое понятие, а фашизм есть видовое понятие"¹. Ошибочность доктрины Гитлера, по мнению Ильина, была в упоре на расовую теорию и антицерковную борьбу².

После прихода к власти Гитлера у Ильина, который был профессором при Берлинском университете, назрел конфликт с немецким министерством пропаганды, так как он отказался включиться в антиеврейскую пропаганду и в середине 30-х годов он был уволен из университета. Но Ильин продолжал свою философско-писательскую деятельность, а также писал в разных газетах как явный антикоммунист. Вначале немцы были довольны его работой, но вскоре они заметили, что многое, против чего выступал Ильин, также было против и национал-социализма в Германии³. В 1938 г. гестапо наложило арест на его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Лишившись источника к существованию, Ильин решил покинуть Германию и в июле 1938 г. вместе с женой они переехали в Швейцарию.

С помощью друзей и знакомых в третий раз Ильин стал заново налаживать свою жизнь. Швейцарские власти, однако, запретили Ильину заниматься политической деятельностью, и он сосредоточивается на творческой работе и выступает с лекциями в протестантских общинах на разные темы, что дает ему небольшой заработок. Тем не менее, Ильин и здесь не переставал думать и писать о России. С 1948 г. он регулярно направляет, правда, без подписи листки бюллетеней (всего их было 215) для единомышленников РОВСа (Русского Общевоинского Союза), которые впоследствии составили двухтомник "Наши задачи". К 1952 г. Ильин заканчивает самое значительное свое произведение - "Аксиомы религиозного опыта" - результат 33-летнего труда, изданного в Париже в двух томах в 1953 г. Не успел Ильин закончить главный труд своей жизни "О монархии", над которым работал 46 лет. Н.П. Полторацкий издал большую часть подготовленных глав из него в виде книги "О монархии и республике".

Частые болезни и последовавшая 21 декабря 1954 г. смерть прервали жизнь И.А. Ильина.

Творческое наследие И.А. Ильина огромно. Оно насчитывает более сорока книг и брошюр, несколько сот статей, десятки лекций и большое количество писем. Знакомство со всеми его творениями, составление их перечня затруднены тем, что многие газеты, в которых он публиковался, крайне редки, а то и просто отсутствуют в наших библиотеках. Кроме того, Ильин часто писал и издавал свои работы под многочисленными псевдонимами, а иногда и вовсе их не подписывал⁴.

---

¹ Ильин И. О русском фашизме // Русский колокол. 1928. №3. С. 56.

² См.: Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. статей. Нью-Йорк, 1989. С. 58.

³ См.: Русское возрождение. 1983. № 23. С. 131-132.

⁴ Подробнее см.: Библиография // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 381-399.

В 1993 г. издательство "Русская книга" приступило к публикации собрания сочинений И.А. Ильина в десяти томах. Первый том дает представление об основных философских идеях Ильина, его жизни и творчестве. Во втором томе (в двух книгах) Ильин предстает перед читателями как крупный государственно-правовой идеолог. В произведениях третьего тома он выступает как религиозный философ и духовный писатель. Четыре последующих тома тематические: философия права, правосознания и государства (здесь Ильин ученый-правовед); нравственная философия; философия искусства, художества и литературная критика, письма. В частности, 4-й том собрания сочинений И.А. Ильина состоит из следующих произведений: "Понятие права и силы", "Общее учение о праве и государстве", "О сущности правосознания", "О монархии и республике", "Из лекций "Понятия монархии и республики". В восьмом томе Ильин выступает как идеолог Белого движения, как борец с большевизмом и противник революции, как пророк русского национального возрождения. Девятый и десятый тома вмещают фундаментальные исследования – вклад Ильина в философию религии и религиозную актологию ("Аксиомы религиозного опыта"), в историю философии ("Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека").

Статья «Понятие права и силы» – первая научная работа И.А. Ильина¹. В 1912 г. она вышла в Германии на немецком языке в переводе самого Ильина. Работа "Общее учение о праве и государстве" является частью книги, подготовленной И.А. Ильиным, совместно с В.М. Устиновым., И.Б.Новицким и М.Н. Гернет². Книгу "О сущности правосознания" Ильин написал в Москве в 1919 г. и назвал "Учение о правосознании". В то время выпустить работу в России было невозможно. Не нашел Ильин издателя и в эмиграции. До конца своей жизни он продолжал шлифовать текст и полностью подготовил его к публикации, которую осуществила его жена уже после смерти автора. Книга под названием "О сущности правосознания" была напечатана в Мюнхене в 1956 г. в типографии обители преп. Иова Почаевского.

В январе 1909 г. Ильин начал работать над проблемой власти и государственного устройства и занимался этой темой до конца своей жизни. В двадцатые годы он задумал монографию "О монархии" (все материалы и черновики находятся в архиве Ильина в Мичиганском университете), но тогда так и не написал ее. В начале 50-х годов Ильин закончил "Введение" и первые семь глав (из 12), но полностью завершить работу не успел. В какой-то степени этот пробел могут восполнить другие его статьи и работы на данную тему, вышедшие за границей и помещаемые в 8-м томе собрания сочинений Ильина. Формально незаконченный труд Ильина впервые

---

¹ См.: Вопросы философии и психологии. М., 1910. XXI. Кн. 101 (II). С. 1-38.

² Основы законовещения: Общедоступные очерки. М.-П., 1915.

был напечатан Н.П. Полторацким¹. В 1979 г. Н.П. Полторацкий подготовил и выпустил эту работу отдельной книгой.

Ильин, как ученый-правовед и философ права, хорошо знал достижения мировой юридической и философско-правовой мысли, но при этом был совершенно не похож ни на одного из своих предшественников, даже на своего учителя П.И. Новгородцева, возрождавшего в России естественное право и написавшего фундаментальное исследование "Об общественном идеале". Его установку можно обозначить как православно-христианскую, относящую право к тайне творения Господня и замыслу Бога о человеческом обществе. Согласно, учению Ильина, законы, которые должны осуществляться между людьми в их жизни и деятельности, – это нормы или правила, указывающие человеку искомый им лучший путь его внешнего поведения. При выборе способа своего поведения (совершенно свободно, в силу присущей ему от природы и Бога свободы) человек бывает всегда "прав", если он следует в русле этого установленного пути, и "неправ", если он его не придерживается. Поэтому создание людьми порядка социальной жизни по своему произволу хотя и возможно, но всегда обречено на неудачу (Ильин дает исчерпывающую историческую иллюстрацию тщетности попыток воплощения в жизнь "неправых" норм права).

Государственная цель, по Ильину, есть "дело Божье на земле", т.е. опять-таки осуществление божественного назначения человека (замысла Бога о человеке) в этой жизни, другими словами, – построение христианской культуры. Реализация этого «дела» – главная, но не единственная и самостоятельная задача, она связана с другими человеческими обязанностями – и религиозными, и нравственными, и национально-политическими, и хозяйственными, а также с многочисленными духовными материальными дарами Господа.

В учении Ильина о праве и государстве и в его социально-философских взглядах категории правосознания отведено большое место². Ей посвящена фундаментальная монография "О сущности правосознания", к этой теме он обращался в других своих произведениях, причем не только в связи с проблематикой государства, права, общества, политики и власти, но также в связи с общефилософской, религиозной и антропологической проблематикой. И хотя Ильин не называет свое учение "философией права", однако отмечает, что познание и исследование правосознания доступно только философии права³.

И.А. Ильин едва ли не впервые в русской философии права попытался создать универсальную теорию, объединяющую проблематику личности, общества, права, государства, политики, власти и божественного

---

¹ Ильин И.А. О монархии // Русское Возрождение. Нью-Йорк, 1978. № 1-4.

² См.: Окара А.Н. Правосознание – центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 84-93.

³ Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 404.

начала в едином акте правосознания. Такую задачу он поставил перед собой под непосредственным влиянием Новгородцева: и концепция правосознания Ильина, и семантическое наполнение этого термина несут на себе отпечаток идей учителя. Ильин фактически продолжил линию Новгородцева – развивал в теоретическом плане то, что было исследовано и описано последним в историческом плане.

В правосознании, по мнению Ильина, участвует не только "знание" и "мышление", но и воображение, воля, чувство, человеческая душа, человеческий инстинкт. Правовая жизнь рассматривалась им наряду с религией, философией, наукой, искусством и нравственным творчеством как вид духовного делания, в котором принципиально невозможна позиция стороннего наблюдателя: "Для того, чтобы установить и описать строение нормального правосознания, – отмечал Ильин, – его необходимо найти и укрепить в себе самом"¹.

Право и государство мыслились Ильиным в первую очередь как регуляторы не только внешней, но и внутренней жизни человека и общества: "Строить право не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание".

Однако существование права в обществе представлялось Ильину с философской точки зрения амбивалентно: с одной стороны, оно может восприниматься как "обиходная условность, создаваемая силою и спокойно уживающаяся с лицемерием и симуляцией", с другой - как "нечто подлинно ценное, неотменимое и священное, и тогда в основе его должно лежать и действительно лежит нечто *объективно священное*, некая безусловная и высшая ценность". Аналогичным образом и правосознание может быть наполнено недостойным содержанием, может извращать идею права, а в результате может появиться то, что Ильин называл "неправым правом", когда конкретная норма противоречит цели права. Единое по своей идее право в реальной жизни не может создать для себя адекватного воплощения в положительном праве – оно раздваивается и вступает во внутреннее противоречие с самим собою. Поэтому наряду с естественным возникает отличное по содержанию положительное правосознание. Такое раздвоение права, "разноречие правосознаний" свидетельствует, по мнению Ильина, о постигающей человека духовной неудаче: ему не удастся осознать содержание естественной правоты и положить ее в основание положительного правосознания. Причины такой неудачи Ильин усматривал в несовершенстве духовной природы самого человека, в отсутствии у него необходимой воли к "правовому праву", в недостатке умения и в "очерствении сердец"². Таким образом, Ильин был далек от абсолютизации на онтологическом

---

¹ Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 165.

² Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. С. 314, 156.

уровне как положительного, так и естественного права, он не идеализировал его задачи и возможности в процессе регулирования правоотношений.

В работах Ильина отсутствует единое универсальное определение правосознания. Он давал несколько определений правосознания по различным основаниям, с разных точек зрения и в различных научно-философских дискурсах (философско-правовом, социально-философском, антропологическом).

“Правосознание можно было бы описать как естественное чувство права и правоты или как особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям. Правосознание есть особого рода *инстинктивное правочувствие*, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей”¹. Такое понимание в целом близко гегелевскому представлению о правосознании².

В итоговой работе "О сущности правосознания" оно определяется через категорию духа: "Правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру. Но именно поэтому – живой корень его надо искать в религиозном чувстве и совести. Можно представить себе, конечно, правосознание вне религии и вне совести, но это будет что-то вроде воли, лишенной неба и земли, это будет дисциплина влечений, а не качественное и не творческое начало жизни, черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцания". Двумя главными составляющими правосознания являются, по мнению Ильина, признание права и признание духа – без них правосознание не может считаться полноценным.

В работе "О монархии и республике" находим антропологически и социально опосредованные определения: правосознание – это "некая духовная *дисциплинированность инстинкта*, которая вызывает в нем *живое чувство ответственности* и сообщает ему известное *чувство меры* во всех социальных проявлениях человека". Это "воля человека к соблюдению права и закона, воля к лояльности своего поведения, воля к законопослушанию"³.

В книге "Путь духовного обновления" (гл. "О правосознании") правосознание определяется как "правовое чувство" и добавляется, что это понятие охватывает также и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного опыта⁴. Понятие правосознания в работах Ильина изначально восходит к немецкой юридической традиции, в которой обозначает некий рационально-волевой акт, соединяющий как психологическо-аффективный аспект, так и онтологически-правовой. Правосознание в понимании Ильина – не просто формально-юридическая, но универсальная онтологическая категория, поскольку именно из нее выводятся все основ-

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. С. 231.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 57.

³ Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. С. 449, 447.

⁴ Там же. Т. 1. С. 221-222.

ные эмпирически опосредованные социальные и правовые реалии – государство, общество, власть, правопорядок, естественное право, правовой обычай, правовое поведение индивида.

Правосознание у Ильина – это именно естественное правосознание, а знание законов обозначается термином "положительное правосознание", или "законосознание". В частности, термин "законосознание" употребляется Ильиным в его исследовании о Гегеле¹. Ильин категорически против отождествления этих понятий, по его мнению, это так же ошибочно, как отождествление права и закона. Онтологическое назначение права и правосознания заключается, по его мнению, в противостоянии хаосу, в создании космоса и гармонии во внешнем мире, в ограждении и организации жизни, посвященной высшему, достойному, безусловному и значительному. В сфере социального бытия правосознание должно стать фактором гармонизации жизни, посредником между общей формулой закона и единичным человеком с тем, чтобы формальное, строгое, последовательное и неумолимое применение закона не породило в жизни несправедливости. В масштабе всего общества назначение права и правосознания состоит в организации мирного и справедливого сожительства людей на земле.

Поскольку стихия права и государства есть, по мысли Ильина, стихия человеческого духа, в их основе должна лежать некая универсальная и всеобъемлющая идея, претендующая на верховенство в вопросах правосознания. Такую роль способна играть только религия, ибо именно она претендует на руководство во всех делах и во всех отношениях: "*Правосознание и царство Божие* живут одною и тою же душевною тканью, осуществляют себя в одной и той же духовной среде". Более того, "*сама религия как осуществление "царства Божия" невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания"*². Ильин, будучи глубоко верующим человеком и религиозным философом, тем не менее, не связывал правосознание исключительно с православной культурой и духовным опытом. Религиозное чувство понимается им без конфессиональной привязки к какой-либо одной религии.

Фактически, право и государство Ильин обосновывает через правосознание, преображенное религией, и тип аргументации в этом обосновании нельзя однозначно назвать ни теологическим, ни светски-научным. Несомненной заслугой Ильина является создание синтетического научно-теологического обоснования государства и права. Можно сказать, что в рамках православных ценностных ориентиров Ильин создал философско-правовую доктрину, которую по широте охвата и глубине исследования можно сравнить с западноевропейскими теологическими – неотомистской и протестантскими – школами права.

---

¹ См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 314.

² Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. С. 388-390.

Всю историю человечества, по мнению Ильина, можно рассматривать как историю правосознания¹. Общемировой кризис, ставший особенно осязаемым в начале XX в. и вылившийся в "поток неслыханных войн и небывалых революций", объясняется в первую очередь кризисом правосознания. Современное же правосознание, по мнению Ильина, отрывается от метафизического идеала - от духовной, *сверхклассовой*, природы государства и от духовно-*сверхнациональных* горизонтов права разлагается от жадности, страха, злобы, мести и отчаяния². В ильинской публицистике постоянно подчеркивалась именно *духовная причина* социально-политического кризиса, постигшего Россию и человечество, его зависимость от кризиса правосознания и религиозности.

Несомненным достоинством учения Ильина о правосознании является предлагаемая конкретная программа воспитания в гражданах "нормального правосознания". Процесс постижения правосознания в себе до определенной степени совпадает с процессом внутреннего самовоспитания. Человека с развитым "нормальным правосознанием" он называет "нормальным субъектом права", который имеет чувство собственного достоинства, уважает себя как личность и гражданина в себе, а потому он умеет уважать и государственную власть, не унижая себя и не пресмыкаясь перед нею. Он повинуется праву и власти не в силу угрозы ему или принуждения, а потому, что он уважает себя и их.

Русский человек, по мнению Ильина, в силу объективных исторических, политических и географических причин имеет слабое чувство собственного достоинства. Он не чувствует своей "силы в добре", часто является то "слабым в добре", то "сильным во зле" и все в жизни меряет не достоинством, а силою³. Из такой посылки Ильин выводит отрицательные черты русского характера, коррелирующие с национальным типом правосознания. "Душа русского человека не осмысливает права его *единою целью и государством его верховным заданием*; и потому она измеряет и право и государство его *пользою*, его личной и классовою полезностью и всегда готова обратиться к власти с *корыстным* - то унижением, то дерзким *притязанием*; и потому она не верит в цель права, и не ценит государственной власти, и тянет к *анархии, к оппозиции, к бунту*". "Русская *национальная власть*, вмещающая дефекты народного правосознания, - писал Ильин, - *не ценила автономную лояльность в подданном* и потому не воспитала его к *самостоятельности* и свободе, требуя внешней покорности и формализуя государственный режим; и, формализуя самые ценности государственности, периодически являла свою собственную гетерономию то в форме беспредметной *тирании*, то в унижительном образе *временщика*". Как видно из приведенной цитаты, Ильин далек от идеализации правосознания рус-

¹ См.: Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 164.

² Там же. С. 174.

³ Ильин И.А. Родина и мы... С. 158.

ского народа ("исконно-дефективного", по его словам) и характера русской национальной власти. Отсутствие взаимного доверия и уважения между гражданами, между гражданами и властью не способствовало развитию в людях гражданских чувств, форм гражданского самоуправления и соответствующих горизонтально ориентированных правоотношений, предполагающих участие субъектов на началах равенства. Главной причиной недуга русской национальной ментальности и многих исторических бед России он считал не отсутствие правосознания европейского типа, а дисбаланс между автономным правосознанием и правосознанием гетерономным (публичным).

Поскольку право понималось Ильиным в качестве "необходимой формы духа", которое указывает людям на объективно лучшее поведение, а правоотношение есть в первую очередь духовное отношение, то право связывает между собой не просто абстрактных субъектов, но *дух с духом*. Поэтому, по его мнению, вступить в правоотношение означает "подняться мыслью и волею к идее права и к цели права, т.е. к духу как источнику живой правоты"¹. Соотношение права и духа мыслилось Ильиным не как единство социальной формы и метафизического содержания, но как единство приоритета духа по отношению к цели: "Дух есть *цель* права, а право есть *форма* духа и его *средство*". Необходимые формы духа (т.е. необходимые мотивы и способы жизни духа), по его мнению, составляют основу правосознания. Ильин пытался выразить и теоретически обосновать эти формы в виде трех аксиом – трех истин, лежащих в основе правовой жизни любого народа, которым в жизни соответствуют основные способы бытия, мотивирования и действий.

Первая аксиома – закон духовного достоинства. Чувство собственного достоинства есть подлинное проявление духовной жизни человека. Ильин исходил из характерной для гегелевской философии предпосылки о том, что любой человек таит в себе "*волю к духу, форму духа и способность к духу*". Породить чувство духовного достоинства в человеке может только личный духовный опыт. Таким образом, первая аксиома постулирует тесную связь и взаимозависимость между правосознанием и духовным опытом личности.

Вторая аксиома – закон автономии. "*Автономия*, или самозаконность, есть подлинная, основная форма духа: это присущий ему, необходимый для него *способ бытия и деятельности*". Основная проблематика личностной автономии правосознания сосредоточивается на проблеме свободы. Ильин понимал онтологическую свободу как единство внешней (социальной) и внутренней (экзистенциальной) свободы и, продолжая присущее русской религиозно ориентированной философии понимание свободы как прежде всего свободы внутренней, Ильин настаивал на ее первич-

---

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. С. 363.

ности по отношению к свободе социальной. По его мнению, свобода добывается через предметное внутреннее самоосвобождение: "Человек, не сумевший освободить себя внутренне, не может быть творцом внешней, общественной свободы, но в лучшем случае лишь ее пассивным участником, ибо внешняя свобода в ее истинном смысле есть простое и естественное проявление внутренней свободы". Правовая свобода в своей сущности есть именно духовная, внутренняя свобода, считал Ильин. Таким образом, он отвергал либеральное и позитивистское истолкование правовой свободы исключительно как свободы внешней (политической). Надлежащая государственная власть должна, по мысли Ильина, иметь автономное правосознание и определять свою волю целью права.

Третья аксиома - закон взаимного признания: "*в основе всякого нормального правоотношения лежит взаимное духовное признание*". Взаимное уважение и доверие к другим людям - сущность правосознания, его неотъемлемая черта. "Нормальное правосознание" утверждает, что государство по своей изначальной идее есть именно "живая система *всеобщего доверия*". Третья аксиома правосознания Ильина предполагает взаимное духовное признание, взаимное уважение и взаимное доверие между субъектами правоотношений, признание безусловного достоинства субъекта и его воли к праву. Это служит предпосылкой духовного братства людей и фактически снимает гносеологическое различие между правопорядком и евангельским учением о любви. Искажение третьей аксиомы правосознания выступает проявлением абсолютного зла, которое постепенно заражает собой все многообразие социального бытия и ведет к полному распаду: "Вражда родит вражду, и звук раздора вызывает отголоски во всех душах". Ильин выстраивает целую прогрессию социальных проявлений зла: "Неуважение, закрепленное враждою, становится *презрением*; вражда, усиленная презрением, превращается в *ненависть*; ненависть, сочетаясь с бессилием, заражает души злобным *страхом*. Если неуважение отвергает духовное достоинство человека, то презрение и ненависть отрицают его право на жизнь. Презрение само по себе уже есть отрицание права на жизнь; ненависть есть уже *убийство*. Общественный строй, насыщенный этими аффектами, воспитывает в душах настроение Каина... Люди фактически живут в состоянии *гражданской войны* и по слепоте своей называют это состояние "правопорядком"¹. Именно отсутствие автономного правосознания, взаимного уважения участников правоотношений, полный контроль граждан со стороны власти лежат, по мнению Ильина, в основе полицейского и тоталитарного государства.

Антропологические взгляды И.А. Ильина, сформировавшиеся в идейно-культурном контексте православия и являющиеся частью его философского учения, соответствующим образом проецируются и на его

---

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 374, 378.

учение о праве и правосознании. Они принципиально отличаются от сложившегося в политических концепциях тоталитаризма умаления человеческой личности, а также от западноевропейского индивидуализма и его апогея – либерализма, ставящего в центр мироздания человеческую личность.

Таким образом, категория правосознания занимает в его правовом учении центральное место, определяющее по отношению к эмпирически опосредованным положительному праву, общественному правопорядку, социальной структуре государства, системе публичной власти и т.д. Правосознание не сводится к простому усвоению и воспроизведению в сознании граждан норм (подобное усвоение уместнее всего определять не как *правосознание*, а как *законосознание*), не сводится также к субъективному фантазированию о праве (как в учении Л.И. Петражицкого)¹. Правосознание – «это живое слово о той духовной атмосфере, в которой нуждается право и государство для своего процветания». Оно – главный источник естественного права, а также универсальная связующая реальность между правом и моралью, между естественным и положительным правом. Ильин отказался от формально-юридического, утилитарного понимания правосознания в пользу его философского и метафизического понимания.

22. Сорокин Питирим Александрович

Значительное место в исследованиях видного российского социолога П.А.Сорокина (1889-1968)² занимала политико-правовая проблематика. Он, по мнению профессора В.Г.Графского, на всем протяжении своей научной деятельности стремился создать интегральную (синтезированную) общую теорию права³. Питирим Александрович Сорокин – социолог, культуролог. В дореволюционной России уже в молодые годы был признан одним из талантливых ученых страны. В марте 1906 года он был арестован за революционную деятельность. Экстернатом, сдав экзамены на аттестат зрелости в 1909 году, начал учиться в Психоневрологическом институте, а затем Петербургском университете. Еще в студенческие годы появились первые серьезные научные публикации. В 1917 году стал одним из редакторов эсеровской газеты «Воля народа», затем «Дела народа». Был признанным лидером правого крыла эсеровской партии. В 1918 году был арестован и приговорен к расстрелу. В 1922 году был выслан из Советской

---

¹ Окара А.Н. Правосознание - центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 92.

² Подробнее об основных этапах научной деятельности см.: Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. С. 425.

³ Графский В.Г. Общая теория права П.А.Сорокина. // Государство и право. 2000. №1. С.111-120.

России. С 1923 года жил в США. Профессор Гарвардского университета. Стал одним из создателей современной социологии США. Избирался президентом Международного института социологии (1936 г.) и президентом Американской социологической ассоциации (1964 г.). В семинарах П.А.Сорокина занимались известные американские социологи Т.Парсонс, Р.Мертон, Дж.Хоманс и др., а также представители правящей элиты, в том числе Джон Кеннеди.

Его научное творчество дореволюционного периода и первого десятилетия вынужденной эмиграции находилось под сильным влиянием идей Э.Дюркгейма, М.М.Ковалевского, Л.И. Петражицкого. Впоследствии некоторые основные методологические установки были пересмотрены в свете теории социокультурной динамики, концепции интегративного общества.

Научные публикации дореволюционного, революционного периода научного творчества и начала эмиграции отличаются особой остротой восприятия политико-правовых проблем. В анализе права и власти П.А.Сорокин широко применял историко-сравнительный метод, который достаточно ярко проявился в его работах «Преступление и кара: подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» и «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» и научных публикациях. В них он предпринял попытку пересмотра устоявшихся понятий права, государства, власти, преступности, наказания и др.¹. На протяжении всего своего научного творчества он продолжал применять плюралистическую методологию своего учителя М.М.Ковалевского. В общетеоретическом плане он отвергал нормативизм. В работе «Система социологии» он особенно подчеркивал: «Внесение нормативизма в область науки до сих пор загрязняло ее и не давало никаких положительных результатов. Больше того, все нормативные положения и оценки ... по своей логической природе не могут быть научными суждениями»².

Он категорически отвергал теологическое обоснование происхождения права. Свою позицию ученый обосновывал тем, что явления повседневной жизни необходимо объяснять земными же делами, а не волей божества. Выступая против точки зрения, согласно которой государство есть источник права, он отмечал, что государство возникло позднее права. Еще

---

¹ См.: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения. Спб., 1913; Он же. Структура современной догматики уголовного права // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917. Вып. 1-3, 3-5; Он же. Проблема социального равенства. Пг., 1917; Он же. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919.

² Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. Прага, 1923. IX.

в средневековье право граждан, крестьян, цехов, гильдий и церковное право оформились помимо государства и государственной власти.

Молодой ученый, рассматривая различные основания в выявления сущности правовой нормы, такие как: принудительное правило поведения, общая воля, охрана свободы, защита и разграничение интересов, указывает на их методологическую неприменимость.

Выступая против точки зрения права как принудительное правило поведения, свою позицию он обосновывал следующим образом: «Принуждать может тот, кто силен, то оказался бы и правым. В таком случае пришлось бы признать правовым поступком акт разбойника. Принуждающего свою жертву отдать ему имущество; акт насильника, принудительно изнасиловавшего попавшую в его руки девушку и т.д.»¹.

Отвергая концепцию права как защиту и разграничение интереса, он констатирует: «Всякий закон, предоставляющий те или иные привилегии определенной группе, защищает и охраняет интересы и свободу этих привилегированных, но едва ли можно говорить, что тоже самое делает по адресу тех, за счет которых даются эти привилегии»².

В то же время молодой ученый выделяет общее, присущее всем концепциям свойство. Он полагал, что «право» это некая совокупность правил поведения. Во всяком постоянном человеческом сообществе право проявляется в виде определенных правил поведения. Он указывает на следующее обстоятельство: «И действительно, какое бы предписание мы ни взяли (кроме чисто определенных статей), каждое из них, прежде всего, является определенным правилом поведения»³.

Признавая подобную трактовку права весьма широкой, исследователь предложил выделить отличительные признаки правовых норм от правил поведения. В его представлении всякое правило поведения, обладающее признаком распределения полномочий и обязанностей, уже составляет норму права. В иных случаях «остальные правила поведения, где нет такой связи и такого наделения правами и обязанностями не дано, такие правила не могут быть и не будут юридическими нормами. Они стоят вне права и не являются его представлениями»⁴.

В своем обосновании положений «должного» и «долженствования» он предложил исходить из психологического аспекта механизма действия права. Для него переживание правомочности неразрывно связано с осознанием обязанности. «Короче говоря, - писал П.А.Сорокин, - с психологической стороны правовая норма поведения отличается от других норм поведения тем, что она всегда двусторонняя: ее сознание или переживание все-

---

¹ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права. С. 9.

² Там же. С.11.

³ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права. С.12.

⁴ Там же. С.14.

гда сопровождается переживаниями тех или иных полномочий (прав) одним и тех или других обязанностей другим»¹.

Анализируя поведение людей, он предлагал в зависимости от восприятия, переживания и индивидуальной оценки выделять должные, рекомендуемые и запрещенные (преступные) акты. В правовой норме, по его мнению, как двусторонней правиле поведения полномочия рассматриваются как дозволенные, а поступки как должные. Норма права проявляется в объективных психологических переживаниях, правовых убеждениях и конкретных поступках человека.

В своем исследовании автор подробно раскрывает отличительные черты юридических норм, как правил поведения. Для него правовая норма всегда устанавливает определенную связь между двумя правовым центрами (субъектом права и субъектом обязанности). Притом всякое правило поведения, обладающее признаком распределения полномочий и обязанностей, и является нормой.

Таким образом, в интерпретации молодого ученого право предстает в виде совокупности правил поведения, указывающих дозволенно-должное поведение путем распределения полномочий и обязанностей².

Рассматривая генезис становления права, он считал, что повседневные действия людей «становились с течением времени обычаем. Соблюдение обычая постепенно делалось обязательным правилом ... Обычай, таким образом, мало-помалу превращался в юридическое правило. Совокупность таких юридических правил, указывающих на надлежащее поведение в определенной области взаимоотношений, ... составляла социально-правовой институт, например, семьи, наследования, суда и власти. Совокупность таких институтов любой группы составляет ее социально-правовую организацию»³. Он указывает, что в каждом случае «у каждого индивида уже есть своего рода «рецепт», что дозволено одной стороне и к чему обязана другая, каков тот вид взаимоотношения, который, по мнению индивида, будет «справедливым», «нормальным» или должным в данном случае»⁴.

П.А.Сорокиным была предложена следующая схема оформления права:

- 1) акты взаимодействия;
- 2) их построение;
- 3) обычай;
- 4) юридическое правило;

---

¹ Там же. С.16.

² Там же. С.31.

³ Сорокин П. Общедоступный учебник социологии // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С.41.

⁴ Там же. С.75.

5) юридический институт, как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений (институт семьи, собственности, власти, суда и т.д.); 6) социальная организация, как совокупность юридических институтов данной группы населения¹.

По его мнению, особый ряд психических переживаний человека составляют «воления». Активность действий по достижению целей характеризуют волевые переживания и соответствующие волевые поступки. По существу, «своими волениями люди постоянно влияют друг на друга, управляют и регулируют как свое, так и чужое поведение»². Он «категорически-обязательные воления» называет «правовыми волениями», правовыми требованиями поведения. Совокупность «категорических волений» со стороны правительства, по его мнению, составляет официальное право. Правовые (обязательные) воления предстают как мотивационная, дрессирующая сила и сила, производящая социальный отбор³.

Он предлагал рассматривать право не как следствие существования данной институции, а в качестве предпосылки существования самой институции. Для него нормы «являются внутренним ядром, скелетом, сердцем и душой всякой организованной группы или института. Семья, государство, церковь, партия, предприятие, профсоюз, школа ... все это лишь объективация и олицетворение правовых норм и правовых убеждений всех или решающего большинства членов группы»⁴. По существу правовая норма превращается в первооснову организованной социальности.

В разграничении видов правовых норм ученый выделял официальные и неофициальные права. Совокупность юридических норм, одинаково обязательных для всех членов данного общества или государства, охраняемых и защищаемых всей силой и авторитетом групповой и государственной власти, он обозначил официальным правом⁵.

При этом наш соотечественник особенно акцентировал внимание на том факте, что при социальном расслоении «значительная часть дозволенных и обязательных поступков, требовавшихся правовой нормой, была полезна не столько всему обществу, сколько его господствующей части»⁶. Он настаивал на следующем положении: «Без признания ни одно право не может существовать и никакой порядок не мыслим. Любое официальное право тем жизнеспособнее и действеннее, чем большим числом членов

---

¹ Сорокин П. Система социологии. Ч.1. Прага, 1923. С.340.

² Он же. Общеизвестный учебник социологии. С.164.

³ Там же. С.167.

⁴ Sorokin P. Die organisierte Gruppe (Institut und Rechtsnormen) // Studien und Materialien zu Rechtssoziologie. Keln, 1967. S.98.

⁵ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории. С.52.

⁶ Там же С.108.

общества оно признается справедливым и совпадает с их правовыми убеждениями»¹. Закон представлял собой официально действительное право.

Неофициальные права, по его мнению, присутствуют в каждом обществе в виде правовых убеждений, правил житейского приличия, правил моды, религиозных норм поведения и иных правил². Правопорядок для него – это совпадение официального и неофициального права.

Он предложил различать право как видовое, изучаемое общей теорией права, и право как видовые явления, рассматриваемые соответствующими отраслями права. Таким образом, право выступает у него как *конституирующее начало* в организации социальных групп и институтов.

Для него основная организационная роль права заключалась в создании власти общества или государства. Власть в его понимании – это правовое явление, состоящее в правовом убеждении, что определенное лицо или группа лиц имеют право на властвование в форме управления, законодательства и т.д., а подвластные обязаны подчиняться. «Своей организационной ролью право, - писал он, - создает власть и иерархию отдельных властей, как высшую общественную силу, охраняющую правопорядок и управляющую обществом»³. Отличительными чертами государственной власти являются ее верховенство, самостоятельность и принудительность.

Причем П.А.Сорокиным особо подчеркивается этико-психологическая составляющая механизма функционирования государственной власти. Мощь и сила власти опосредована признанием ее со стороны граждан. Он уверен в том, что при отсутствии признания большинством населения посредством массового насилия она способна продержаться только некоторое, но в любом случае такая власть рано или поздно должна отойти в небытие.

Для него несомненно, что государство как историческая определенная форма человеческого общежития сыграла чрезвычайно важную роль в генезисе права: «отдельные виды права весьма отчетливо дифференцировались, правовые институты приобрели отчетливые формы, официальное право государства и технически и по содержанию прогрессировало»⁴.

В своих исследованиях «Вечный мир и всемирное единение народов» (Пг., 1917), «Основы будущего мира» (Пг., 1917), «Причины и пути к миру» (Ежемесячный журнал. 1917. №2) он стремился оформить теорию универсального государства. Он отмечал следующее, что «спасение не в национальном принципе, а в федерации государств, в сверхгосударственной организации всей Европы, на почве равенства прав всех входящих в нее личностей, - а поскольку они образуют сходную группу, - то и наро-

---

¹ Там же. С.111.

² Там же. С.53.

³ Там же. С.122.

⁴ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории. С.131.

дов... Было бы наивно думать, что эта федерация теперь же осуществится, но столь же несомненно, что история идет в этом направлении»¹.

Анализируя послереволюционное развитие властных институтов Советской России, он приходит к выводу, что малочисленная партия большевиков смогла захватить власть вовсе не случайно. Причин тому он видел несколько. Во-первых, в условиях голода и войны происходит деформирование общественной организации в сторону «так называемой коммунистического или этатического или государственно-капиталистического типа». При любом типе политико-правовой организации произошло громадное усиление централизованного управления экономикой, неограниченного вмешательства власти в регулировании социальными отношениями. Автономное поведение граждан низводится до совершенно низшего уровня.

Во-вторых, над страной довлел исторический опыт прошлого. «Он выражался, - подчеркивал наш соотечественник, - в гипертрофированной централизации старого режима в его абсолютизме и деспотизме, в отсутствии у нас автономии лиц и групп, в отсутствии «свободы и прав личности»².

В-третьих, само царское правительство, с началом военных действий введя военное положение, ограничивая права личности, права частной торговли и собственности, осуществляя реквизиции, создавало базисные основы для этатизации в политической, правовой и экономической областях. Временное правительство, продолжая усиление принципов этатизма в экономической области, стремилось в политической сфере управлять демократическими мерами, что было совершенно неприемлемым для того времени. Приход к власти большевиков был только вопросом времени.

Он верил, что, как только будет восстановлено народное хозяйство, население станет сытым, а голод уйдет в прошлое, возродится частный капитализм, возродятся зачатки демократии, ослабнут этатические начала «начнется отступление коммунизма по всему фронту». «Только война, - отмечал он, - или какая-нибудь катавасия могут спасти Советскую власть»³.

В 1940-х годах П.А.Сорокин пересматривает свои позиции в отношении советского режима. Он считает, что террор и насилие первых лет послереволюционной России уступают место управлению на основе законов, политической, экономической и культурной демократии. Происходит расширение прав личности, наблюдается культурный рост населения страны. Мыслитель признает большие достижения в области развития «коммунистическо-социалистической демократии». В 1950-60-е годы ученый с мировым именем активно выступал против противостояния США и СССР и настаивал на сближении и расширении сотрудничества двух стран.

---

¹ Он же. Проблема социального равенства. Пг., 1917. С. 14.

² Он же. Современное состояние России. Прага, 1922. С.43.

³ Сорокин П. Современное состояние России. Прага, 1922. С.45.

В поле зрения молодого П.А.Сорокина находилась уголовно-правовая проблематика. Он был убежден, что преступность не только антигосударственное, но и представляет собой общесоциальное явление. Именно социологический анализ преступности, по мнению П.А.Сорокина, позволяет раскрывать «с точки зрения сущего действительные причинные связи, данные в исторически-социальной действительности»¹.

Анализируя определение преступления, данное Э.Дюркгеймом, П.А.Сорокин отмечает, что для преступников их действия не являются таковыми, поскольку «для них часто сами «правовые» нормы общества и основанные на этих нормах кары являются преступлением, ибо они «оскорбляют сильные и определенные состояния сознания преступника»². Он предлагает дополнить его определение следующей формулировкой: «Преступлением для кого-нибудь будет тот поступок, который оскорбляет сильные и определенные состояния сознания этого «кого-нибудь»³. Данная формулировка уже радикально расходится с дюркгеймовской.

Поступок только тогда преступный, когда «кем-нибудь *психически* переживается как преступный, как запрещенный». При этом П.Сорокин указывает на необходимость учета следующих обстоятельств:

«1). Преступление может быть только психическим явлением, и класс преступных явлений есть класс специфических психических процессов, переживаемых тем или иным индивидом.

2). Определить признаки преступления – это, значит, отметить признаки специфического класса психических переживаний.

3). Так как психические переживания даны только в индивиде, то при определении преступления и преступных деяний можно стоять только на точке зрения того или иного индивида, то есть точкой отнесения неизбежно становится индивид. Тот или иной акт может быть преступлением лишь с чьей-нибудь точки зрения, то есть или индивида, или группы индивидов.

4). Для каждого индивида преступными будут те акты (*facere*, *abstinere* и *pati*), действительные или воображаемые, свои или чужие, которые возбуждают в нем соответственные специфические переживания»⁴.

По своему характеру социальная среда и социальное взаимодействие весьма динамично взаимодействуют между собой. П.Сорокин считал, что люди в своем поведении руководствуются определенными выработанными шаблонами, представляющими собой первые правовые нормы, совокупность которых образовывала общественный порядок⁵. Изменчивость социального мира уже предполагает изменение принятых шаблонов поведения.

---

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С.86.

² Там же. С.68.

³ Там же. С.69.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С.73.

⁵ Он же. Элементарный учебник общей теории. С.102.

Разность приспособления индивидов к шаблонам поведения и неодинаковость самих шаблонов порождает, по убеждению исследователя, конфликты как между различными частями группы. Нарушение общепринятого шаблона поведения превращается в «преступное действие», а «сверхнормативный акт» награждается. Он полагал, что еще среди первобытных народов на почве «бессознательных шаблонов поведения и в силу общественной жизни ... должна была создаться общность правовых убеждений»¹. Оформление последних в обязательность исполнения стало источником формирования официального права.

Следовательно основу преступного действия составляет, с одной стороны, нарушение индивидом шаблонов, характерных для определенных социальных общностей. С другой – одновременно каждый поступок является реализацией также конкретного шаблона, хотя и не согласующегося с общепринятым. «Иначе говоря, - полагал он, - *преступные или запрещенные акты суть акты, противоречащие «дозволенно-должному» шаблону поведения»*². «Одни акты и виды поведения, как свои, так и чужие, мы переживаем и сознаем как акты «*дозволенные или должные*», «*справедливые*» и приписываем себе и другим то *право* на их нетерпение, то *обязанность* их совершить, то *обязанность* их терпеть, то *обязанность* воздерживаться от них»³.

По большому счету, преступлениями являются конфликты различных шаблонов поведения. Индивид, который не переживает и не осознает свой поступок как действие, нарушающее общепринятые правила, правовую норму, не считает себя преступником. Не случайно он особо выделил следующее: «Один и тот же акт даже в одной и той же группе мог быть и преступлением и подвигом, в зависимости от того, какие переживания он возбуждал в индивиде, кем выполнялся и в пользу кого он был направлен»⁴.

Данная точка зрения уже позволяет рассматривать действие преступника не как оскорбление общественного сознания в целом (как трактует Э.Дюркгейм), а только той части, которая воспринимает это действие как преступное. П.Сорокин подчеркивает: «В каждом обществе уголовные нормы защищают не всех его членов, а только определенную часть, или, иначе говоря, в каждом обществе шаблоны поведения у различных его частей различны, в силу чего и возникают сами преступления и наказания. В зависимости от того, шаблоны какой части мы примем ... решается вопрос о правоте и закономерности тех или иных актов ... Наказание революционера, вполне законное с точки зрения официальных шаблонов поведения,

---

¹ Там же. С.112.

² Там же. С.76.

³ Там же. С.75.

⁴ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории. С.73-74.

есть преступление с точки зрения революционера и его единомышленников»¹.

Поскольку основной причиной преступности выступает несовпадение «шаблонов поведения» различных социальных групп, то объединение людей в единую «замирненную группу» позволит в будущем разрешить проблему преступности. С ростом общей культуры отпадет надобность применения жестоких способов воздействия на индивидов для преодоления социальных конфликтов. В его восприятии человечество должно постепенно приближаться к созданию единой «замирненной группы»².

Он считал, что в уголовном праве также применяется шаблонный подход, когда система наказания строится сообразно видам преступлений. Притом с увеличением различных видов шаблонов поведения, становящихся органически присущими человеку, обуславливает многообразие мер наказания и поощрения. Несомненно, в систематизации видов наказания присутствует степень мотивационного воздействия. Разные люди с разной степенью испытывают на себе угрозу применения наказания. П.Сорокин отмечал: «Угроза заключения в тюрьму более действенна для того, кто не переносит тюремного заключения, чем для того, кто легко уживается и приспособливается к данной обстановке, угроза смертной казнью может произвести сильнейшую пертурбацию в поведении человека, дорожащего жизнью, тогда как на поведение человека, которому «все равно – жить или не жить», давление этой кары будет незначительно»³.

Именно уголовное право, в отличие от гражданского, конституционного и административного права, в большей степени отражает присущую для социумов этико-правовую ментальность и социальную дифференциацию общества.

Степень проявления мотивационного характера системы наказания определяется также и присущими для индивида особенностями мировоззрения и миропонимания. Поскольку в уголовном праве присутствуют весьма значительные отклонения в квалификации содержания карательных актов, то становится весьма сомнительной сама общность правила, закрепляемого в законе. Поэтому он предлагает учитывать еще одно обстоятельство: «Кто видит в преступлениях лишь одно отрицательное явление, тот должен видеть то же самое и в наказании»⁴.

Социальное назначение социальных норм, равно как и правовых, состоит в обеспечении устойчивости социальных связей и отношений. Как только «внутри социальной группы происходит увеличение ее разнородности, вызываемой различными причинами, когда поведение ее членов,

---

¹ Он же. Общая социология. С. 106.

² См.: Сапов В.В. Питирим Сорокин: Моментальный снимок на фоне России и Америки // Социологические исследования. 1996. №2. С.140.

³ Сорокин П.А. Общая социология. С. 123.

⁴ Сорокин П.А. Общая социология. С. 107.

диктуемое моральной совестью, становится все более и более разнородным, тогда линия кар и наград должна *повышаться*, чтобы воспрепятствовать распылению группы. То же повышение линии санкций должно наблюдаться и тогда, когда гетерогенность группы вызывается внешними причинами – столкновением с другой разнородной группой и включением ее в состав группы победителей»¹.

Таким образом, по мнению П.А.Сорокина, действующая внутри социальной группы система санкций и поощрений, направлена на создание, сохранение и укрепление солидарности с целью предотвращения распада, пресечения взаимной борьбы, достижения консенсуса и приведения «ее антагонистических элементов к общему моральному единству»².

В данном случае представляется весьма интересной его позиция, согласно которой «всякое право для своего существования требует тем больше юридических мер, чем меньше оно соответствует правовым убеждениям общества и наоборот»³.

Увязывая с социокультурными ценностями динамику преступных действий, он отмечает, что низкий уровень убийств и насилия приходится на периоды перехода из одной системы ценностей к другой. В условиях, когда ценности общепризнанны, карательные меры гуманны, «они становятся жестокими и кровавыми, когда ценности разлагаются и вступают в конфликт»⁴.

Придерживаясь взглядов Л.И.Петражицкого на общую тенденцию прогрессивной эволюции, П.А.Сорокин указывает на снижение стимулирующей роли внешних санкций, общей гуманизации карательных мер и нарастающего влияния внутренних факторов в регулировании поведения индивидов на основе осознания своего долга, ответственности и снижения ненависти друг к другу.

В контексте анализа теоретико-методологических основ исследования политико-правовой проблематики представляет несомненный интерес очерк молодого П.А.Сорокина «Самоубийство как общественное явление». Проблема суицида в дореволюционной социально-правовой мысли была весьма популярна. На фоне множества исследований особо выделялась работа Э.Дюркгейма «Самоубийство» в полном переводе опубликованная в 1912 году. Несмотря на солидарность со многими идеями великого французского исследователя, которому он отправил ряд своих публикаций, П.А.Сорокин в своем очерке сформулировал ряд новых оригинальных подходов в анализе данного социального феномена.

Актуальность обращения к данной теме молодой Сорокин объяснял не только чисто научным интересом к суициду, необычного в своем про-

---

¹ Там же. С.156.

² Там же. С. 149.

³ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории. С.112.

⁴ Он же. Общедоступный учебник социологии. С.495.

явлении, но и практической значимостью вследствие угрожающего его распространения в обществе вообще и каждому индивиду в частности. В своем очерке автор, описывая отношение религиозных и светских властей в истории человечества к самоубийству, отмечает, что «почти всюду, у всех народов мы встречаем резко отрицательное отношение к самоубийству, весьма суровые меры ..., однако, ни проклятия, ни кары не уменьшили числа самоубийств»¹.

Анализируя причины суицидов, П.Сорокин указывает, что «долгосрочные тенденции самоубийств не объясняются экономическими факторами бедности и процветания..., число самоубийств в этих более бедных странах было ниже, чем в странах процветающих. В средние века Европа была экономически беднее, чем в XIX или XX столетиях, однако число самоубийств в средневековой Европе, похоже, было очень незначительно»². Он отмечает, что Э.Дюркгейм «вполне удовлетворительно разрешил эту проблему».

Предотвращение суицидов, снижение количественного роста он увязывал с поиском причин, вызывающих по его словам это «бытовое явление». Среди совокупности факторов, вызывающих самоубийства, он выделил сумасшествие, алкоголизм, наследственную предрасположенность, расовые особенности, изменения в климате и температуре и т.д. По его мнению физические и биологические факторы имеют только второстепенное значение. Основная причина кроется в социальной организации и общественной жизни людей.

Для него из «простейших социальных причин самоубийства служит так называемое подражание или заражение». Под подражанием он понимал «такой процесс, в силу которого человек бессознательно и механически повторяет тот или иной поступок другого человека»³. В качестве примера он привел случай, происшедший в доме инвалидов, когда на крючке повесился один из инвалидов. За короткое время лишили себя жизни еще 15 человек. Как только крюк убрали и самоубийства прекратились⁴.

Следует отметить, что доктор философии Стокгольмского центра здоровья в переходных обществах И.Х.Мякиннен отмечает, что современные многочисленные эмпирические исследования подтверждают гипотезу фактора подражания на совершение суицидальных поступков⁵.

---

¹ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. №2. С.107.

² Он же. Структурная социология // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С.165.

³ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. С.110.

⁴ Там же. С.116.

⁵ Мякиннен И.Х. Как был написан очерк Сорокина о самоубийстве // Социологические исследования. 2003. №11. С.124.

Помимо фактора подражания в качестве основных причин суицидальных мотивов П.А.Сорокин выделил социокультурные факторы. Он исходил из посылки, согласно которой «чем культурнее и цивилизованнее народ – тем в среднем больше самоубийств происходит в его среде». В его представлении в примитивных обществах индивиды и их поступки были подобны друг другу. Религиозные установки, правовые и нравственные переживания всех членов группы также были сходны. Индивид растворялся в социальном целом. Он писал: «Страдания в глазах страдающего принимают реальный смысл и высокую ценность, ибо они нужны для группы. Мало того, что личность здесь очень легко приносит себя в жертву всей группе, ибо сама жертва, как в собственных глазах, так и в глазах остальных членов, приобретает смысл и окружается ореолом»¹.

С усложнением социальной структуры общества и с качественными изменениями динамики социальных отношений ситуация, по мнению исследователя, изменяется коренным образом. Распадение общественной целостности на отдельные социальные группы вызывает и разделение некогда единого коллективного интереса на совокупность индивидуальных интересов. В современных обществах, по замечанию П.А.Сорокина, «личность одинока, особенно велико ее одиночество в крупных городах. Общность верований, обычаев, нравов, интересов исчезла. Каждый член имеет свои интересы, далеко не совпадающие с интересами других»².

Изоляция индивида от социальной группы, общества в целом – основная составляющая количественного роста числа суицидов. «Одиночество, оторванность личности от общества, быстрый и лихорадочный бег жизни, распыленность общества и падение религиозных верований, неудовлетворенность и неустойчивость жизни – таковы признаки, – подчеркивал П.Сорокин, – присущие культурному обществу»³.

В условиях социальных потрясений революций, когда индивиды вовлечены в общественную жизнь и участвуют в различных массовых мероприятиях, по заключению ученого, наблюдается снижение общего уровня суицидов. Отмечая данный факт, П.А.Сорокин указывал: «Появляются партии, общественные течения, встают общие цели, и личность входит в тесные отношения с другими личностями, она принимает участие в партийной работе, в массовом движении и общественной борьбе»⁴.

В отличие от позиции Э.Дюркгейма, утверждавшего, что бедность предохраняет от самоубийств, главную конкретную причину распространности феномена суицида в дореволюционной России П.А.Сорокин видел в нужде, голоде и безработице. Поддерживая точку зрения нашего соотечественника, И.Х.Мякинен указывает: «Хотя последствия этих влияний

---

¹ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. С. 111.

² Там же.

³ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. С.111.

⁴ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. С.112.

не очень драматичны, а порядок причин и механизм неясны, такой эффект тем не менее существует»¹. Панацеей от суицидов молодой П.А.Сорокин видел в социальной организации индивидов, спланированных социумами едиными целями, интересами и задачами.

Оценивая в целом очерк молодого исследователя, следует признать, что, несмотря на акцентирование внимания только на негативных сторонах проявления суицида, в концептуальном плане разрешение феномена самоубийства, по его мнению, находится не в плоскости ужесточения уголовно-правовых норм, а в духовном возрождении, при условии появления общей цели, смысла жизни и необходимости полезной и высокой деятельности, в которой каждый бы находил свое удовлетворение².

В теоретическом аспекте он считал, что соответствующее общество и его культура обуславливают феномен суицида. Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат; они свободны от чувств психосоциальной изоляции, одиночества или забытости. Такой тип организации оказывает мощный ингибирующий эффект на тенденцию к совершению самоубийств. Культура такого общества действует в том же направлении. Поскольку общество интегрировано и поскольку это единство ощущается его членами, его культура также является единой. Ее ценности воспринимаются и разделяются всеми его членами, рассматриваются как надиндивидуальные, бесспорные и священные. Такая культура не поощряет самоубийства и становится мощным антисуицидальным фактором.

Он был убежден в том, что общество с низкой степенью социального сцепления, члены которого слабо связаны между собой и с референтной группой, с запутанной сетью социальных норм, с «атомизированными», «релятивизированными» культурными ценностями, не пользующимися всеобщим признанием, являющимися делом простого личностного предпочтения, предстает мощным генератором самоубийств, независимо от климатических или экономических условий, состояния психического и физического здоровья его членов³.

В рамках теории социокультурной динамики П.А.Сорокин предлагает различать три вида права и соответствующие им законодательные системы. В его концепции идеациональная, чувственная и идеалистическая и «социокультурные системы» (суперсистемы) периодически сменяют друг друга и характеризуются определенным пониманием реальности, природы потребностей, способами их разрешения. Идеациональной культуре свойственна всесторонняя, проявляющаяся в науке, искусстве, праве, повседневной практике и т.д. ориентация на трансцендентные ценности. В

---

¹ Мякиннен И.Х. Как был написан очерк. С.124.

² Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. С.114.

³ Сорокин П.А. Структурная социология. С.168.

большей степени материальные и материалистические ценности характерны для культуры чувственного типа. В идеалистическом типе культуры синтезированы ценности, присущие для вышеназванных типов культуры. В эпоху упадка ценности чувственной, идеациональной и идеальной типов культур эклектически сосуществуют вне органической взаимосвязанности. Социокультурная динамика проявляется в том, что типы культур имеют свои законы развития и свои «пределы роста».

Содержание идеационального права составляют теологические основания, вера в сверхъестественное начало. В таком случае идеациональные нормы неоспоримы и требуют неукоснительного выполнения. Они во многом не соотнобразуются с пользой, выгодой и целесообразностью. Не случайно, что, с одной стороны, идеациональное законодательство защищает многие ценности, не имеющие непосредственной пользы и чувственной утилитарности. С другой - они содержат в себе запрещение многих видов действий, рассматривая их как грех¹. «В таких законодательных сводах, - отмечает П.А.Сорокин, - преступление синонимично греху, так же как и послушание закону тождественно послушанию Богу и спасению»². Поэтому уголовное право направлено на наказание и запрещение действий и поступков, нарушающих установленные правила в отношениях к сверхъестественному и ценностям религиозного характера.

В идеациональных обществах правосудие основано на обращении к «сверхъестественным методам». «Почти каждое юридическое действие...расписывается до мельчайших деталей через декларирование определенных священных формул, священных действий, не оставляющих какой-либо возможности изменить что-либо, пусть даже одну-единственную букву или деталь в *этой* сакральной процедуре³. В качестве судей, как правило, выступают сами служители культа. Законы «абсолютны и жестки; формы его (закона – Авт.) применения столь же абсолютны и формальны. Не допускается никакой неясности, неопределенности, относительности, двусмысленности или усомнения в годности. Юридическое сознание идеационального общества ясно, свободно от всяких сомнений, не допускает критики и обсуждения, оно воплощает в деталях основную посылку идеационального мышления»⁴.

В чувственном обществе право рассматривается как результат социальной практики. Чувственное право ориентировано на достижение исключительно утилитарных целей и «является инструментом подчинения и эксплуатации одной группы другой». В законодательной системе чувственные «нормы относительно, изменяемы и условны: ряд правил, целе-

---

¹ Он же. Кризис этики и права // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М., 1992. С.495.

² Там же. С.495.

³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С.495-496.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С.495-496.

сообразных при одних обстоятельствах или для одной группы людей, становятся бесполезными или даже вредными при иных обстоятельствах и для другой группы лиц. Законы поэтому предрасположены к постоянным изменениям. В такой системе права не заложено ничего вечного и святого»¹.

В отличие от идеационального общества, где система наказаний основана на сверхчувственных санкциях и имеет цель искупления, в чувственном – правосудие направлено на «возмездие, перевоспитание преступника, безопасность общества и сходные утилитарные соображения. Правила и процедуры гибки, изменяемы, свободны от жесткой формальности идеационального закона. Личные и имущественные отношения людей управляются целиком с точки зрения их целесообразности, полезности и чувственного благополучия либо общества в целом, либо правящей элиты». Все отношения между людьми имеют договорной характер или общеобязательны. Во всех отношениях, - указывает П.Сорокин, - вся система правовой регуляции покоится на чувственной основе и определяется почти исключительно чувственными побуждениями»². По его убеждению в современных западных странах законодательство основано на чувственном праве.

Однако если содержание правовой нормы составляет утилитарность и полезность, то средства их достижения определяются сугубо индивидуально и прагматично. Поскольку «нет конечного предела чувственным желаниям, покрывающим все чувственные ценности, то допустимое количество этих ценностей, - писал П.Сорокин, - становится недостаточным для удовлетворения всех желаний и потребностей групп и индивидов». Следствием же становится все большее расширение зон конфликтов между людьми. В работе «Социальная и культурная динамика» отмечается, что в праве вообще, а в уголовном праве в особенности наглядно проявляется характеристика происходящих изменений в этно-юридической ментальности общества и повседневном их применении на практике.

Идеалистическая морально-правовая цивилизация занимает промежуточное положение между рассмотренными типами. Она играет переходную роль, соединяя в себе нормы и ценности обеих систем.

По его мнению, современная система права переживает в настоящее время кризис, поскольку с усугубляющейся девальвацией морально-этических ценностей наблюдается снижение былого престижа правовых норм и последние все больше превращаются в средство осуществления господства одних социальных групп над другими. В ситуации, когда религиозным, этическим и юридическим нормам все меньше принадлежит контролирующая роль поведения людей, усиливается «право сильного». Он

---

¹ Там же. С.497.

² Там же. С.498.

подчеркивает: «И в этом – основная черта современного кризиса в этике и праве»¹.

Говоря о перспективах развития интеграционных процессов в социальных системах, он отстаивал следующее положение: «есть основания думать, что падение государства и всемирное объединение человечества совершится не в форме замены государственной организации классовой организацией и не в виде замещения государственного эгоизма классовым эгоизмом, а в форме *сверхклассового и сверхгосударственного объединения всех людей, где каждая личность будет равноправна с другими, без различия подданства, классов, пола, религии, рода и т.д.*»². Началом тому послужит, по его мнению, «федерации государств, в сверхгосударственной организации всей Европы, на почве равенства всех входящих в нее личностей, - а поскольку они образуют сходную группу, - то и народов»³.

«Поскольку господствовавшая на Западе в течение пяти веков сенсативная общественно-культурная система, - указывал ведущий теоретик американской социально-гуманитарной мысли, - находится сейчас в состоянии упадка, она по всей вероятности будет заменена новой интегральной системой»⁴.

Он считал, что в основном идеациональная система, долгое время преобладавшая в странах Востока, под влиянием западной научно-технической цивилизации, также идет к своему логическому концу. Будущее возможно «будет восточной формой интегрального порядка, сходной в основных чертах с его западной разновидностью, но отличной от него по многим другим особенностям»⁵.

К 1967 году П.А.Сорокин приходит к убеждению, что современный мир находится, может быть, в состоянии величайшего в истории своего существования кризиса, угрожающего самому существованию человека на земле. Основу кризиса он видел в упадке религиозного сознания, моральных установок, социальных институтов, эффективных средств социального контроля. Он писал: «Если удастся избежать самоубийственной третьей мировой войны, то совокупность существующих социальных и культурных условий будет благоприятствовать скорее возникновению западно-восточных вариантов интегрального порядка»⁶.

Перед современной Россией стоит задача кардинального характера в уточнении идеациональных представлений и ценностей и обогащения их более совершенными формами чувственных и рациональных понятий сен-

---

¹ Сорокин П.А. Кризис этики и права. С.499.

² Он же. Элементарный учебник общей теории. С.137.

³ Он же. Проблема социального равенства. Пг., 1917. С.14.

⁴ На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь профессора Н.С.Тимшева/ Под почетной редакцией профессора П.А.Сорокина. Нью-Йорк, 1965. С.382.

⁵ Там же.С. 383.

⁶ На темы русские и общие. С. 384.

сативной западной системы, полагал П.А.Сорокин, - возрождения нового духовного облика страны, а вместе с тем и политико-властных институтов.

Социолого-правовое познание природы и назначения права и власти в рассмотрении П.А.Сорокина столь объемно и многоаспектно, что его по праву можно назвать крупнейшим исследователем социально-правовых проблем, как в социологической юриспруденции, так и юридической социологии. Целостное обобщение исторических, социокультурных и иных факторов феномена права и власти по праву позволяет говорить о нем как о создателе синтетической теории права и власти.

23. Гурвич Георгий Давыдович

Центральной фигурой франкоязычной социолого-правовой мысли второй половины XX века являлся Г.Д.Гурвич (1894-1965), создавший, по мнению П.А.Сорокина, одну «из наиболее оригинальных и значительных социологических систем нашего времени»¹. Г.Д.Гурвич родился в семье банкира в г. Новороссийске. Учился в Ростове, Риге и Германии. Преподавал в Петроградском университете. Помогал устанавливать Советскую власть в Одессе. В 1920 эмигрировал в Прагу, затем переехал во Францию. Университетская карьера во Франции началась в 1935 г. в Страсбурге. Он гражданин Франции с 1929 г. Международное признание он получил в 1932 году. Наш соотечественник являлся Генеральным секретарем Международного института социологии права в Париже (1931-1940 гг.) и редактором парижского журнала «Archives de philosophie du droit et de Sociologie juridique». В 1940-1945 гг. переехал в США, где возглавил институт социологии в Свободной школе высших исследований Нью-Йорка. После окончания второй мировой войны возвратился во Францию. С 1949 года он профессор Сорбонского университета. Автор более тридцати книг в области истории философии, социологии права, морали и т.д. Он автор концепции «социального права», представляющей собой право интеграции и сотрудничества, возникающей спонтанно и независимо от государства. Исследованиям Г.Гурвича характерен междисциплинарный характер. Они охватывают философию, социологию, право, историю, антропологию и социальную психологию.

В теоретическом плане предложил методологию «диалектического гиперэмпиризма». «Эмпиричность» предусматривает опору на методологически выверенные факты. «Гипер» означает их максимальный охват. «Диалектичность» выражается в том, что социальные процессы в онтологии и гносеологии находятся во взаимосвязи и подобии друг с другом.

---

¹Sorokin P.A. Gurvitch's Empirico-Realist Dialectic Sociology // Sociological Theories of Today. -N.-Y.: L.: Harper and Row Publishers. 1966. P.465.

Социальную реальность, по его представлению, необходимо изучать тремя различными методами:

1) систематизирующим и аналитическим, предусматривающим анализ определенного уровня социальной реальности, в т.ч. правовой действительности и применяемый большинством частных социальных наук, в частности, правоведением;

2) индивидуализирующим (сингуляризирующим), используемым в истории и этнографии;

3) качественной и дискретной типологии, представляющим собой основной метод собственно социологической науки.

Свою задачу он видел в создании на основании большого числа критериев огромного количества типов и подтипов социальных типов. Он, рассматривая социологию в качестве особого «социального феномена», в ней выделял микро- и макросоциологию. Микросоциология была призвана изучать простейшие и явные проявления социальной реальности, обозначаемые как «социабельность», включающие в себя формы непосредственных межличностных взаимодействий и общений («отношения к другому», отношения между «я», «он», «она», «они») и идентифицированные конкретные социальные единства («мы» и «наш»), создаваемые в процессе общения.

«Социабельность» возникает при совпадении интересов и взглядов индивидов на конкретные определенные события, явления и процессы. В качестве конкретных форм «социабельного» «мы» выступают социальные образования - «массы», «община» и «коммуна», которые могут быть монофункциональными, полифункциональными и суперфункциональными.

Если микросоциология фиксирует изменения в социальной среде в горизонтальном измерении, то макросоциология должна акцентировать внимание на вертикальном срезе социальной реальности. В ней он выделил десять уровней. Первый представлен явлениями повседневности: географической средой обитания, антропологическими и демографическими характеристиками населения, миграцией, материальной культурой социума и т.п. На втором уровне выступают организованные, централизованные и иерархизированные образцы коллективного поведения, составляющие по своей сути наследие прошлых культур. Третий уровень включает в себя модели, правила, нормы индивидуального и коллективного поведения, характерные для настоящего времени и основа для дальнейшего развития. Четвертый уровень – внешние по отношению к третьему уровню стандартизированные формы коллективного поведения. Пятый уровень состоит из совокупности социальных ролей. В шестом уровне выделены социальные установки и стереотипы социального поведения. «Социальная символика» характеризует седьмой уровень. Инновационные, революционные, творческие акции – содержание восьмого уровня. Девятый уровень создают коллективные идеи и ценности. Родовая духовность, как таковая, коллектив-

ная ментальность составляет десятый уровень социальной реальности. Уровни взаимодействуют и частично проникают друг в друга¹.

В его понимании предметом исследования должны быть социальные феномены *suí generis*, отличные от физических, химических, биологических и психологических явлений. Свою задачу он видел в объяснении главных атрибутов этих феноменов, находящихся, как в согласии, так и в противоборстве друг с другом. Г.Д.Гурвич считал, что квалификация социальных феноменов предусматривает непрерывную перестройку систем социального знания.

Теория «социального права» была направлена против индивидуального права, основанного на недоверии и вражде. «Мы определяем Социальное право, - отмечал ученый, - как Право Интеграции, противоположное как праву разграничительного разделения, так и праву субординации или господства»².

В рамках разработанного им «гиперэмпирического» метода исследования следует рассматривать его концепцию «социабельного права». В работе «Элементы юридической социологии» (в американском издании «Социология права») он предложил рассматривать право, как «попытку реализовать в данном социальном образовании идею справедливости...путем многостороннего императивно-атрибутивного регулирования, основанного на прочной связи между правом требования и обязанностью»³.

Социология права как научная дисциплина должна была состоять из следующих частей:

- 1) систематической части, исследующей проявление права или «правовые манифестации» как функцию форм «социабельности»;
- 2) дифференциальной части, изучающей проявление права как функции реальных коллективных единиц – групп, классов и социальных структур;
- 3) генетической части, изучающей закономерности возникновения, изменения, развития и упадка права в различных конкретных типах «глобального общества».

В систематической части, по мнению Г.Гурвича, следует различать три вида права: «социальное», «индивидуальное» и «подчиненное или субординационное». Идею «социального права» он начинал разрабатывать еще до иммиграции⁴.

Во второй части обосновывалась мысль о том, что каждая активная социальная группа провозглашает о своем нормативном образовании, со-

---

¹ См. подробнее Голосенко И.А., Гергилов Р.Е. Георгий (Жорж) Гурвич как социолог// Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.III. №1.

² Гурвич Г. Декларация социальных прав// Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т.III. М., 1999. С. 659.

³ Gurvitch G. Sociology of Law. N.-Y., 1942. P.59.

⁴ См.: Гурвич Г. Социальная философия Ж.-Ж. Руссо. Пг., 1917.

здает свое собственное юридическое регулирование, практику и традиции. Господствующие групповые интересы образуют хозяйственные, политические, культурные и иные системы, находящиеся в иерархичном отношении друг к другу. Так, международный юридический порядок должен доминировать над национальным, федеративное право – над регионально-этническим. «Генетическая» часть была призвана изучать юридические порядки «глобальных обществ»¹.

В его теоретической конструкции «социальное право» воспринималось в качестве права различных форм общественных объединений иметь свои собственные права («крестьянское право», «буржуазное право», «пролетарское право» и т.д.). «На основе известных объективных качеств (принадлежности к одной профессии, своеобразной национальной группе, определенной географической местности, политической партии и т.д.), - отмечал он, - граждане здесь объединяются в специальные группы наделяемые равными правами»². По своей сути «социальное право», по его мнению, «это право объективной интеграции в Мы, в имманентное целое. Это право помогает его субъектам участвовать в целом... основано на доверии... Оно не может быть установлено извне. Оно может оказывать свое регулятивное действие как бы изнутри данной системы, имманентным путем. Поэтому оно всегда автономно»³.

«Социальное право» в его интерпретации «заставляет непосредственно участвовать субъектов, которым оно адресовано, во всем, что, в свою очередь, непосредственно содействует юридическим отношениям своих членов»⁴. В представлении Г.Гурвича основу «социального права» составляют отношения, построенные на доверии, взаимопомощи людей. Оно производно нормативным характеристикам любого объективного объединения и фиксируется, исходя из «непосредственного юридического опыта» в коллективных документах. Организованные суперструктуры социальных групп порождают «социально организованное право».

В его понимании правовое пространство должно состоять из 162 видов права, образуемых взаимодействующими между собой «социальным правом», «индивидуальным правом», характерным для межличностных отношений и «подчиненным» («субординационным») правом, доминирующим в недемократических режимах и являющейся искаженной редукцией гетерогенной системы «индивидуального права», и их многочисленными конкретными видами.

---

¹ Голосенко И.А., Гергилов Р.Е. Георгий (Жорж) Гурвич как социолог // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №1. С.31-32.

² Гурвич Г.Д. Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №1. С. 40.

³ «Die Lehre von der Gesellschaft. Red. G.Eisermann. Stuttgart, 1958. S.215.

⁴ Гурвич Г. Декларация социальных прав // Антология мировой правовой мысли. Т. III. С. 659.

Впоследствии социальное право он стал трактовать как выражение высших форм «социабильности», т.е. общественного взаимодействия людей. По существу социальное (социабельное) право представляет собой *фактор интеграции и институциализации* в общественных отношениях.

В исследовании Г.Гурвича реальность права ассоциируется с понятием «юридический опыт», который выражается в «коллективных актах признания» определенных ценностей. В результате «коллективных актов признания» определенные фактические ситуации приобретают характер «нормативных фактов», являющихся основанием действительности правовых норм¹.

Таким образом, «юридический опыт» и «нормативные факты» как его результат составляют «реальность права». Эта реальность выражается не только совокупностью «социальных прав» (сколько групп, столько «актов признания» и соответственно правовых систем), но и в «правовых словах», один из которых – это интуитивное, спонтанное, неоформленное право, а другой – оформленное и зафиксированное право»².

Как можно заметить, своеобразием концепции Г.Гурвича выступает неоправданное расширение не только круга социальных общностей, вырабатывающих правовую норму, но и самого понимания права, трактуемого как совокупность организационных, иных социальных норм и правосознания, в его социально-психологических и идеалистических аспектах. Сознание в виде «коллективных актов признания» выступает основным фактором, обуславливающим «юридическую реальность». Право им определялось как совокупность норм поведения, символических действий, предрасудков и т.д. Социология права, как часть социологии «человеческого духа», тем самым призвана изучать всю общественную действительность от коллективных действий людей до «очевидных проявлений в материальных основах как пространственная структура правовых институтов»³.

Таким образом, право предстает в качестве позитивного порядка, посредством которого осуществляется принцип справедливости применительно к конкретной социальной среде. Реализация позитивного порядка происходит через противодействие конфликтам, создание и применение в их совокупности различных императивов и конвенций.

Несомненной заслугой Г.Гурвича является выделение в качестве предмета изучения социологии права проблемы микросоциологии права, которые включали в себя различные взаимоотношения людей, в которые они вступают по поводу данного факта; социолого-правовые проблемы групп и классов; проблематику типологизации правовых норм, призванных сохранять общественную жизнь в целом; проблемы генетической социоло-

---

¹ Gurvitch G. L'expérience juridique et la philosophie pluraliste du droit. P., 1935.

² Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С.279.

³ Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981. С.88–89.

гии права, акцентирующей внимание на закономерностях и тенденциях в развитии права и факторов, обуславливающих его расцвет и упадок.

24. Тимашев Николай Сергеевич

В социально-психологическом направлении социологической юриспруденции выделяется концепция Н.С.Тимашева (1886-1970) - социолога, правоведа и историка, разработавшего концепцию права и власти как био-психологических явлений. Н.С.Тимашев родился в Санкт-Петербурге 9 ноября 1886 года в семье министра торговли и промышленности, окончил Александровский лицей, учился в Германии. Скончался 9 марта 1970 года в Нью-Йорке. В дореволюционной России Н.С.Тимашев преподавал уголовное право. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1914-1917 гг.). Декан, профессор Петроградского политехнического института (1916-1920 гг.). В августе 1921 года нелегально эмигрировал в Финляндию, затем переехал в Берлин. Был сотрудником Русского научного института. С 1923 года в Праге в качестве профессора Русского юридического института занимался преподавательской деятельностью. Во Франции в Париже в 1927- 1936 гг. преподавал во Франко-русском институте, Славянском институте Сорбонны, был помощником редактора газеты «Возрождение». С 1936 года проживал в США. Здесь он получил признание после выхода в свет книги «Введение в социологию права». Профессор Гарвардского и Фордхемского университетов. Его творчество охватывает семь крупных исследований, непосредственно относящихся к социологии, восемь – к области права и три – к истории России и Советского Союза. Эти работы получили высокую оценку в научных кругах и до сих пор не потеряли своей актуальности. Он был заслуженным членом Американского социологического общества, Американского католического социологического общества, Американской Академии политических и социальных наук.

Он является одним из основоположников социологии права, рассмотревших правовую систему как отражение социальной системы, возникающей при утверждении социального порядка, выраженного в правовых нормах и социальной власти, и функционирующей во всех социальных институтах.

Актуальность обращения к его научному творчеству объяснимо еще и тем, что как в научной мысли русского зарубежья, так и в современной российской научной мысли пока еще не уделено должного внимания психологическим сторонам анализа политико-правовой реальности¹.

В исследованиях дореволюционного периода, анализируя преступления и правонарушения, наказание и условное осуждение, Н.С.Тимашев не только выделял обуславливающие их культурные и социальные факто-

---

¹ См.: Керимов Д.А. Проблема общей теории права. М., 2000. С.12.

ры, но и стремился выявлять их взаимосвязь¹. Его магистерская диссертация была посвящена условному осуждению, докторская – преступной пропаганде².

В первое десятилетие эмиграции из многочисленных его публикаций следует особо выделить работы, посвященные политико-правовой проблематике³, в которых оформляются идеи, имевшие концептуальный характер и определившие направление творческого поиска.

Основу теоретических установок анализа сущности власти и права Н.С.Тимашева составили следующие положения: «1) общество и социальные системы представляют собой суть системы, самоопределяющиеся с точки зрения их культурного и персонального элементов; 2) каждый из них может изменяться. Это изменение определяется не внешними, но переменами внутренними, присущими культурному и персональному элементам; 3) социальные структуры и их движущие силы должны быть наблюдаемы как человеческие процессы, а не только как биологические и механические процессы»⁴.

Необходимо отметить, что теоретические основания анализа права и власти как биопсихологической реальности были им сформулированы в статье «Право как коллективно-психологическая реальность», опубликованной после изгнания из Советской России.

В данной работе реальность права объяснялась действием психологических факторов, определяющих совокупное поведение индивидов в социальной группе. «Право, указывал Н.С.Тимашев, есть одна из коллективно-психологических атмосфер, если можно так назвать совокупности пси-

---

¹ Тимашев Н.С. Новейший фазис в истории условного осуждения // Журнал министерства юстиции. СПб., 1913. №7; Уголовная процедура в отсутствие обвиняемого // Журнал уголовного права и процесса. СПб., 1913. №1; Преступная пропаганда // Журнал министерства юстиции. СПб., 1914. №10; Юридическая природа уголовной ответственности соучастников. Пг., 1915; Религиозные преступления по действующему уголовному праву. Пг., 1916; Проблема невмешательства в уголовном праве. Пг., 1917.

² Тимашев Н.С. Условное осуждение. Канд. дисс. СПб., 1914; Он же. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву. Докт. дисс. Пг., 1915.

³ Он же. Право Советской России. В 2-х т. Прага, 1925; Краткий конспект лекций по уголовному процессу, читанных на русском юридическом факультете в Праге в 1923-1924 уч. году. Прага: Русский юридический факультет, 1924; Право на наказание и право на исполнение приговора. - В кн.: «Симпозиум в честь П.Б.Струве». Прага, 1925; Введение в изучение уголовно-судебного права. Прага: Русский юридический факультет, 1925. Вып. 1,2; Советская конституция и ее значение для послереволюционной России // Своими глазами. Прага, 1925. № 6-7; Проблема независимости суда // Современные записки. Париж, 1926. № 22; Советский строй и демократия // Русский экономический сборник. Прага. 1927. № 11; Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда. Париж, 1931; Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931.

⁴ Шойер Й. Социология Н.С.Тимашева // Социологические исследования. 1994. № 4. С.120.

хических переживаний общих членов той или иной общественной группы, т.е. переживаний, повторяющихся в существенных своих чертах в индивидуальных психиках их членов, или, по крайней мере, соотносительных»¹. Сущность права, как реального явления, выводилась из взаимосвязанности индивидуальных психологических переживаний с психологией коллектива.

Правовая составляющая в отношениях между индивидами, по его мнению, отличается от науки, искусства, религии и других форм социальной реальности рядом существенных характеристик. Н.С.Тимашев акцентирует внимание на этической стороне действующей нормы права. Он, выделяя нормативную сторону права, считал необходимым рассматривать и ее «специальное этико-нормативное» свойство. Свою позицию он обосновывал тем, что помимо долженствования в правовой норме присутствует признак «властвования», который проявляется и в иных неправовых формах регуляции социальных отношений.

В полемике со сторонниками нормативизма, отрицавшими психологическую составляющую права, исследователь обосновывал свою точку зрения следующим образом: «... реально-психологический момент власти окажется соединенным не с каким-то (абстрактным – Х.Э.) нормативным моментом, а с таким же реально-психологическим моментом переживания нормативного суждения»².

В концептуальном плане специальная этико-нормативная составляющая права, по его мнению, должна раскрываться через совокупность индивидуальных сопереживаний этического свойства, соизмеряемых с коллективно-психологической атмосферой социальной группы или же иных социальных общностей. «Мы считаем этическую норму действующей, - писал он, - если поведение членов данной общественной группы в значительном большинстве случаев ей соответствует, ею определяется. Для того чтобы такое действие имело место, необходимо, чтобы в индивидуальных психиках по отношению к ней протекал процесс, который мы назовем признанием.

Признавать норму – значит волеить, чтобы она становилась мотивом поведения как самого признающего, так и других»³.

Признание целесообразности соблюдения определенных норм обуславливается долженствованием нормативного поведения. В психологическом плане индивид признает нормы поведения в прямой и косвенной формах. Прямое признание охватывает только конкретную форму, тогда как косвенное – всю неопределенную их совокупность. Каждый индивид может косвенно признавать комплекс норм только при прямом признании

---

¹Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность // Труды русских ученых за границей. Т.2. Berlin, 1923. С. 212.

² Там же. 214.

³ Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность. С.216.

хотя бы одной. Косвенное же признание индивидами конкретной нормы, в качестве элемента той или иной неопределенной совокупности, предполагает прямое признание. Нравственно-этические нормы имеют преимущественное прямое признание, а правовые – косвенное признание.

Действенность норм нравственности и морали обеспечивается посредством «веления» социальной среды. Обязательность соблюдения этической нормы представляет собой совокупный результат индивидуальных актов признания или, по определению Н.С.Тимашева, «волений, направленных на осуществление их другими». «Эти воления при нормальных условиях, т.е. в случае течения жизни в соответствии с нормой, как бы развиваются в пространстве. При попытке нарушения или при состоявшемся нарушении, они концентрируются в соответствующей точке, как бы в фокусе, и потому в огромном большинстве случаев оказываются способными подавить отколовшуюся от коллективно-психологической атмосферы волю»¹.

Исследователь полагал, что все сказанное касательно этики вообще применимо, в частности, и к праву, т.к. последнее представляет собой составную часть этики.

Психологические и этические факторы действуют на микро- и макро уровнях социальной действительности. На уровне индивидуального и группового взаимодействия выступает совокупность «волений», рассматриваемых как акты признания нормы поведения внутри социальной общности. Следует отметить, что долженствование действующей нормы проявляется не только по отношению к отдельным индивидам, но и для всей социальной совокупности, обладающей определенной коллективно-психологической атмосферой. На уровне социальной реальности нормативность реализуется посредством совокупности «волений».

Помимо признания нормы поведения внутри и вне социальной группы Н.С.Тимашев предложил выделить в механизме действия права властную составляющую. «Властвование, - в его определении, - есть такая коллективно-психологическая атмосфера, в которой мотивирующие суждения, исходящие от определенных членов социальной группы, становятся мотивами остальных ее членов независимо от непосредственной эмоциональной оценки ими последних»². Во властной реальности он предложил различать активный центр и пассивную периферию.

Природа власти проявляется при наличии принуждения. На уровне индивидуального действия поступки человека определяются исключительно силой собственной воли. Здесь еще наблюдается полное совпадение сферы проявления индивидуальной воли и действий. С оформлением коллективно-психологической атмосферы властвования подобное равновесное состояние нарушается и происходит «деформация волевых поверх-

---

¹ Там же. С.218.

² Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность. С.218-219.

ностей». Волевая природа обладающего властью индивида начинает охватывать субъекты воздействия. В психологическом плане мотивационная сторона действия властвующего, предстающего в качестве центра воздействия, и подвластных, составляющих периферию властных отношений, приобретает новую эмоциональную окраску в результате появления состояния повиновения.

По мнению Н.С.Тимашева, элементарный факт разделения людей по характеру на активных и пассивных натур при разделении социальной группы на «героев» и «толпу» уже создает предпосылки проявлению эффекта «деформации волевых поверхностей». Склонность к повиновению на психологическом уровне опосредовано наличием таких факторов, как: «непосредственное чувство благоговения», «духовная леность», «инстинкт подражания», «сознание общественной солидарности» и необходимость централизованного управления деятельностью людей. Названные факторы действуют «как бы автоматически» на бессознательном уровне. «Готовность повиноваться» предстает в качестве составной части коллективно-психологической атмосферы властвования¹. При длительном характере властвования проявление подчиненности доводится до безусловного состояния. Учитывая данный факт, Н.С.Тимашев отмечает, что власть поддерживающие искусственными мерами стремятся сохранить властные отношения.

В сфере властных отношений противоположностью автоматической подчиненности выступает состояние «напряженности», возникающее как сопротивление властвующему центру и стремление выхода из сферы подчинения. Это побуждает активный центр к целенаправленной деятельности по поддержанию уровня властных отношений, поскольку, по признанию Н.С.Тимашева, «ничто не действует так губительно на готовность повиноваться, как доказанная на опыте возможность неповиновения». Основным приемом политики поддержания власти выступает «неуклонность в предъявлении раз предъявленного требования»². Это особенно характерно для жестко детерминированных иерархическим принципом организации отношений между индивидами. Здесь наиболее ярко проявляется стремление к сохранению властвующего состояния любой ценой, с применением различных методов воздействия, причем, не пренебрегая индивидуально-психологическими приемами.

При длительном характере властных отношений постепенно нивелируются свойства личностного характера, проявляющиеся в мотивации поступков. С расширением числа вовлеченных в отношения превосходства и подчинения, в механизме действия власти индивидуальные желания и переживания участников отходят на второй план. Постепенно объективно данное состояние властных отношений трансформируется до уровня абсо-

---

¹ Там же. С.221.

² Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность. С.222.

лютной объективизации самой власти, что характеризует ее значительное упрочение. Проявление властных начал опосредуется степенью удаленности от центра.

Поскольку сама социальная практика создает предпосылки оформления многочисленных центров власти, обладающих разными уровнями воздействия на подчиненных, постольку с необходимостью возникают периферийные зоны, охваченные сферой воздействия различных видов власти. Состояние перекрещивающихся центров власти с неизбежностью приводит к конфликтной ситуации. Иерархичность построения системы власти предопределяется еще и тем, что неповиновение имеет, по словам Н.С.Тимашева, своим «следствием распада специфической для периферии властвования готовности повиноваться»¹. В этой иерархической системе государство должно занимать главенствующее место.

В первые годы эмиграции профессор Н.С.Тимашев опубликовал множество работ, в которых анализировалась проблематика властных отношений в Советской России. В отличие от большинства своих соотечественников, он полагал, что власть большевиков в исторической перспективе недолговечна. Первоначально, исследуя проблемы, связанные с политическим устройством Советской России, он даже не допускал возможности социального и культурного прогресса². В коллективном труде «Право Советской России», подготовленного под редакцией Н.Алексеева, С.Завадского, А.Маклецова и Н.Тимашева, утверждалась общая идея о том, что власть большевиков имеет неполитический характер. Она основана на господстве технического порядка, по принципам державности и верховенства и представляет собой «непосредственный и многообразный политический эксперимент». К советскому праву неприменимо понятие «закона», поскольку нет отличия законов от указов, соблюдения необходимых условий нормотворчества³.

Н.С.Тимашев, анализируя источники советского права, указывал, что «деспотический характер советского властвования, в силу известного закона социальной жизни, вызвал в качестве необходимого последствия распад закономерного настроения среди граждан»⁴. Он был вынужден констатировать: «Этот распад принял столь глубокие формы, что можно с полной уверенностью говорить о пассивном сопротивлении закону, как о нормальном состоянии широких масс населения»⁵.

В последующих исследованиях Н.С.Тимашев полагал, что социальный и культурный прогресс будут развиваться вопреки давлению моно-

---

¹ Там же. С.223.

² Он же. Судьбы культуры в Советской России (1917-1921 гг.) // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 3-4.

³ Право Советской России. В 2-х т. Прага, 1925.

⁴ Тимашев Н.С. Источники права // Антология мировой правовой мысли. Т.V. С. 581-582.

⁵ Там же. С.582.

польной власти. Будущность России он видел без коммунистической власти или, по крайней мере, без господства характерного для нее исключительного догматизма в сфере политической жизни. Рассматривая проблему политико-правового устройства посткоммунистической России, он предположил, что в рамках объединенного государства должны действовать относительно автономные (может быть на федеративных началах) области. Оформление культурного, социального и политического облика этих областей увязывал с существующими этнографическими особенностями. Законодательные функции он считал необходимо перераспределить пропорционально между периферией и федеральным центром. Для него непременным условием демократического развития страны являлось отсутствие монополии власти¹.

Социальное возрождение России он выводил из общемировых тенденций социального и культурного прогресса. Н.С.Тимашев утверждал, что Россия запаздывала (отставала) в своем развитии, но никогда не стояла на месте. Возрастание социальной напряженности, обуславливаемое изменениями в демографической и социальной структуре общества, по его мнению, с неизбежностью ослабляет господствующую политическую идеологию. Её содержание и многочисленность проявлений в различных социальных системах нашли отражение в многочисленных работах².

Анализируя политическое устройство послевоенного периода, он пришел к выводу, что к середине XX века в официальной идеологии произошли существенные изменения³. «Механический материализм» был заменен «диалектическим материализмом». Идея «коллективного» руководства была возведена в принцип осуществления политической власти. Помимо провозглашенной официальной идеологии в сознании населения страны присутствовало неприятие коллективизации, идея возврата к системе частной собственности и отхода от тотального планового хозяйства, хотя бы на уровне легкой промышленности. Все явственнее проявлялись требования личной свободы для каждого человека.

Падение коммунистической системы предопределено общей монополизацией власти партийным аппаратом. Внешне огромная власть внеобщественна и надсоциальна. Власть зиждется на основе страха и противится проявлению всякой оппозиции и сопротивления. С ослаблением позиций коммунистической партии эта новая (неокапиталистическая) идеология с неизбежностью будет выступать в качестве политической силы.

---

¹ Тимашев Н.С. Центр и места в послереволюционной России: (К проблеме федеративного устройства России)// Крестьянская Россия. Кн.5-6. Прага, 1923. С.44-58.

² Three Worlds: Liberal, Communist and Fascist Society. Milwaukee, 1946; The Great Retreat. N.-Y., 1946; Red Revolution After Thirty-five Years // America. Vol. 88. № 6, November, 1952; Soviet Ideology for the 1960's // Current History. Vol.43. October, 1962.

³ Тимашев С.Н. Две идеологии. (Мысли о современном положении в России) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. № 53. С.209-221.

Ученый был уверен, что «советский коммунизм» может легко рухнуть на волне малейшей демократизации и перейти в разряд историко-политических преданий¹.

Взаимосвязь психологических переживаний индивидов с «определенной коллективно-психологической атмосферой», представляющей собой совокупность нравственных норм, проникнутых властвованием, составляет содержание права как реальности. По существу власть, опосредованная моралью и нравственностью, определяет правовую действительность как на уровне индивидуального взаимодействия, так и общества в целом.

Впоследствии мораль, право и власть взаимосвязываются в единое целое. Во «Введении в социологию права» он подчеркивает: «Основная идея, касающаяся права, состоит в отождествлении его с приспособляемостью людей к социальной среде, приспособляемостью, определяемой условиями их существования»².

В дальнейшем Н.С.Тимашев отходит от данной позиции. Право предстает в качестве общественно-культурного явления³. Не только биологические, психологические или интеллектуальные установки определяют право и идеальные нормы, но и иные факторы, действующие в человеке.

В его интерпретации идеальные нормы рассматриваются в качестве социокультурного феномена как совокупности результатов длительных человеческих взаимодействий, а правовые нормы выступают элементами социальной структуры. Правовая система для него выступает мерой, показателем или главным «измерителем» социальной системы и происходящих в ней изменений.

В работе «Социальная реальность идеальных норм» (1944 г.) он особо подчеркивает: «Идеальные нормы являются частью социальной реальности, если среди членов социальной группы соответствующие им тенденции взаимодействовать или готовность совершать определенные поступки установлены и не были уничтожены последующими процессами, идущими в обратном направлении. Каждая из этих тенденций должна соответствовать идеальной норме ... Из этого вытекает, что биопсихологические явления (в которых реальность идеальных норм выражается) подлежат, главным образом, к сфере заученного поведения»⁴.

Следовательно, возникновение права как социального явления обусловлено сложившимися особенностями социального бытия. В качестве первой он выделял наличие в длительно существующей социальной группе социального порядка, общеобязательного для всех членов группы, выра-

---

¹ Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М., 1995. С.153-154.

² Timascheff N.S. An Introduction to the sociology of Law. Garvard, 1939. P. 52.

³ Тимашев Н.С. Как я стал социологом // Социологические исследования. 1994. №4. С.125.

⁴ Шоер Й. Указ. соч. С.123.

жаемого в правовых нормах. Наличие социальной власти выступало второй особенностью¹.

Различия в общественном устройстве и характере власти, по мнению Н.С.Тимашева, обуславливают множественность правовых систем. Изменения в социальной и политической сферах становятся явными через изменения в правовой системе. Биологические, психологические и интеллектуальные факторы, составляющие содержание права и власти, представляют собой взаимопроникающие, а не сталкивающиеся друг с другом системы, каждая из которых предстает необходимым аспектом другой.

Н.С.Тимашев весьма скептически оценивал теоретический уровень научных исследований в области изучения социальных аспектов проявления феноменов права и власти. Он определял область социально-правовых исследований проблематикой анализа социальных изменений, опосредованных правовыми и неправовыми нормами. Для него была явной необходимостью анализа закона как качественной характеристики социального порядка. Он считал, что следует рассматривать социологические аспекты функционирования правоохранительных институтов, органов и организаций.

Указывая на явные достижения в области методики организации и проведения прикладных социально-правовых исследований, он отмечал, что наряду с увеличением общего количества эмпирических исследований, количественный подход должен использоваться в разумных пределах и целесообразно проводить идентичные или сходные исследования². Критически оценивая роль социологии права как дисциплины, призванной изучать право в качестве социального феномена, им подчеркивалось, что она еще не смогла разработать «чего-либо осязаемого и настолько достоверного, чтобы это можно было предложить для включения в центральное ядро социологической теории»³.

Как мы видим, в работах Н.С.Тимашева периода русского зарубежья первой волны эмиграции уже были сформулированы достаточно оригинальные идеи и сформулированы интересные подходы в рассмотрении проблем правовой реальности. В работах второй половины XX века восприятие природы, сущности и назначения права и власти оформляется концептуально, что позволяет говорить о нем как о крупном исследователе в области социально-психологических методов анализа сущности права и власти.

25. Гинс Георгий Константинович

---

¹ Тимашев Н. Развитие социологии права и ее сфера // Современная социологическая теория / Под ред. Г.Беккера, А.Боскова. М., 1961. С.488.

² Он же. Куда движется американская социология права?// Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.III. №2. С.15-17.

Тимашев Н. Развитие социологии права и ее сфера. С.507.

В научном наследии русского зарубежья выделяется солидаристская теория Г.К.Гинса (1887-1971) – юриста и публициста, разработавшего концепцию координационного права. Г.К.Гинс родился в семье офицера в Модлине (бывший Новогеоргиевск, современная Польша). В 1905 г. окончил гимназию, а в 1909 юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Работал при Министерстве юстиции, затем в Поселенческом управлении. В 1916 г. он стал приват-доцентом Петроградского университета, а в 1918 возглавил кафедру гражданского права Омского политехнического института. Работа в правительстве Колчака нашла отражение в мемуарах «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1920). В 1920-38 преподавал на Русском юридическом факультете в Харбине, служил при Управлении КВЖД, вел адвокатскую практику. В 1929 году в Париже защитил магистерскую диссертацию. В 1941 выехал в г.Сан-Франсиско (США), где редактировал газету «Русская жизнь». С 1945 по 1954 гг. преподавал в Калифорнийском университете, затем до 1964 года работал на радиостанции «Голос Америки».

В его работе «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» были сформулированы экономическое, психологическое и юридическое основания обоснования солидаризма как стройной единой системы. Основу теоретического анализа сущности права и власти составили идеи социологического институционализма и психологического направления в правоведении.

В раскрытии динамики развития общих тенденций эволюции власти и права ученый полагал, что следует, прежде всего, определить общие тенденции и причинно-следственную обусловленность и рассматривать повторение «одних и те же явлений у разных народов и в разные эпохи и соответствие их общим положениям социальной психологии»¹.

В методологическом плане Г.Гинс исходил из необходимости выявления типичных признаков и свойств, характерных для социальной практики. В анализе совокупности явлений, оказывающих воздействие на развитие права, он был сторонником многофакторного подхода и решительно выступал против экономического детерминизма. Обосновывая применение историко-сравнительного метода, исследователь подчеркивал целесообразность учета социокультурного фактора следующим образом: «Исучение каждой системы права должно производиться в связи с общими условиями и особенностями культуры того народа и той эпохи, к которой эта система относится»².

---

¹ Гинс Г. Право и культура (процессы развития и формирования права). Харбин, 1938. С. 4, 128.

² Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. Вып. I. Харбин, 1931. С. 55.

В целом в концептуальном изложении солидаризм, рассматриваемый как фактор и результат социокультурного прогресса, воспринимался в качестве попытки согласования и гармонизации общественных и частных интересов. Свою точку зрения Г.Гинс отстаивал следующим образом: «Солидаризм близок к психологии современного человека, он отвечает тенденции нашего времени, он повышает этический уровень и способствует материальному прогрессу»¹.

В трактовке Г.Гинса солидаризм представлял собой «систему юридических взаимоотношений внутри общественных групп и между группами, при которой участники обеспечивают свои интересы совместными или согласованными действиями, обязуясь подчиниться установленному в связи с этим принудительному порядку»². По признанию ученого психологическую основу солидаризма составил «человеческий эгоизм, но сознавший выгоды самоограничения. Залогом его успеха является сознательность, но он не может все же вовсе обойтись без принуждения, хотя бы для того, чтобы обеспечить выполнение добровольно принятых обязательств»³.

Разрабатывая свою доктрину, Г.Гинс был вынужден признать, что идеи солидаризма в академической среде получили большую поддержку у экономистов и философов, нежели правоведов⁴. Существующее скептическое отношение исследователь суммировал в следующих положениях: 1) солидаризм не разрешает вопроса социального неравенства; 2) личные интересы подчинены общественным; 3) принижена индивидуальная ответственность и возвышена ответственность общества; 4) отрицается принцип классовой борьбы.

Своим оппонентам ученый отвечал таким образом: «Солидаризм никогда не удовлетворит тех, кто увлекается утопией насаждения равенства, или тех, кто хочет уничтожить частную собственность. Солидаризм отрицает классовую борьбу, как единственное средство преобразования общества, - он не ограничивается также проповедью благотворительности, т.к. он привлекает к активности общественные организации и государство, ищет юридических санкций и гарантий»⁵.

С позиции социологического позитивизма понятие «солидарность» Г.Гинс использовал как в раскрытии совокупности социальных взаимосвязей индивидов, так и в качестве морально-утилитарной нормы, способствующей сотрудничеству различных слоев населения. В его теории кате-

---

¹ Он же. Предприниматель. М.: Посев, 1992. С. 210.

² Он же. На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму). Харбин, 1930. С.34.

³ Там же. С.41.

⁴ См.: Кистяковский Б. Социальные науки и право. М., 1916. С.587-589; Спекторский В.Е. Теория солидарности // Юридический Вестник. 1916. Кн. XI. С.92; Он же. Христианство и культура. Прага, 1924. С.186, 188; Синайский В. Основы гражданского права. Вып. I. Рига, 1924. С.38.

⁵ Гинс Г. На путях к государству будущего. С. 40.

гория «солидарность» предстает фактом (результатом) социальной практики и нормой в системе правопорядка. Соотношение факта и права он выводил как «сложное взаимодействие, основанное на психологическом приспособлении людей к фактическим условиям и тех влияниях, которые оказывают при этом на их поведение правовые эмоции»¹. Рассматривая сущность и значение права, ученый исходил из посылки, согласно которой организованное человеческое сообщество уже предполагает наличие действующей системы права. В его восприятии правовая норма представляла собой не только результат достижений социальной культуры, но и явление социальной психологии.

Г.Гинс придерживался концептуальной установки Л.И. Петражицкого² в анализе права и определял ее как «долг одного лица, закрепленный за другим»³. Он полагал, что правовые обязанности определяют эмоции, представляющие собой особый вид мотивации поступков, основанных на психическом предрасположении к действиям, соответствующим идее долга⁴. В самой широкой трактовке правовые нормы наш соотечественник выводил из правил поведения людей, «подчинение которым для одних является предметом их обязанностей, для других предметом их притязаний»⁵.

На начальной стадии оформления правовой нормы подобно М.М.Ковалевскому Г.Гинс выделил приспособление людей к условиям существования, свойственное совместно живущим в социуме индивидам. С эволюцией человеческого сообщества правила поведения приобретают характер обязательности. С осознанием долженствования поступков и действий происходит формирование психологии долга. «Изменяется психология поведения людей в их взаимоотношениях друг к другу и обществу, - отмечал ученый, - изменяются и их представления о долге»⁶.

Помимо психологического фактора в объяснении сущности права он исходил из фактически установившегося порядка в социальной среде. «Сложившийся и долго действующий порядок, представляя собой продукт продолжительной эволюции, - указывал Г.Гинс, - сам становится серьезным фактором дальнейшего процесса»⁷.

Анализируя проблему происхождения права, он выводит зависимость правовых норм от особенностей мировоззрения и социальных отношений, полагая, что первоначальное взаимоотношение людей сводилось к использованию простейших формулировок типа: «нельзя», «можно»,

---

¹ Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 59.

² Петражицкий Л.И. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. СПб, 1911. С. 1.

³ Гинс Г.К. Учение о праве и политическая экономия. Вып. I. Харбин, 1933. С.29.

⁴ Он же. Право и культура. С. 2.

⁵ Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 8.

⁶ Гинс Г. Право и культура. С. 3.

⁷ Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 55.

«надо». Он предположил, что ранее всего возникли охранительные нормы. В качестве существенных отличий права от социальных норм наш соотечественник выделил принудительное начало, точность и определенность правовых норм.

В классификации видов права по источникам оформления исследователь различал позитивное и интуитивное право. В его понимании право, опирающееся на авторитет законов, обычаев, судебных решений и т.п. представляет собой позитивное (положительное) право. Стремление к унификации поведения индивидов при многообразии социальной практики и значительном разнообразии социального состава общества уже предполагает повышение роли позитивного права.

Источником интуитивного права предстает внутреннее правосознание, без ссылки на какой-либо внешний авторитет. В данном случае исследователь настаивал на применении следующего положения: «Если судья не может решить дело по закону, или обычаю, то он решает его по справедливости»¹. Поскольку интуитивное право всегда имеет либо личный, или групповой характер, постольку в правоприменительной деятельности применительно к большим обществам со сложным составом, по его мнению, сложно ее использовать в качестве права общего значения. «Представим себе, - указывал Г.Гинс, - разгулявшиеся во время революции страсти, падение авторитета закона и распространение психологии мести за прежнее неравенство, признание справедливости убийств, грабежей и всяких бесчинств, и тогда перед нами встает яркий пример отрицательного интуитивного правосознания, ведущего к деморализации»².

Кроме того, интуитивное право очень часто, по его словам, «отражало старые уже вытесненные новой культурой верования и взгляды, которые являются пережитками»³.

Позитивную сторону интуитивного права он видел в выражении передовых настроений, сочетании различных идей, в том числе религиозных, нравственных и правовых в проявлении интуитивного права, создающих возможности в раскрытии новых форм правотворчества. Комбинация различных идей и психологических стимулов рождает идею справедливости, которую он обозначил как «внутреннюю правду».

В структуре интуитивного правосознания Г.Гинс различал индивидуальное и групповое правосознание. Идеи отдельного лица, его личные убеждения, обращение к этическим принципам представлялись «вескими сами по себе, когда лицо это является особенно выдающимся и авторитетным»⁴. В групповом правосознании находят отражение настроения поддержки или оппозиции существующему правопорядку.

---

¹ Он же. Учение о праве и политическая экономия. С. 36.

² Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 35.

³ Гинс Г. Право и культура. С. 58.

⁴ Там же. С. 59.

Г.Гинс полагал, что в интуитивном праве правовому убеждению присуща автономность, поскольку оно опирается на индивидуальное сознание. Тогда как позитивное право, состоящее из совокупности различных нормативных актов и приходящих извне, имеет гетерономный характер¹.

Существующие противоречия между позитивным и интуитивным правом Г.Гинс свел к трем типам: 1) классовым и индивидуальным; 2) историческим или эволюционным; 3) казуистическим. «Первые, отмечал он, возникают на почве несоответствия правосознания отдельных групп населения и отдельных лиц тем правилам поведения, которые устанавливаются позитивным правом. Чем разнообразнее состав народонаселения ..., тем чаще возникают эти конфликты. В пределах самой интуитивно-правовой психики народа нет согласия и однообразия правосознания. Одна группа борется с другою»². Наиболее опасным противоречием он считал исторические или эволюционные конфликты, возникающие из-за отставания позитивных правовых норм от интуитивного права. Возникновение казуистических конфликтов возможно в тех случаях «когда право становится слишком формальным, когда все дела под одну мерку, независимо от их существа, когда позитивное право, увлекаясь тенденцией однообразия (унификации) правовых норм, закрывает возможность применения интуитивного права»³.

Исследователь был убежден, что в современных обществах наиболее оптимальным является совместное существование правовых норм, оформляемых позитивными и интуитивными методами.

Различая право на объективное и субъективное, Г.Гинс выделил публичное и частное право. К публичному праву он соотнес конституцию, законы о суде, уголовные законы, законы о военнослужащих, законы о налогах и т.д., посредством которых, при необходимости принудительными мерами, обеспечивалась организация правопорядка. По его мнению публичные правовые нормы способствуют укреплению связи индивида с обществом. В публичном праве ученый различал следующие отрасли: государственное, административное, финансовое, уголовное и судебное (судопроизводство).

По Г.Гинсу частное право, прежде всего, направлено на закрепление существующей системы распределения между людьми экономических благ посредством установления свободы действий. В данном случае оно преимущественно защищает свободу собственности, свободу договоров, свободу наследования и ограждает личную свободу в сфере семейной и хозяйственной жизни. Структуру частного права, по его мнению, должны составить гражданское и торговое право.

---

¹ Там же. С. 60.

² Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 37.

³ Там же. С. 38.

Исследователь полагал, что в публичном праве «власть дается в интересах подвластных или в интересах того общества, или того государства, в которых дается власть» и поэтому имеет альтруистический характер. Власть же в частном праве характеризуется эгоистической направленностью¹.

Акцентируя внимание на социальных аспектах обеспечения правопорядка, действия публичного и частного права, Г.Гинс полагал целесообразным их совместное параллельное существование, подчеркивая при этом следующее обстоятельство: «И здесь мы видим гармоническое сочетание, отвечающее двойственной природе человека, с одной стороны, стремящегося к свободе личного самоопределения, с другой стороны, нуждающегося в поддержке общества и общественной организации»².

Г.Гинс выступил против «смешанной системы» права и предложил оперировать «регулятивный» типом права, который вкупе с публичным и частным правом должен был составить современную правовую систему.

Анализируя проблемы правотворчества, он выделил определяющую роль законодательства, которое почти целиком вытеснило обычное право. Правотворчество в кратком рассмотрении он предлагал выводить из наличия трех авторитетов: факта, лица (или учреждения) и идеи или принципа, особенно этического принципа.

Характер и содержание права, по его мнению, определяются фактически существующим социальным порядком, «свойствами и взглядами людей, которые руководят общественной жизнью и обладают авторитетом и, наконец, сущностью идей и этических принципов, принимаемых за основу, при логических выводах и построениях, законодателями, судьями и учеными юристами»³

Наш соотечественник полагал, что развитие права происходит неравномерно и зависит от изменений, происходящих в материальной, духовной и социальной сферах культуры. Г.Гинс был убежден в том, что «чем подробнее изучается процесс развития права, с точки зрения приспособления его к нуждам социальной культуры (социализация права), чем исчерпывающе и яснее понимание этого процесса, тем больше возможности овладеть этим процессом, подчинить и его сознательно избираемому направлению»⁴.

Развитие социальной культуры способствует прогрессу в оформлении и утверждении права. Он подчеркивал: «Медленно, но неуклонно человеческая личность эмансипируется от разносторонней опеки и приобре-

---

¹ Гинс Г.К. Учение о праве и политическая экономия. С. 87.

² Он же. Право и культура. С. 133.

³ Гинс Г. Право как явление культуры// На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь профессора Н.С.Тимашева. С.406.

⁴ Он же. Право и культура. С.204.

тает свободу личных и имущественных отношений»¹. Уже в совершенствовании техники исполнения правовой нормы (уголовный и гражданский процесс, система укрепления прав, методы толкования) он усматривал наличие правового прогресса.

Эволюция культуры и прогресс в правовой сфере обуславливают и дополняют друг друга. Он полагал, что правовая культура «эволюционирует в сторону обеспечения общего блага, при наименьшем стеснении личной свободы и при наименьшем ущербе достоинству человека»². Исследователь констатировал: «Укрепление правовых основ общественной жизни и накопленный опыт правового общественного устройства способствуют как расширению, так и изменению механизмов действия институтов права и власти. Механизм правового регулирования дополняется общественной самодеятельностью, расширением местного самоуправления, децентрализации управления и т.д. Наряду с обеспечением права отдельной личности в совокупности правовых норм оформляется право «социально слабым»³.

В интерпретации Г.Гинса государство – это «независимая ... социальная организация, обладающая верховной властью и объединяющая служением государству все другие иерархически-соподчиненные социальные власти»⁴. Власть и ее организация, по его мнению, определяют сущность и характер государства. Он полагал, что в современных западных государствах наблюдается кризис демократии. В качестве причин, обусловивших это явление, он называет некомпетентность администрации демократических стран, неудовлетворительность законодательства и низкую эффективность работы парламентов, нечистоплотность в выборе средств партиями в ходе парламентской борьбы и т.д.

В общей тенденции развития государства он подчеркивает снижение удельного веса институтов власти, детерминирующих социальную практику, когда снижается давление на отдельного индивида, «каждый гражданин приобретает возможность всестороннего развития; все большее количество лиц активно участвуют в государственной жизни»⁵.

В представлении ученого современное состояние хозяйства и взаимоотношений труда и капитала «уже подготовило переход к новому порядку, воспитывая привычку к сотрудничеству, организованной защите интересов и согласованию планов»⁶. Демократическое государство должно поощрять осуществление солидарности как путем соответствующего законодательства, так и непосредственным действием.

---

¹ Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. С. 107.

² Он же. Право и культура. 156.

³ Там же. С.157.

⁴ Он же. Учение о праве и политическая экономия. С. 78.

⁵ Гинс Г.К. Право и культура. С. 154.

⁶ Он же. Предприниматель. С.218.

Г.Гинс исходил из положения, по которому либеральное (правовое) государство уже выполнило свою культурную миссию, воспитав гражданское самосознание, раскрыв творческую энергию индивидов и укрепив дух предпринимательства. Он полагал, что властные институты, постепенно вторгаясь в систему управления всеми областями социальной жизни, трансформируют либеральное государство в государство социально ориентированного типа, в котором основной целью является обеспечение благосостояния широких масс и повышения их культурного уровня.

Солидаристское государство должно было охватывать все социальные слои общества. Г. Гинс полагал: «Государственный строй, проникнутый началами солидаризма, должен не только содействовать, но и поощрять объединения граждан, имеющих общие интересы, в частности, объединения предпринимателей и, параллельно, объединения рабочих, и обеспечивать им авторитетное представительство их интересов перед государственной властью»¹.

Особенностью государства, построенного на провозглашаемых принципах, являлась «иерархия солидаристически построенных общественных организаций, которые, охватывая по возможности все население и представляя все его интересы в параллельно сосуществующих организациях, стремятся не к поглощению одних другими, а к согласованному сотрудничеству в государстве, как высшем единстве»².

Задачу нового государства Г.Гинс видел в примирении интересов противоположных (антагонистических) классов и групп, защите интересов более слабых слоев населения в целях сохранения социального мира. Согласование предполагалось осуществлять либо в порядке добровольных соглашений на договорных началах, или при посредническом участии государства. Такое государство представляло собой тип корпоративного государства

Государство должно принять на себя функции защиты интересов широких масс населения, ограждения от злоупотреблений предпринимателей и финансистов. По его мнению, единственно верный путь в предотвращении повсеместного вмешательства государства, основанного на публичном праве, в хозяйственную жизнь, регламентированной частным правом, состоит в оформлении нового права – регулятивного.

Утверждая принцип государственного регулирования хозяйственной деятельности, он отстаивал необходимость сохранения частной собственности. Ограничения в области регулирования экономической деятельности предлагалось осуществлять специальными законами, притом исходя исключительно из соображений экономической выгоды.

В преобразовательной деятельности большую роль он отводил социальному слою предпринимателей. Он подчеркивал: «Если сам предприни-

---

¹ Там же.С. 215.

² Он же. На путях к государству будущего. С. 41.

матель и окружающие его будут отдавать себе ясный отчет в том, насколько велико значение предпринимательства для народного хозяйства и при каких условиях предпринимательство может развиваться, то нетрудно будет достигнуть и должного согласования и сотрудничества предпринимателей с рабочими и потребителями»¹.

В правотворческой деятельности Г.Гинс предложил учитывать совокупность социальных факторов, оказывающих действие на реализацию правовой нормы. В частности, ученый полагал, что «необходимо хорошо знать общественные условия, социальную среду, ее культурный уровень и состав, разделение ее на группы и их взаимоотношение». Помимо объективных, он акцентировал внимание на значении субъективных факторов: «Современный законодатель должен знать больше, чем только предмет своего законодательного акта, он должен ставить его в связь с общей системой правовой культуры, он должен знать людей, которые закон будут применять, и фактические условия, в которых закон будет действовать»².

Оценивая в целом развитие идеи права и власти в научном творчестве Г.Гинса необходимо отметить следующее: в поле его зрения находились не столько проблемы источников права, сколько перспективы развития его в будущем. Он полагал, что регулятивное право в солидаристском обществе трансформируется в координационное право, старался предвидеть его формы и особенности проявления. Вслед за Л.И.Петражицким считал целесообразным создание новой науки - «политики права». В рамках солидаризма право рассматривалось как сила, создающая, поддерживающая и укрепляющая общественный порядок, удерживающая людей от проявления злостных и враждебных стремлений и способствующая их взаимной солидарности и взаимопомощи.

В определенном смысле теория солидаризма представляет собой комбинацию идей, привнесенных из социологического институционализма, психологии, социальной антропологии, экономики и т.д. В условиях социальных катаклизмов первой половины XX века сама постановка необходимости социального переустройства на основах солидаризма и трансформации государственного устройства в форму солидаристского, пропаганда регулятивного права, переходящего в координационное право не может не вызывать сочувствия к научному творчеству нашего соотечественника. Расширение корпоративной системы в организации экономической деятельности, «корпоративной морали» в иерархизированных социальных структурах, социальная направленность государственной политики в индустриальных обществах уже позволяет говорить, что происходит процесс постепенного проникновения идей солидаризма в практику социального регулирования.

---

¹ Гинс Г. Предприниматель. С. 218.

² Он же. Право и культура. С.53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время происходит кардинальная переоценка правового наследия России – речь в первую очередь идет о дореволюционных трудах российских юристов. Налицо процесс преодоления утвердившихся стереотипов и одиозных трактовок правоведов той эпохи. Можно констатировать, что уже во второй половине XIX в. создаются предпосылки для становления теоретических основ российского правоведения. С 70-х гг. XIX в. отечественная правовая мысль характеризуется многоаспектным подходом к праву, в это время складываются основные школы отечественной юридической науки.

В XIX в. процесс развития общей теории права в России проходил в различных направлениях. Наибольшее распространение и наиболее завершённую форму получили неогегельянство, юридический позитивизм (юридический догматизм), социологический позитивизм, естественно-правовой подход. Ведущими представителями неогегельянства в России являлись П.Г. Редкин и Б.Н. Чичерин. Для традиции российской юриспруденции характерно стремление интегрировать философию права в общую систему правовой теории, в качестве элемента общей энциклопедии права. Поиск этико-онтологических корней права позволял осмыслить нравственно-правовые основы отечественного бытия, используя потенциал западной философской, этической и юридической мысли. Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев заложили основы русского философско-правового идеализма, которому противостояли, с одной стороны, марксисты, с другой – ученые, взявшие на вооружение позитивистскую методологию.

Во второй половине XIX столетия в российской юриспруденции господствовала позитивистская теория права, которая, с одной стороны, требовала изучения права в тесной связи с другими социальными явлениями и ориентировала прежде всего на "социологический позитивизм" (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, А.В. Лохвицкий и др.), с другой стороны, рассматривала право как самодовлеющую форму, оторванную от его содержания, - "юридический позитивизм" (М.Н. Капустин, А.Д. Градовский, Н.К. Ренненкампф, С.В. Пахман, Г.Ф. Шершеневич и др.).

В России первым о необходимости социологического подхода к праву заявил С.А. Муромцев. Распространение в научной среде получила его концепция, определявшая право как систему общественных отношений, защищенных государственным принуждением. К сожалению, С.А. Муромцеву не удалось создать своей научной школы. Более известен как социолог не только в России, но и в Европе М.М. Ковалевский, который, как и С.А. Муромцев, разрабатывает социологическое понимание права.

Наряду с социально-юридической концепцией понимания права, активно развивается школа догматической юриспруденции, среди представителей которой следует выделить, прежде всего, Г.Ф. Шершеневича.

Опираясь на положения юридического позитивизма, он и его единомышленники трактовали право как совокупность общеобязательных норм, выражающих требования государства и обеспечиваемых его принудительной силой. Право как объект исследования было вычленено из социального бытия, ограничено рамками нормативного проявления и в таком качестве подвергнуто изучению "изнутри" самого права. При этом Г.Ф. Шершеневич отрицательно относился к теории естественного права. С начала 80-х годов XIX в. усилиями таких ученых, как Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман, Е.В. Васьковский, Н.И. Палиенко, Д.Д. Grimm и других, юридический позитивизм, задачи которого сводились не к раскрытию сущности права, а к описанию правовых явлений и их систематизации в русле юридической догматики, стал в России господствующим направлением в общей теории права и в отраслевых юридических дисциплинах. Юридический позитивизм нанес решительный удар по учению о естественном праве и на многие годы вперед оказал огромное влияние на развитие правовой науки в России.

В свою очередь, с глубокой критикой позитивистской трактовки права в начале XX в. выступили крупнейшие русские философы-юристы. В противовес позитивистам они выдвинули идею возрождения теории естественного права. В рамках естественно-правовой теории начинает разрабатываться концепция правового государства. Естественное право, органично включая в себя правовые, философские и религиозные идеи, в начале XX в. приобретает роль основного философско-правового течения, которое в той или иной мере разрабатывали видные русские философы и юристы, такие, как Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, С.А. Котляревский, И.В. Михайловский, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, Е.Н. Трубецкой, Ф.В. Тарановский, А.С. Яценко и др. Так, П.И. Новгородцев, исходивший из рационализма Канта и его положений об определяющем значении нравственных начал в человеке, изучал право с точки зрения его идеальной цели и выводил его сущность из требований нравственного закона.

Значительный вклад в развитие философии права в России внесли православные мыслители И.А. Ильин, П.Е. Казанский, Л.А. Тихомиров, П.Д. Юркевич и другие. В своих трудах они показали, что основополагающими критериями русского религиозного правосознания являются внутренняя правда, внутренняя свобода и вера, не требующие рационального обоснования. Сущность права раскрывалась ими через его религиозный смысл, являющийся изначальным условием существования права как такового.

Теоретические изыскания представителей отечественной дореволюционной научной мысли, получили признание в западной социальной и правовой науке. Наши соотечественники после изгнания из Советской России в лучших дооктябрьских традициях продолжили свои научные изыскания. Особенно заметный вклад внесли наши соотечественники в

развитие правоведения стран их проживания. В своих научных изысканиях они сформулировали оригинальные теоретические подходы и установки в анализе правовой и социальной действительности, которые в значительной степени предвосхитили ряд общепринятых общетеоретических концепций. Можно с полной уверенностью утверждать, что научные разработки представителей русской иммиграции внесли значительный вклад в развитие западного правоведения и социальной мысли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов А.Б. Учебник административного права. М., 1999.
- Азаркин Н.М. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999.
- Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999.
- Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.
- Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. IV, V.
- Баранов П.П. Развитие философии права в России: традиции и современные проблемы // Философия права. 2000. № 1.
- Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И. Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12.
- Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. М., 1994.
- Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX веков // Вопросы философии. 1991. № 8.
- Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
- Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978.
- Горожанин А.В. Взаимосвязь учения о полиции и государстве в истории правовой мысли. СПб., 1999.
- Загряцков М. Полицейское право // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Изд. 11-е, стереотипное. Т.32. М., [Б.г.].
- Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2. Ч.II. Л., 1991.
- Зипунникова Н.Н. Государственная политика в сфере юридического образования в дореволюционной России: этап становления // Российский юридический журнал. 1998. № 1.
- Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX - начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975.
- Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
- Зорькин В.Д. Муромцев. Из истории политической и правовой мысли. М., 1979.
- Исаев И.А. Русская юридическая наука за рубежом: 20-е – начало 30-х годов // Государство и право. 1994. № 7.
- Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI-XX вв. М., 1995.
- История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации. М., 1998.
- История философии права. СПб., 1998.
- Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): Библиографический указатель / Сост., предисл. и научн. редакция А.Н. Якушева. Ставрополь, 1998.
- Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989.

Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). М., 1980.

Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин: Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т.1.

Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Ячменев Ю.В. Константин Алексеевич Неволин // Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. История философии законодательства. СПб., 1997.

Медушевский А.Н. История русской социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 1993.

Москвина А.Г. Становление русской юриспруденции: XVIII век. СПб., 2000.

Наумов А.В. Посмертно подсудимый. М., 1992.

Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1998.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

Новгородцев П.И. Введение в философию права. М., 1996.

Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999.

Окара А.Н. Правосознание - центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. № 6.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи теорией нравственности. СПб., 2000.

Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. Пер. с англ. М., 1994.

Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

Русская философия права. Антология. СПб., 1999.

Савицкий И., Савицкая Э. Грустный юбилей: К 70-летию со дня открытия Русского юридического факультета в Праге // Государство и право. 1992. № 6.

Соловей Ю.П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6.

Старилов Ю.Н. Вместо введения. К истории развития административного права // Галлиган Д., Полянский В.В., Старилов Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002.

Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука Российской эмиграции (1918-1939). М., 2000.

Тихомирова М.Л. К вопросу о сущности полицейского права // История государства и права. 2001. № 5.

Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997.

Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с французского. М.: ОГИ, 2001.

Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). Уфа, 1993.

Ячменев Ю.В. К.А. Неволин – родоначальник философии права в России // Государство и право. 1994. № 12.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Становление

1. Вводный очерк	7
2. Десницкий Семен Ефимович	25
3. Куницын Александр Петрович	35
4. Тургенев Николай Иванович	48
5. Неволин Константин Алексеевич	54

II. Развитие

6. Чичерин Борис Николаевич	68
7. Градовский Александр Дмитриевич	78
8. Муромцев Сергей Андреевич	86
9. Ковалевский Максим Максимович	93
10. Шершеневич Габриель Феликсович	107
11. Трубецкой Евгений Николаевич	116
12. Кистяковский Богдан Александрович	125
13. Новгородцев Павел Иванович	130
14. Петражицкий Лев Иосифович	141
15. К истории российской науки полицейского права	149

III. Эмиграция

16. Вводный очерк	161
17. Тарановский Феофил Вальтасарович	173
18. Спекторский Евгений Васильевич	181
19. Вышеславцев Борис Петрович	186
20. Алексеев Николай Николаевич	194
21. Ильин Иван Александрович	201
22. Сорокин Питирим Александрович	215
23. Гурвич Георгий Давыдович	232
24. Тимашев Николай Сергеевич	237
25. Гинс Георгий Константинович	246

Заключение	256
------------	-----

Список использованной литературы	259
----------------------------------	-----

Кашапов Урал Абубакирович,
Мотин Сергей Витальевич,
Хафизов Энгель Диньярович

**Из истории становления и развития
социально-правовой мысли в России**
(Вторая половина XVIII – первая треть XX в.)

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Подписано в печать	2005 г.	Гарнитура Times
Отпечатано на ризографе		Формат 60x84 1/16
Уч. изд. л. 18,8		Усл. печ. л. 16,5
Тираж 100 экз.	Заказ № 13.	Цена свободная

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450091, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Уфимского юридического института МВД России
450091, г. Уфа, ул. Муксинова, 2